

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (50)

Научный журнал

Издается с сентября 1993 г.
Выходит 4 раза в год



МОСКВА
2020

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
«Институт научной информации
по общественным наукам РАН»

Редакция журнала

Главный редактор –

А.Н. Николюкин – д-р филол. наук,
Е.А. Цурганова – канд. филол. наук, зам. главного редактора,
Т.Г. Юрченко – ответственный секретарь

Редакционный совет

В.Н. Аношкина – д-р филол. наук, *И.Л. Волгин* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *И.В. Логвинова* – канд. филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *В.Т. Олейник* – канд. филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.Н. Терёхина* – д-р филол. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *А.И. Чагин* – д-р филол. наук, *Е.П. Чельшев* – академик РАН

DOI: 10.31249/litzhur/2020.50.00

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

© Литературоведческий журнал, 2020

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2020

ISSN 2073-5561

СОДЕРЖАНИЕ

К 130-летию рождения Бориса Леонидовича Пастернака

<i>Иващенко Е.Г.</i> «Она проклятие мое»: к вопросу о стиховом начале в прозе Б. Пастернака	7
<i>Ранчин А.М.</i> «Рождественская звезда» Бродского и «Зимняя ночь» Пастернака	22
<i>Дмитренко С.Ф.</i> «Не дано примелькаться»: из опыта чтения прозы и поэзии Бориса Пастернака	34
<i>Николюкин А.Н.</i> «Легкое дыхание» Бунина и Лара Пастернака	50
<i>Логвинова И.В.</i> Г.В. Свиридов о Б.Л. Пастернаке	54
<i>Красавченко Т.Н.</i> «Доктор Живаго» с английским акцентом	61

Библиография

<i>Стрижёв А.Н., Бирюкова М.А.</i> К ландшафту отечественной словесности	86
<i>Александр Николаевич Стрижёв:</i> Материалы к библиографии / Составление и вступительная заметка <i>М.А. Бирюковой</i>	95

Публикации

<i>Стрижёв А.Н.</i> Своими путями-дорогами: (Из воспоминаний) / Публикацию подготовила <i>М.А. Бирюкова</i>	176
--	-----

Заметки Кота Ученого

Читая «Живаго»..... 224

Коротко об авторах 226

JOURNAL OF LITERARY HISTORY AND THEORY

CONTENTS

To the 130th anniversary of Boris L. Pasternak

<i>Ivashchenko E.G.</i> «She is my curse»: elements of poetry in prose of B. Pasternak	7
<i>Ranchin A.M.</i> The «Christmas Star» by J. Brodsky and B. Pasternak's poem «Winter Night».....	22
<i>Dmitrenko S.F.</i> «Can't get used to it»: from the experience of reading prose and poetry by Boris Pasternak.....	34
<i>Nikolyukin A.N.</i> Bunin's «Light breath» and Pasternak's Lara.....	50
<i>Logvinova I.V.</i> G.V. Sviridov on B.L. Pasternak	54
<i>Krasavchenko T.N.</i> «Doctor Zhivago» with English accent	61

Bibliography

<i>Strizhov A.N., Biryukova M.A.</i> To the landscape of Russian literature	86
Aleksandr Nikolajevich Strizhov: To the bibliography / Comp. a. preface by <i>M.A. Biryukova</i>	95

Publications

<i>Strizhov A.N.</i> Going my own way: (From the memories) / Publ. by <i>M.A. Biryukova</i>	176
--	-----

Notes of the Learned Cat

Reading «Zhivago» 224

Author index 226

К 130-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ЛЕОНИДОВИЧА ПАСТЕРНАКА

УДК 82.1

DOI: 10.31249/litzhur/2020.50.01

Е.Г. Иващенко

«ОНА ПРОКЛЯТИЕ МОЕ»: К ВОПРОСУ О СТИХОВОМ НАЧАЛЕ В ПРОЗЕ Б. ПАСТЕРНАКА

Аннотация. В статье рассматривается специфика прозаического творчества Б. Пастернака с точки зрения использования в нем стиховых элементов, а также авторская рефлексия над проблемой взаимодействия стиха и прозы.

Ключевые слова: Б. Пастернак; проза; стих; «проза поэта»; метафоризация; ритмизация; фоника; сюжет.

Ivashchenko E.G. «She is my curse»: elements of poetry in prose of B. Pasternak

Summary. The article analyses use of poetic elements in B. Pasternak fiction and the author's reflection on crossing prose with poetry.

Keywords: B. Pasternak; prose; poetry; «prose poetry»; metaphorization; rhythmization; phonics; plot.

Борис Пастернак вошел в историю литературы как мастер стиха и прозы. И, как показывает изучение его биографии, вопрос о взаимодействии этих форм, об их сущностном сходстве и различии вызывал рефлексии автора с начала и до конца его творческой деятельности.

Р. Якобсон определил прозу писателя как «вторично приобретенный язык», как «прозу поэта» [18]. Д. Лихачев в работе «Борис Леонидович Пастернак. Жизнь» называл прозу писателя «подстрочником-переводом стихотворного текста», отмечал ее метафоричность [3, с. 24]. Ю. Орлицкий в своем труде «Динамика стиха и прозы в русской словесности» рассмотрел проблему стихо-прозаической дихотомии в романе «Доктор Живаго» [4]. Много ценных замечаний о специфике создания текстов оставил Е. Пастернак в работе «Борис Пастернак. Биография» [13]. Интересные наблюдения над спецификой стиха и прозы в творчестве писателя встречаются во вступительной статье Л. Флейшмана «Свободная субъективность» к 11-томному Собранию сочинений писателя [17]. Целью данной работы станет изучение стиховности прозаических текстов Б. Пастернака и его отношения к проблеме стихо-прозаической дихотомии, теоретическая рефлексия.

Ранний период творчества Пастернака традиционно связывают с поэзией. Первые публикации в сборнике «Лирика» (1913), выход книг «Близнец в тучах» (1913), «Поверх барьеров» (1916), «Сестра моя – жизнь» (1917), «Темы и вариации» (1916–1922) закрепили за ним статус поэта. А вот как прозаик он стал известен позже, уже в 1920-е годы, с публикацией «Детства Люверс» (1922), «Воздушных путей» (1924), поскольку более ранние тексты оставались на периферии читательского внимания. Полное же признание прозаического таланта Пастернака связано с публикацией романа «Доктор Живаго», законченного в 1955 г.

За этим внешне прямым путем от стиха к прозе, традиционным для многих писателей, лежат долгие поиски собственного стиля, попытка «встать на голову» (Пастернак) [13, с. 500]. Трудности, возникшие при создании прозаических текстов, порождали творческую рефлексию: Пастернак много размышлял о природе своего дарования, пытался понять механизм рождения стиха и прозы, определить их сущностные характеристики.

Б. Пастернак сделал свои первые шаги в литературе одновременно и в стихе, и в прозе. По утверждению Е. Пастернака, самые ранние прозаические наброски писателя следует датировать 1909 г., когда были созданы отрывки произведения под названием «Заказ драмы» о жизни композитора Шестикрылова [13, с. 92]. Тем же 1909 г. датируется первое (предположительно) стихо-

творение Пастернака «Сумерки... Словно оруженосцы роз...» [13, с. 105]. Первым же опубликованным стихотворением Е. Пастернак называет произведение 1911 г. «Сегодня мы исполним...», записанное в альбом С. Дурылину [13, с. 118]. В 1913 г. в сборнике «Лирика» были опубликованы пять стихотворений поэта, в том же году вышел в свет сборник «Близнец в тучах». Пастернак вошел в литературу как поэт.

А вот первое прозаическое произведение, новелла «Апеллесова черта», было подготовлено к печати только в 1915 г. Ему предшествовало написание большого количества прозаических фрагментов на разные темы, которые так и не были закончены (в 11-томном Собрании сочинений 45 фрагментов собраны в группу «Первые опыты»). Собственно, «Апеллесова черта» также должна была войти в сборник новелл, но замысел так и остался неосуществленным. Таким образом, между созданием законченных, готовых к публикации произведений в стихах и в прозе прошло около двух лет. И этот разрыв в два года представляется нам существенным: 1913–1915 гг. были временем становления писателя, временем поисков себя, но реализовать творческие интенции удавалось только в стихе. Большое количество прозаических работ так и не были закончены, несмотря на то что в это время Пастернак не задумывался о больших формах, отдавая предпочтение жанру новеллы. Стих и проза, как два бегуна, стартовали одновременно, но стихи на протяжении всей жизни Пастернака, его «марафонской дистанции», приходили к финишу первыми.

Изучение наследия писателя показывает, что значительная часть его прозы так и осталась на уровне творческих планов или незаконченных фрагментов, а многие опубликованные произведения были лишь частями более крупных творческих проектов. Книга прозы, куда должна была войти «Апеллесова черта» (1915), не была написана. «Письма из Тулы» (1918) и «Диалог» (1918) писались для книги об искусстве, не вышедшей в свет. Частями крупных прозаических произведений должны были стать «Безлюбье. Главы из повести» (1918), «Детство Люверс» (1918), «Три главы из повести» (1918–1922) и «Повесть» (1929), «Записки Патрика» (1937) [12]. Не были закончены такие произведения, как «Был странный год» (1916), «История одной контроктавы» (1917), «Вторая картина. Петербург» (1917–1918).

Отдельно следует сказать о таких произведениях, как «Три главы из повести» и «Повесть». «Три главы из повести» (1918; 1922) – наброски о судьбе главного героя Сергея Спекторского. Произведение не было закончено, но в 1929 г. Пастернак вернулся к своему замыслу. Он решил написать роман в стихах «Спекторский», который должен был закончиться прозаической частью. С этой целью Пастернак взялся за «Повесть». И если стихотворную часть своего замысла Пастернак довел до конца, то прозаическая часть завершена не была.

Законченных, не предполагающих продолжения прозаических произведений у Пастернака совсем немного, при этом между ними большая временная дистанция: «Апеллесова черта» (1915), «Воздушные пути» (1924), автобиографические «Охранная грамота» (1929), «Люди и положения» (1959) и, конечно, роман «Доктор Живаго» (1955).

Трудности, возникшие при создании прозы, не могли не вызывать творческой рефлексии писателя. Его письма, литературные статьи, выступления, разговоры с друзьями и др. насыщены разного рода высказываниями, так или иначе связанными со спецификой двух форм словесного выражения. Писатель рассуждал об их сходстве и различии, о первичности форм, о собственных задатках и предпочтениях, о замыслах и возможностях их реализации.

Рефлектировать на тему стиха и прозы Пастернак начал достаточно рано. В 1917 г. он писал сестре «...пишучи по расписанию следующую по счету новеллу (третью: “Карета герцогини”) – должен был бросить эту прозу... <...> Совместить писание стихов (как я это понимаю) с писанием прозы – нет возможности, разные два человека пишут во мне: один одно, другой другое» [цит. по: 13, с. 260–261]. 1918 г. датируется еще одно высказывание писателя на эту тему: «Неотделимые друг от друга поэзия и проза – полюса. <...> Начала эти не существуют отдельно» [8, с. 26].

Очевидна двойственность высказываний: Пастернак отмечает единство стихового и прозаического начал, но также фиксирует их диаметрально противоположность: «совместить писание <...> нет возможности». Это противоречит тому, что мы видим в его текстах, поскольку ранние прозаические опыты писателя до предела насыщены элементами стиховности. Л. Флейшман отмечал: «Первые пастернаковские опыты, относящиеся к 1910–1913 годам,

представляют собой совершенно необычный художественный феномен. Это не стихи и не проза, а какая-то аморфная смесь, гибрид того и другого» [17, с. 11].

Действительно, ранние незаконченные фрагменты и «Апеллесова черта» демонстрируют свойственный автору синкретизм:

Уже темнеет. Сколько крыш и шпицей!

И все они, цепко обрывая, нагнули небо, как туманный кустарник, и выпустили его из рук, и вот оно вознеслось и подрагивает, подрагивает упругостью накопившихся звездочек [5, комментарии, с. 420].

Первый абзац текста наводит на мысль о его стиховой природе, поскольку строка, написанная пятистопным ямбом, не теряет свой ритм в прозаическом потоке, а выступает отдельно. Подобные явления в прозе получили название «случайных» метров (Ю. Орлицкий), но в прозе поэта-музыканта Пастернака они скорее закономерны. Второй абзац реализует другие приемы стиховности. Речь идет о метафоризации текста, при которой метафорические образы наслаиваются друг на друга. Метафоризация – свойство, прежде всего, поэтического текста. Формируя смысловую емкость и неоднозначность, она создает в стихах иллюзию «тесноты стихового ряда» (Ю. Тынянов). Тяготение поэзии к метафоре и ориентация прозы на метонимию описаны в работах Р. Якобсона [18], В. Жирмунского [2], Н. Арутюновой [1] и других исследователей. В «Апеллесовой черте» метафоризацию, без преувеличения, можно назвать тотальной, настолько новелла насыщена данными образованиями. Вкупе с другими тропами метафоризация лишает текст динамизма, устремленности к развязке, свойственных прозе. Внимание читателя сосредотачивается на многогранности образов, на подтекстах. Действие замедляется: событийно-объективное развертывание сюжета уступает место интимно-лирическому. Вероятно, в силу этой особенности многие ранние прозаические произведения писателя так и остались незавершенными – прозаическая интенция ослабевала под давлением образности.

Истоки своей творческой манеры Пастернак видел в музыке. В письме отцу он замечал: «...прозу я пишу как-то так, как пишут симфонии. Сюжет, манера изложения, стороны некоторые описаний

<...>, все это разнообразные полифонические средства, и как оркестром этим надо пользоваться...» [цит. по: 13, с. 230–231].

Чувствуя особую музыкальность своей прозы и будучи увлечен «Симфониями» Андрея Белого, Пастернак в течение какого-то времени видел в реализации подобных приемов свой уникальный авторский стиль. Музыкальность вела к ритмизации, фонической организованности, т.е. формировала в прозе стиховые интенции.

К 1928 г. ситуация изменилась. Пастернак начал осознавать, что перенесение в прозу приемов развертывания стихотворного текста становится проблемой при ее написании. В этот год он начинает говорить о «борьбе» с привычной художественной формой, которая стала «теснить и тормозить содержание и смысл написанного» [13, с. 410]. Выстраивание прозаического целого по принципам стихотворного текста расширяло его вглубь, но лишало горизонтального развития: действие не продвигалось вперед, растворенное в потоке образов, ассоциаций, эмоций, мнений. Конечно, часть прозы не была закончена по причине смены мировоззренческих установок автора, по внелитературным обстоятельствам и др., но всё же изучение творчества писателя указывает и на стилистические, внутрихудожественные причины. Этот факт, судя по его многочисленным высказываниям, признавал сам автор.

Попыткой найти новую, соответствующую его наклонностям и способностям форму стало создание романа в стихах «Спекторский». Как отмечалось выше, роману в стихах предшествовали неоднократные попытки написания прозаического текста о годах революции и Гражданской войны, пропущенные через судьбу Сергея Спекторского (1918–1922), но они не увенчались успехом, в результате чего пришлось «прибегнуть к помощи стихов» [10, с. 419]. Идея романа в стихах позволяла автору создать развернутое эпическое полотно, пользуясь органичными для него стихотворными формами. Но полной уверенности в правильности своего выбора у Пастернака не было. В письме к сестре он писал: «...Это шаг в сторону прозы в области стиха. Как по-твоему, стоит ли это делать? <...> Скажи, не лучше ли тогда писать просто прозу?» [цит. по: 13, с. 383].

Причины сомнений крылись в следующем. Стремясь к максимальной достоверности, Пастернак взялся за изучение исторических материалов. Но необходимая для раскрытия темы фактологическая база отсутствовала.

гичность, по его мнению, могла погубить поэтический текст, поскольку привела бы к спаду лирической эмоции. Для такой работы оптимальной формой стало бы развернутое прозаическое полотно, но неоднократные попытки обращения к прозе не увенчались успехом. К тому же Пастернак был против сюжетных стихотворений, он отвергал сюжетность как способ «продвижения материала на большие расстояния», считая этот путь обходом трудностей настоящей лирики [13, с. 365].

Сомнения подтолкнули к компромиссу. Доведя в стихах историю Спекторского до революционных лет, Пастернак решил самые важные моменты всё же передать прозой: «Часть фабулы в романе, приходящуюся на военные годы и революцию, я отдал прозе, потому что характеристики и формулировки, в этой части всего более обязательные и разумеющиеся, стиху не под силу» [11, с. 223]. Такой симбиоз, по мнению автора, позволил бы соединить в единое целое исторически достоверное повествование с лирической стихией.

Но работа над прозаической частью, за которую он взялся с большой охотой, продвигалась с трудом. Вот как писатель прокомментировал ситуацию в письме к А. Ахматовой: «Я третий месяц очень усидчиво работаю над большой повестью, которую пишу с верой в удачу. <...> Далекий от мысли, что я это осуществляю, я вновь, как бывало, умилен до крайности всем тем, что человеку дано прочувствовать и продумать. Мне некуда девать это умиление, повесть потеряла бы в плотности, если бы я все это излил на нее одну. Мне приходится исподволь писать стихи...» [цит. по: 13, с. 419].

Как видно, стараясь создать фактологическое прозаическое полотно, Пастернак был вынужден «выплескивать» лирическую эмоцию в смежные тексты. Стихи плодились; более того, стараясь сохранить «умиленность» человеческими переживаниями, Пастернак и в прозе создал лирическую стихию.

Сравнение текста «Повести» с ранними произведениями позволяет утверждать, что стиль Пастернака стал проще, прозрачнее, но стиховая манера изложения по-прежнему сохранялась. Она проявилась, прежде всего, в отсутствии динамизма повествования и обилии образов. Сюжет в повести размыт, вместо динамики действия налицо описательность. Зачастую действительность

показывается не через события, а через их переживания, ощущения, делается акцент на внутреннем мире персонажей. Метафоризация и выраженная звуковая организация делают стиховое начало в тексте еще более очевидным:

Крутой торговый камень собора и казенных зданий мерцал и
пасса, шарахнутый врассыпную подрывными припасами сытости,
порохом довольства... [12, с. 98].

Метафоры насквозь «пропитывают» текст, в результате чего он лишается прозаической «беглости», динамизма. Читатель погружается в многогранность образов, теряя прозаическую перспективу. Текст разворачивается скорее по стиховому принципу вертикально, чем горизонтально.

Стихотворная часть была закончена в 1931 г., завершить прозаическую «Повесть» автору удалось лишь частично (первая часть была готова в 1929, далее работа безуспешно велась до 1935 г.). Восхищение Пастернака тем, «сколько человеку дано прочувствовать и продумать», и его стремление к стиливой виртуозности не позволили продвинуть сюжет по прозаическим «рельсам». Текст, который должен был раскрыть авторскую позицию по отношению к произошедшему в России в годы революции и Гражданской войны, не был завершен.

Работая над «Повестью», Пастернак взялся за написание произведения, получившего название «Охранная грамота» (1927). Автобиографический характер замысла и, как следствие, необходимость соответствовать действительности, максимально точно передать события и описать людей не позволили автору уйти в субъективность, образность, описательность. Изменился подход к созданию текста. Пастернак отметил: «Я стараюсь в ней [книге] быть не интересным, а точным» [цит. по: 14, с. 552]. Определив «точность» как ведущий критерий при написании повести, Пастернак подспудно затронул тему стихопрозаической дихотомии. Ведь «точность» как необходимое свойство прозы (в отличие от стиха) отмечал еще А.С. Пушкин: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат» [16, с. 256].

Характер повествования требовал от писателя не столько виртуозности выражений, сколько рационалистического осмысления произошедшего, объективированности описания, что позволило сконцентрироваться на фактах, сюжетной линии, а не на образном характере изображения, быть «не интересным, а точным». В результате произведение было завершено.

«Охранная грамота» в полной мере насыщена стиховыми приемами и на первый взгляд мало чем отличается от «Повести». Метафоризация, метризация, ритмика по-прежнему задают тон повествованию. И всё же произведение отличается от параллельно создаваемой «Повести» прежде всего наличием жесткого, хронологически развивающегося сюжета: писатель останавливается на основных вехах своей биографии, характеризует людей, старается показать не только «историю души», но и «историю жизни». Изображение внутренних эмоциональных переживаний остается, но при этом есть и устремленность к развязке, свойственная классической прозе.

Также заметно снижается количество метафор и других тропических образований. Текст, в сравнении с ранними работами, становится проще, «прозаичнее». Впрочем, до стиля более поздних работ еще далеко. Это становится очевидным при сравнении одной и той же ситуации, описанной в «Охранной грамоте» и в очерке 1956 г. «Люди и положения»:

«Как потом, когда я сломал себе ногу, в один вечер выбывши из двух будущих войн, и лежал без движения в гипсе, горели за рекой эти знакомые, и юродствовал, трясясь в лихорадке, тоненький сельский набат» [10, с. 150].

«Увязавшись однажды за ними, я на прыжке через широкий ручей свалился с разомчавшейся лошади и сломал себе ногу, сросшуюся с укорочением, что освобождало меня впоследствии от военной службы при всех призывах» [7, с. 303].

Фрагмент из «Охранной грамоты» демонстрирует яркость образов, виртуозность стиля. Присутствуют также «случайные» метры («неслучайность» которых у Пастернака очевидна), звуковая организация. Второй отрывок максимально нейтрален. В очерке 1956 г. Пастернак вынесет «приговор» «Охранной грамоте»: «К сожалению, книга испорчена ненужной манерностью, общим грехом тех лет» [7, с. 295]. Можно предположить, что под манер-

ностью Пастернак понимал в том числе стиховые элементы в ткани прозы, особенно ее метафорический характер.

В 1957 г. Пастернак раскрыл свое видение роли метафоры в художественном произведении: «Прямая формулировка и метафора – не противоположности, а разновременные стадии развития мысли, ранней, мгновенно родившейся и еще не проясненной в метафоре, и отлежавшейся, определившей свой смысл и только совершенствующей свое выражение в неметафорическом утверждении» [цит. по: 13, с. 562]. Это одно из важнейших высказываний автора, позволяющее понять специфику его творчества, процесс рождения текстов. Пастернак не только позволил заглянуть в свою творческую лабораторию, но и попутно отметил ученический, незрелый характер своих ранних прозаических произведений, насыщенных метафорами. Обилие данных образований в ранних прозаических текстах, согласно Пастернаку, свидетельствует о начальном характере работы, ее незавершенности.

В метафорическом характере рождения мысли Пастернак видел свое сходство с Шекспиром. Занимаясь на протяжении многих лет переводами шекспировских пьес, он заметил, что для драматурга стихи являлись «...наиболее быстрой и непосредственной формой выражения <...>. Он к ним прибегал как к средству наискорейшей записи мыслей» [6, с. 73].

К «Охранной грамоте» должно было примыкать прозаическое «Послесловие». Пастернак работал над ним, но не смог закончить. Вместо него был написан лирический стихотворный цикл, посвященный Евгении Пастернак и Зинаиде Нейгауз. В этот период Пастернак ушел из одной семьи, чтобы создать другую. Он считал невозможным передать эмоциональный накал в прозаическом тексте и выплеснул его в цикл стихов, получивший название «Второе рождение» [13, с. 455]. Можно провести параллель: стихотворного «Спекторского» Пастернак планировал закончить прозой, прозаическую «Охранную грамоту» сопровождал стихами, что еще раз свидетельствует о том, насколько трудным ему представлялось расчленение стихопроезаической дихотомии.

С 1932 по 1934 г. Пастернак работал над новым прозаическим замыслом, затем прервал работу и возобновил ее в 1936 г. В это время он дал своим записям рабочее название – «Начало романа о Патрике» [13, с. 534]. Впоследствии опубликованный

фрагмент был озаглавлен «Роман о Патрике». Согласно задумке, это должен был быть роман о поколении, большая серьезная вещь, синтезировавшая в себе ранее незаконченные прозаические произведения писателя, прежде всего «Детство Люверс» и «Повесть». В письме к Горькому Пастернак писал: «Я давно, все последние годы мечтал о такой прозе, которая, как крышка бы на ящик, легла на все неоконченное и досказала бы все фабулы мои и судьбы» [15, с. 450].

Пастернак понимал, что подобный замысел невозможен без корректировки привычных повествовательных стратегий. «Я спешно переделываю себя в прозаика Диккенсовского толка» [цит. по: 13, с. 499], – писал он отцу. Проза Диккенса, как известно, отличается бытописанием, материальностью вещного мира, острой социальной проблематикой, четко обрисованными характерами персонажей, их типизацией. Стилевые изыски в произведениях прозаика никогда не выходят на первый план, не затмевают содержательный аспект. Именно о таком широком эпическом полотне мечтал Пастернак.

Произведение о судьбе поколения требовало приемов, близких к «Охранной грамоте». Но в «Охранной грамоте», в силу ее автобиографичности, предметом изображения была жизнь самого автора и, что более важно, близких ему людей. Это заставляло автора быть предельно точным, не подменять факты эмоциями. В произведении о судьбах поколения, которое задумал Пастернак, он также хотел сосредоточиться на объективности повествования: «Хочу налить вещь свинцом фактов. Факты, факты... Очень трудно мне писать настоящую прозаическую вещь, ибо кроме личной поэтической традиции здесь примешивается давление очень сильной поэтической традиции XX века на всю нашу литературу. Моя вещь будет попыткой закончить все мои незаконченные произведения» [цит. по: 13, с. 500]. Высказывание Пастернака показывает, что в момент написания «Записок Патрика» он уже напрямую связывал стилевые трудности с владеющей им стихотворной стихией и собственными задатками.

К этому времени относится много высказываний писателя о специфике прозаического дискурса, с их помощью можно реконструировать представление Пастернака о прозе. В 1933 г. в письме к Спасскому он говорил о стремлении к «незаметному» стилю [13,

с. 410]. В 1934 г. вновь отмечал: «Написать бы, наконец, впервые что-нибудь стоящее, человеческое, прозой, серо, скучно и скромно, что-нибудь большое, питательное» [15, с. 143]. Высказывания позволяют очертить контуры «идеальной», по представлениям Пастернака, прозы: фактологичной, «серой», «скучной», «скромной», «незаметной», т.е. максимально далекой от эмоциональности и яркости поэтического текста.

При этом такие незамысловатые, на первый взгляд, требования были для Пастернака серьезным вызовом. В 1934 г., во время съезда писателей, в разговоре с В. Незвалом он констатировал, каких усилий от него потребует этот замысел: «Хочу написать книгу в прозе о том, как худо мне было, предельно простую, реалистическую. Понимаете, иногда необходимо заставить себя и встать на голову. Совершенно простую» [цит. по: 13, с. 500].

Уверенности в успехе не было: «Опять вернулся к прозе, опять хочу написать роман и постепенно его пишу, Но в стихах я всегда хозяин положенья и приблизительно знаю, что выйдет и когда оно выйдет. А тут ничего не могу предвидеть и за прозой никогда не верю в ее хороший исход. Она проклятие мое, и тем сильнее всегда меня к ней тянет» [цит. по: 13, с. 534].

В 1937 г. была опубликована первая из трех задуманных частей произведения. Она получила название «Записки Патрика» и вобрала в себя рассказ о детских годах героя. Несмотря на горячее желание, закончить произведение Пастернаку так и не удалось. Сын связал этот факт с событиями в стране конца 1930-х годов: «Но Пастернак не смог дописать сюжетно продуманный и вчерне сильно продвинувшийся роман. В страшное время конца 1930-х годов ему недоставало отголоска живой реальности...» [13, с. 544].

«Записки Патрика» свидетельствуют о формировании поэтики, которая в последующем будет доработана в романе «Доктор Живаго». В произведении четко очерчены основные сюжетные линии, события носят причинно-следственный характер, вырисованы образы персонажей. Интенсивность использования тропов в тексте снижена в сравнении с более ранними произведениями. Превалирует событийно-объективное, а не интимно-лирическое изображение мира, беглость повествования.

Следующее прозаическое произведение – «Доктор Живаго» – было закончено только в 1955 г., через 18 лет после публикации

«Записок Патрика». «Доктор Живаго» стал вершиной прозаического творчества писателя. Именно в нем Пастернаку удалось достичь оптимального баланса между стихом и прозой.

Работая над романом всей своей жизни, писатель много размышлял о специфике двух форм словесного выражения. Он констатировал: «Я не люблю своего стиля до 1940 года... Мне чужд общий тогда распад форм, оскудение мысли, засоренный и неровный слог» [7, с. 327].

Изменения в зрелой прозе Пастернака существенны, но, как отмечает Д. Лихачев, они проходили в пределах одного стиля [3, с. 11]. Перед нами по-прежнему «проза поэта», берущая истоки в стихотворном творчестве. В 1947 г. Пастернак написал: «В области слова я больше всего люблю прозу, а вот писал больше всего стихи. Стихотворение относительно прозы – это то же, что этюд относительно картины. Поэзия мне представляется большим литературным этюдником» [9, с. 467]. Высказывание дает понять, почему стихотворения, представленные в «Докторе Живаго», Пастернак называл «подготовительными ступенями к роману» [цит. по: 13, с. 676].

Работая над произведением, Пастернак тщательно контролировал количество стихотворных текстов, боясь «перевеса» лирической эмоции над эпическим полотном. В 1954 г. он писал: «В апрельском номере журнала “Знамя” собираются напечатать десять моих стихотворений из романа “Живаго”, в большинстве написанных в этом году. Я их читаю в гостях, они мне приносят одну радость. Их могло бы быть не десять, а двадцать или тридцать, если бы я позволял себе их писать. Но писать их гораздо легче, чем прозу, а только проза приближает меня к той идее безусловного, которая поддерживает меня и включает в себя и мою жизнь, и нормы поведения и прочее и прочее, и создает то внутреннее душевное построение, в одном из ярусов которого может поместиться бессмысленное и постыдное без этого стихописание. Мне не терпится освободиться поскорее от этого прозаического ярма для более мне доступной и полнее меня выражающей области» [15, с. 277].

Очередной раз Пастернак признал, что стихи более свойственны его дарованию. Но в высказываниях появляется и новое: если ранее Пастернак тянулся к прозе, мечтал о ней, то теперь он

стремится освободиться от ее «ярма», вернуться к «доступной», «полнее выражающей» его области – к стиху.

Помимо прямого введения в роман стихотворений, в нем, как и в ранней прозе, присутствуют и случайные метры, и звуковые повторы, и образность, позволяющие по-прежнему определять прозу Пастернака как «прозу поэта». И всё же на первый план в произведении выходит его содержательная, а не формальная сторона: сюжетные линии в романе ясно прочерчены, движение устремлено к развязке. Пастернаку удалось достигнуть искомой «серости» и «простоты» стиля: образность не перетягивает внимания на себя, не лишает повествование конкретики прозаического текста. Как вспоминает Е. Пастернак, его отец очень болезненно переживал претензии к стилю работы, высказанные на предварительных чтениях его друзьями и коллегами, – ему казалось, что подобные замечания слушателей демонстрируют недостаточную одухотворенность текста, его неспособность захватить внимание читателя, увлечь его настолько, чтобы он не заметил стилистических огрехов [13, с. 621–622]. В процессе работы Пастернак добивался того, что стиховые приемы в романе были представлены дозированно, не уводили читательское внимание в сторону от идеи произведения.

Работая на протяжении всей жизни над усовершенствованием прозаического мастерства, Пастернак прошел долгий путь. Поэтическое видение мира, метафоричность мышления, повышенная эстетизация, повлекшие введение стиховых элементов в структуру прозы, осложняли нарратив и стали одной из причин незавершенности многих прозаических произведений. Неудачи породили активную авторскую рефлексию над проблемой взаимодействия стиха и прозы. Пастернак сумел понять специфику своего дарования, выработать наиболее приемлемые для него художественные средства и оставить много ценных замечаний о сущности стихо-прозаической дихотомии.

-
1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
 2. Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука-Классика, 2001. С. 364–405.

3. Лихачев Д.С. Борис Леонидович Пастернак // *Пастернак Б.Л. Избранное*: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1985. С. 3–28.
4. Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М.: РГГУ, 2008. С. 573–597.
5. Пастернак Б.Л. Апеллесова черта // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 3: Проза / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 6–25.
6. Пастернак Б.Л. Замечания к переводам из Шекспира // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия... / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 72–89.
7. Пастернак Б.Л. Люди и положения // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 3: Проза / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 295–346.
8. Пастернак Б.Л. Несколько положений // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия... / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 23–27.
9. Пастернак Б.Л. Несколько слов перед чтением первых глав «Доктора Живаго» // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия... / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 467–468.
10. Пастернак Б.Л. Охранная грамота // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 3: Проза / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 148–238.
11. Пастернак Б.Л. Писатели о себе // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия... / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 223–224.
12. Пастернак Б.Л. Повесть // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 3: Проза / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 98–147.
13. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. М.: Цитадель, 1997. 728 с.
14. Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В. Комментарии // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 3: Проза / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 535–629.
15. Переписка Бориса Пастернака / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака. М.: Худож. лит., 1990. 575 с.
16. Пушкин А.С. О русской прозе // *Пушкин А.С. Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 6: Критика и публицистика. М.: Худож. лит., 1962. С. 255–256.
17. Флейшман Л.С. Свободная субъективность // *Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 3: Стихотворения и поэмы / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 5–60.
18. Якобсон Р.О. Заметки о прозе поэта Пастернака // *Якобсон Р. Работы по поэтике*. М.: Прогресс, 1987. С. 324–338.

А.М. Ранчин

**«РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА» БРОДСКОГО
И «ЗИМНЯЯ НОЧЬ» ПАСТЕРНАКА**

Аннотация. В статье рассматривается стихотворение Б. Пастернака «Зимняя ночь» как претекст «Рождественской звезды» И. Бродского. «Зимняя ночь» анализируется и интерпретируется в контексте романа «Доктор Живаго». Показано, что в «Зимней ночи» содержатся рождественские мотивы, а свеча соотнесена с Вифлеемской звездой. Рассматривается мотив метели у обоих поэтов. Исследуется механизм рецепции стихотворения Пастернака Бродским. Демонстрируется, что, в отличие от Пастернака, Бродский трактует тему Рождества в соответствии с инвариантным мотивом своей поэзии – мотивом одиночества.

Ключевые слова: И. Бродский; «Рождественская звезда»; Б. Пастернак; «Зимняя ночь»; претекст; Рождество; мотивы; символика.

Ranchin A.M. The «Christmas Star» by J. Brodsky and B. Pasternak's poem «Winter Night»

Summary. The article discusses B. Pasternak's poem «Winter Night» as a pretext of the «Christmas Star» by J. Brodsky. «Winter Night» is analyzed and interpreted in the context of the novel «Doctor Zhivago». It is shown that «Winter Night» contains Christmas motifs, and the candle is correlated with the Star of Bethlehem. The motif of a blizzard in both poets is considered. The mechanism of reception of Pasternak's poem by Brodsky is investigated. It is demonstrated that, unlike Pasternak, Brodsky interprets the theme of Christmas in accordance with the invariant motif of his poetry – the motif of loneliness.

Keywords: J. Brodsky; «Christmas Star»; B. Pasternak; «Winter Night»; pretext; Christmas; motifs; symbolism.

О пастернаковской «Зимней ночи» как о претексте «Рождественской звезды» Бродского я однажды уже упоминал¹. Эта параллель вызвала несогласие Льва Лосева, комментатора и одного из лучших исследователей поэзии Бродского: «Бродский действительно любил это стихотворение Пастернака и включил его в рекомендательные списки для своих студентов, однако <...> отмеченное Ранчиным лексическое совпадение (“Мело, мело по всей земле...” в “Зимней ночи” Пастернака – “мело, как только в пустыне может зимой мести” (у Бродского) не слишком существенно»².

Основанием для признания «Зимней ночи» претекстом (и, соответственно, подтекстом) стихотворения Бродского в действительности является не только совпадение лексемы *мело*. Чтобы сближение двух поэтических текстов было более убедительным, очевидно, необходимо усилить и развернуть аргументацию. Сопоставление двух стихотворений, как представляется, позволит отчасти по-новому взглянуть на стихотворение Пастернака и описать особенности его поэтики. Для большей наглядности сопоставления привожу тексты обоих произведений.

Зимняя ночь

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела³.

Рождественская звезда

В холодную пору, в местности, привычной скорей к жаре,
чем к холоду, к плоской поверхности более, чем к горе,
младенец родился в пещере, чтоб мир спасти:
мело, как только в пустыне может зимой мести.

Ему все казалось огромным: грудь матери, желтый пар
из воловьих ноздрей, волхвы – Балтазар, Гаспар,
Мельхиор; их подарки, втащенные сюда.
Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда.

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребенка издалека,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд отца⁴.

«Зимняя ночь» – стихотворение действительно «зимнее», метель – его сквозной образ. «Рождественская звезда» – тоже «зимнее» стихотворение, что естественно. Но в нем упоминается метель в палестинской пустыне, что уже весьма необычно: в евангельском сюжете ни о каком снеге и вьюге не говорится, снегопады в окрестностях Вифлеема – явление очень редкое⁵. Таким образом, само упоминание о метели в ночь Рождества Христова под Вифлеемом можно считать метатекстовым элементом – знаком интертекстуальной отсылки. Правда, можно предположить, что в пустыне может *мести* не только снегом, но и (что более обычно) песком, а холодной допустимо назвать ветреную погоду даже при плюсовой температуре. В «Колыбельной» (1993), другом рождественском стихотворении Бродского, *стужа* и *зима* пустыни, по-видимому, не ассоциируются со снегом, но упомянут *песок*: «В ней зимой / стужи больше, чем пространства / в ней самой. <...> У тебя для игр ребячьих – / весь песок»⁶. А в рождественском стихотворении «Бегство в Египет (2)» (1995) прямо сказано о песчаной метели в пустыне: «Снаружи молола песок метель»⁷.

Однако в «Рождественской звезде» и выражение «холодная местность», и слово «зима» рядом с лексемой «мело» при отсутствии пояснения, что это не песчаная буря, побуждают русскоязычного читателя – уроженца Советского Союза, который является главным адресатом поэзии Бродского, – видеть именно упоминание о снежной метели, о вьюге. По крайней мере, если и не признавать, что в стихотворении прямо говорится о гонимом ветром снеге, поэт не мог не учитывать ассоциации с вьюгой.

В двух стихотворениях совпадает не только лексема *мело*, но и указание на простор, на широкое пространство, в котором разыгралась метель. У Пастернака это весь земной мир («по всей земле»). Нарушение пространственных пропорций, совмещение вселенского и присущего лирическому *я* – прием, отличительный для поэта (ср.: «И через дорогу за тын перейти / Нельзя, не топча мирозданья» – «Степь»⁸), проявляющийся в отождествлении мас-

штабов всей земли и комнаты со свечой на столе. У Бродского это пустыня, причем соотносятся микромир Младенца и мегамир космоса.

На этом как будто бы совпадения заканчиваются. Но на самом деле это не так. Стихотворение Бродского – рождественское, написано оно было в сочельник западного Рождества, 24 декабря 1987 г., один из самых важных образов в нем – рождественская (Вифлеемская) звезда. Стихотворение Пастернака – тоже рождественское, и в нем тоже присутствует («мерцает») образ звезды.

Последнее утверждение может показаться абсурдным: время (хотя и предельно растянутое или остановившееся – метель длится не одну ночь, а целый месяц) в «Зимней ночи» – не декабрь или начало января, а февраль («Мело весь месяц в феврале»), а звезды в нем нет и в помине. Однако в действительности всё намного сложнее: сквозь февраль здесь как бы просвечивает время Рождества, память о нем. Нужно помнить, что это не «прямое» стихотворение Пастернака: оно приписано автором Юрию Живаго, герою одноименного романа. Создание стихотворения навеяно давним воспоминанием из юности персонажа, который по пути на новогоднюю (*рождественскую*) елку к Свентицким видит свечу в окне еще незнакомой ему Лары (точнее, в окне комнаты Антипова, где находилась Лариса) – будущей возлюбленной, с появлением которой в жизни Юрия и связана «Зимняя ночь». Приведем цитату, которая будет по необходимости пространной: «Юра смотрел по сторонам и видел то же самое, что незадолго до него попадалось на глаза Ларе. Их сани поднимали неестественно громкий шум, пробуждавший неестественно долгий отзвук под обледелыми деревьями в садах и на бульварах. Светящиеся изнутри и заиндевелые окна домов походили на драгоценные ларцы из дымчатого слоистого топаза. Внутри них теплилась святочная жизнь Москвы, горели елки, толпились гости и играли в прятки и колечко дурачащиеся ряженные. Вдруг Юра подумал, что Блок – это явление Рождества во всех областях русской жизни, в северном городском быту и в новейшей литературе, под звездным небом современной улицы и вокруг зажженной елки в гостиной нынешнего века. Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом. Они проезжали по Камергер-

скому. Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало. “Свеча горела на столе. Свеча горела...” – шептал Юра про себя начало чего-то смутного, неоформившегося, в надежде, что продолжение придет само собой, без принуждения. Оно не приходило» (Первая книга. Часть третья. Елка у Свентицких. Глава 10)⁹.

На соотнесенность «Зимней ночи» с рождественскими мотивами указал К.М. Поливанов, проанализировавший приведенный выше фрагмент романа: «Живаго предчувствует здесь свои будущие стихи – прежде всего, “Рождественскую звезду” и “Сказку” <...>. Но к ним дело не сводится: увидев огонь свечи в окне одного из домов Камергерского переулка (горит она в комнате Антипова, где в это время происходит его разговор с Ларой), Юра начинает шептать рефрен будущей “Зимней ночи” <...>. Не приходило “материальное” продолжение (конкретные строки), но продолжение главное уже незримо для героя пришло. Юра пока не может понять, что мерцающая в “блоковской” (и рождественской, и – что не менее важно – городской) атмосфере свеча предсказывает ему не только вторую встречу с Ларой, но и все их последующие встречи (и расставания), вплоть до последней, посмертной, случившейся в той самой комнате, где сейчас горит свеча; все “судьбы скрещения”, “все яблоки, все золотые шары” и едва ли не все (сложно друг с другом соотносящиеся) “Стихотворения Юрия Живаго”»¹⁰.

Итак, налицо связь стихотворного текста с биографией героя-поэта – связь рождественских впечатлений вымышленного автора «Зимней ночи» (размышления о теме Рождества и поэзии Блока, о праздновании Рождества, о святочных ряженных, впечатления от свечи в окне) с приписанным ему стихотворением. Таким образом, для Живаго и его создателя несомненны ассоциации между свечой в окне Лары и *рождественской звездой*. Между прочим, сравнение звезды со свечой содержится в одном из классических, хрестоматийных произведений русской литературы – тургеневском рассказе «Бежин луг»: «К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно возшло на небо,

алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда»¹¹.

Но связь с Рождеством присутствует в стихотворении Пастернака и иначе: она символически выражена, эксплицирована в нескольких деталях текста «Зимней ночи», которые прямо отсылают к календарно-ритуальному контексту праздника. Эти детали – падающие *башмачки* и капающий с ночника *воск*: «И падали два башмачка / Со стуком на пол. / И воск слезами с ночника / На платье капал». Бросание башмачка (носок должен был указывать на сторону, где обитает жених) и топление воска (форма, которую он примет, должна указать на события будущего) – гадания, совершавшиеся на Святках, в период от Рождества до Крещения, описаны в таком известном тексте, как «Светлана» Жуковского:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили...¹²

Свидание Юрия с Ларой, подразумеваемое в стихотворении Пастернака, – это своеобразное гадание о судьбе, о ее «скрещеньях», о ее вихрях и смертях¹³.

Размышления молодого Юрия, едущего на елку к Свентицким, о Блоке, как и свеча в окне, и рождественская тема, тоже соотносятся с образностью и мотивами «Зимней ночи». Как показал К.М. Поливанов, Блок – один из прототипов самого Живаго-поэта¹⁴. Если развить это сопоставление, то Лара будет вариацией блоковской Прекрасной Дамы и ее философско-литературного прототипа – Вечной Женственности. Метель из «Зимней ночи» – отчетливо блоковская: как и у автора «Снежной маски» и «Двенадцати», она символизирует, с одной стороны, смятение души и / или страсть, с другой – стихию революции. Примеры первого рода: «По улицам метель метет...» – первая строка стихотворения

без названия из цикла «Фаина»; стихотворения «Сердце предано метели» (здесь содержится метафора-оксюморон *костер метели*), «На зов метелей», «Настигнутый метелью», «Второе крещение» («Открыли дверь мою метели...») из цикла «Снежная маска». Пример второго рода – поэма «Двенадцать»:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер
На всем Божьем свете!» (Первая глава)¹⁵.

Несколько раз упоминается выюга:

Разыгралась чтой-то выюга,
Ой, выюга, ой, выюга! (Десятая глава)¹⁶.

Только выюга долгим смехом
Заливается в снегах... (Двенадцатая глава)¹⁷.

И за выюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвыюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз
Впереди – Иисус Христос. (Двенадцатая глава)¹⁸.

Как прекрасно показал Е.Г. Эткинд, в «Двенадцати» выюга, ветер являются сквозным символом и доминантным композиционным элементом¹⁹. Для сближения «Зимней ночи» с поэмой Блока может быть важно, что действие поэмы «Двенадцать» происходит накануне открытия и разгона Учредительного собрания – т.е. в дни *Святок* 1918 г.²⁰

На более глубоком уровне связь «Зимней ночи» с темой Рождества поддерживается трактовкой любви как «второго рождения», хотя оценка страсти оказывается неоднозначной: с одной стороны, она «подымает ввысь», возносит над земным миром

(герой и его возлюбленная должны парить над свечой, если тени ложатся «на озаренный потолок»), с другой – в доме, видимо, провал в углу вместо ожидаемой иконы, откуда сквозит, а их незаконная любовь – «жар соблазна», впрочем уподобленный ангелу. Вместе с тем любовь и благословенна, и смертоносна (*крестообразно* вздетые крылья – благословение и напоминание о Распятии).

Многоуровневая, со сложно зашифрованным смыслом «Зимняя ночь» созвучна символистской поэтике, прежде всего блоковской, как близок к символизму и весь роман «Юрий Живаго» – настолько, что автор популярной биографии Пастернака, пишущий о его «символистском мировосприятии», утверждает – слишком категорично, но во многом справедливо: «“Доктор Живаго” – символистский роман, написанный после символизма»²¹. «Зимняя ночь» – одно из выразительных свидетельств, что декларацию самого поэта о «неслыханной простоте» («Волны»²²) его творчества начиная со «Второго рождения» ни в коем случае нельзя понимать «слишком» буквально.

Таким образом, для того чтобы считать «Зимнюю ночь» претекстом «Рождественской звезды» Бродского, есть основания намного большие, чем простое совпадение слова *мело*. Стихотворение Бродского, как и роман Пастернака, в состав которого входит «Зимняя ночь», – о свете Рождества, о том, что почти две тысячи лет назад родился Тот, кто пришел в мир, «чтобы людей спасти». Между прочим, у раннего Бродского в «Большой элегии Джону Донну» встречается метафорическое именование Бога, видимого из безмерного далека как *свет в окне* – очевидно, от свечи: «Господь оттуда – только свет в окне / туманной ночью в самом дальнем доме»²³, а в «Рождественской звезде» Его взгляд будет увиден как *звезда*. Это аналог сближению в «Докторе Живаго», в том числе в «Зимней ночи», свечи и звезды (неназванной, но подразумеваемой самой сущностью темы Рождества) с мотивом присутствия Бога.

На этом, однако, сходство заканчивается. Пастернак пишет о союзе двоих, «о свойствах страсти», об обретенном, шатком, но несомненном, абсолютном в своей полноте счастье. Бродский – об одиночестве божественного Ребенка, о холоде бытия (метель в его «Рождественской звезде» отнюдь не символ любовной страсти). У Бродского эрос и христологическая тема разведены, разделены –

притом что в этом противопоставлении преимущества могут быть отданы любовной страсти: «Назорею б та страсть, / воистину бы воскрес!»²⁴. Если у Пастернака *свеча* – центр мира, то у Бродского звезда – «не от мира сего», это взгляд отца, отделенного от Сына бесконечной пустотой космоса. Отца так же одинокого, как и Сын²⁵.

Как сказано в «Колыбельной» – другом рождественском стихотворении поэта, написанном пять лет спустя:

Привыкай, сынок, к пустыне
как к судьбе.
Где б ты ни был, жить отныне
в ней тебе.

Я тебя кормила грудью.
А она
приучила взгляд к безлюдью,
им полна.

<...>

Привыкай, сынок, к пустыне.
Под ногой,
окромя нее, твердыни
нет другой.

<...>

Привыкай к пустыне, милый,
и к звезде,
льющей свет с такою силой
в ней везде,

будто лампу жжет, о сыне
в поздний час
вспомнив, тот, кто сам в пустыне
дольше нас²⁶.

Одиночество – инвариантный мотив поэзии Бродского – определяет тональность его рождественских стихов.

-
- ¹ Ранчин А. На пиру Мнемозины: Интертексты Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 58–59, 91–92.
 - ² Лосев Лев. Примечания // Бродский И. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.В. Лосева. СПб.: Издательство Пушкинского Дома: Издательство «Вита Нова», 2011. Т. 2. С. 422. (Новая библиотека поэта).
 - ³ Новый мир. 1988. № 4. С. 118–119 (первая публикация на родине романа «Доктор Живаго», в приложение к которому входит стихотворение).
 - ⁴ Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 113. В изданиях текста встречается разночтение – написание «Отца» с прописной буквы; ср., например: Бродский И. Сочинения: [в 7 т.] / Общ. ред.: Я.А Гордин; сост.: Г.Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 4. С. 10. Выбираю вариант написания со строчной, так как с эдичионной точки зрения издание, подготовленное Львом Лосевым, – наиболее авторитетное.
 - ⁵ По статистике, в декабре снегопад бывает в окрестностях Вифлеема всего лишь единожды; см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вифлеем> (дата обращения: 11.07.2020).
 - ⁶ Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 173.
 - ⁷ Там же. С. 227.
 - ⁸ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.А. Озерова. Л.: Советский писатель. Ленингр. отделение, 1977. С. 155. (Библиотека поэта. Малая серия. 3-е изд.). Ср. замечание А.Л. Якобсона: «Человек и мироздание даны в одном измерении» (Якобсон А. Лекции о Пастернаке // Якобсон А. Почва и судьба / Ред.-сост. М. Улановская, В. Фромер при участии А. Гелескула, Г. и М. Ефремовых. М.: Весть, 1992. С. 60).
 - ⁹ Новый мир. 1988. № 1. С. 56.
 - ¹⁰ Поливанов К.М. «Доктор Живаго» как исторический роман. Tartu: University of Tartu press, 2015. С. 179. (Dissertationes philologiae slavicae universitatis Tartuensis; 33).
 - ¹¹ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1979. Т. 3: Записки охотника. 1847–1874. С. 86.
 - ¹² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / Гл. ред. А.С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады / Сост. и ред. Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жиликова. С. 31.
 - ¹³ Роман «Доктор Живаго» в целом строится на «скрещеньях», на случайных и / или providенциальных пересечениях (или не-пересечениях) судеб героев; см. об этом: Гаспаров Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Гаспаров Б.М. Литературные

- лейтмотивы: Очерки истории русской литературы XX века. М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 241–273.
- 14 *Поливанов К.М.* «Доктор Живаго» как исторический роман. С. 173–192.
 - 15 *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Наука, 1999. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). С. 7.
 - 16 Там же. С. 18.
 - 17 Там же. С. 19.
 - 18 Там же. С. 20.
 - 19 См.: *Эткинд Е.* «Демократия, опоясанная бурей: (О музыкально-поэтическом строении поэмы А. Блока «Двенадцать»)» (1971) // *Эткинд Е.* Форма как содержание: (Избранные статьи). Würzburg: Jail-verlag, 1977. С. 103–129.
 - 20 См. об этом: *Гаспаров Б.М.* Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» // *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. С. 7.
 - 21 *Быков Д.* Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 565, 721. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1239 [1039]). Насколько сложны скрытые в «Докторе Живаго» смыслы, показывает интерпретация романа И.П. Смирновым: *Смирнов И.П.* Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996. Некоторые истолкования И.П. Смирнова спорны, но это не меняет главного.
 - 22 *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. С. 280.
 - 23 *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 118.
 - 24 Там же. С. 410. Как исключение можно рассматривать «фигуру в платке» (там же, с. 323) – несомненно, фигуру возлюбленной – в «24 декабря 1971 года», как бы замещающую Богоматерь. Однако в этом стихотворении нет никакого выражения любовной страсти.
 - 25 Разлученные Младенец и его Отец в автобиографическом плане соотносятся с самим поэтом и его сыном Андреем Басмановым. Ср. мотив разлуки с сыном в стихотворении «Одиссей Телемаку» и образ лирического я – постояльца, потерявшего сына, в «Лагуне». Отрицание этой «аллегорической» составляющей Т. Автухович, настаивающей только на метафизическом смысле «Рождественской звезды», на мой взгляд, несостоятельно; см.: *Автухович Т.* «Рождественская звезда» Бориса Пастернака и Иосифа Бродского: условный экфрасис как интерпретация евангельского сюжета // *Acta Universitatis Lodniensis. Folia literaria Rossica.* 2015. Т. 8. Р. 109. Ср. параллель между рождественским сюжетом и автобиографическим планом в «24 декабря 1971 года». «Аллегорией» «Рождественская звезда» при этом, конечно, не является: речь может идти только об аллюзиях и коннотациях.
 - 26 *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 173.

С.Ф. Дмитренко

**«НЕ ДАНО ПРИМЕЛЬКАТЬСЯ»:
ИЗ ОПЫТА ЧТЕНИЯ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ
БОРИСА ПАСТЕРНАКА**

Аннотация. Художественное своеобразие романа «Доктор Живаго» рассматривается в статье на основе личных читательских впечатлений, без учета уже существующих интерпретаций и «без специального исследовательского задания» (Игорь П. Смирнов). Присоединение «Доктора Живаго» к корпусу поэтических произведений Б.Л. Пастернака, справедливо отнесенных к русской классической литературе XX в., возможно лишь на основе историко-литературных исследований, не только обосновывающих художественную состоятельность предложенных автором романа повествовательных решений, но и предлагающих широкому читателю естественные пути эстетической коммуникации с книгой.

Ключевые слова: Борис Пастернак; «Доктор Живаго»; роман XX в.; советская литература; социалистический реализм; круг чтения писателя.

Dmitrenko S.F. «Can't get used to it»: from the experience of reading prose and poetry by Boris Pasternak

Summary. The artistic originality of the novel «Doctor Zhivago» is considered in the article on the basis of personal reader impressions, without taking into account existing interpretations and «without a special research task» (Igor P. Smirnov). The accession of «Doctor Zhivago» to the corpus of poetic works by Bjrjs Pasternak of Russian classical literature of the twentieth

century can only be possible on the basis of historical and literary research, which not only substantiates the artistic validity of the narrative solutions proposed by the author of the novel, but also offers the readers natural ways of aesthetic communication with the book.

Keywords: Boris Pasternak; «Doctor Zhivago»; a novel by twentieth century; Soviet literature; socialist realism; the writer as the reader.

Много лет отдав посильным трудам на странной ниве литературоведения, я почти ничего не написал о поэзии. Пребывая в убеждении, что стихи надо читать, а не писать о них. И стиховедение, и стихоинтерпретации – это, во всяком случае, не мое. Как литературовед могу говорить только о прозе Пастернака. Я (немного перефразирую знаменитую, а в реальности, как выяснилось, никогда не произносившуюся фразу) «*Доктора Живаго*» читал – и скажу...

Но вместе с тем хотел бы утолить и свою потребность читателя – предаться воспоминаниям о том, как *начинают жить стихом* [Пастернак, 189]. В конце концов, хотя из тебя не выходит поэта, никто не запретит любить поэзию в себе, читать ее и знать. Так произошло с моим отцом, фронтовиком, художником-акварелистом, хорошим искусствоведам-педагогом, выдающимся, не только на мой взгляд, методистом-практиком, разработавшим замечательную систему обучения всех детей основам изобразительного искусства.

Литературу, а в особенности поэзию, папа любил и знал. И постарался приобщить к ней своего первенца. Доприобщался до того, что я, как и часть школьников и школьниц, взялся за стихокропание... Папе стал показывать не сразу и не всё, но в конце концов, чтобы разобраться, *кто мы и откуда* [Пастернак 1990, т. 3, с. 529], он, добросовестно считая себя литературным дилетантом (хотя читателем папа был невероятно чутким), предложил мне послать некоторые стихотворения в журнал «Пионер», где открылся тогда (середина 1960-х годов) журнал в журнале «Кораблик» с призывным девизом: «Печатает только тебя».

Что я и сделал, и так мои стихи попали в дружескую проварку к двум замечательным литконсультантам «Пионера», к братьям Борису Петровичу и Владимиру Петровичу Лапиным. Они до косячки разбирали все мои опусы, отмечали единичные удачные

строчки, а также посоветовали – не *читать классику*, как обычно советуют, а читать Бориса Пастернака.

Разумеется, Пастернака в те годы я не читал, в школе его не изучали, в нашей домашней библиотечке (быстро разрастающейся) его тоже не было. Не было его ни в нашей школьной библиотеке, вообще-то неплохой, ни в детской библиотеке № 6, где я был записан. Но само имя я слышал, и слышал давно, еще в дошкольные для меня 1950-е годы. История с «Доктором Живаго» и травлей его автора докатилась и до нашего Владикавказа (не буду называть его тогдашнее имя, тогда город назывался фамилией большевика, злокозненно спровоцировавшего кровопролитную гражданскую – и межнациональную! – войну на Северном Кавказе) и, как смутно помнилось, бурно обсуждалась папой, мамой и моей любимой тетей Юлей, учительницей литературы и немецкого языка, тогда еще незамужней и жившей с нами. Показал письмо из «Пионера» папе. Папа, усевшись в кресло, читал его довольно долго, а затем, возвратив мне письмо, заявил: «Я принесу тебе Пастернака».

И принес! Тогда папа преподавал в местном пединституте и раздобыл, как он рассказал нам дома, пастернаковские «Стихотворения в одном томе» 1935 г. в хранилище институтской библиотеки. Других изданий Пастернака в ней не было.

Но мне хватило!

К тому времени я, как большинство сверстников, начитанный в детской литературе, в том числе поэзии, зная многое наизусть, еще не добрался до Пушкина, Лермонтова, Есенина, подавно любимого папой Твардовского, хотя их томики у нас были. Впрочем, однажды, еще в первом классе, среди наших книг я наткнулся на тоненькую книжечку Александра Блока, куда вместились только «Двенадцать» и «Скифы». В «Двенадцати» тогда я мало что понял, а вот «Скифы» меня настолько увлекли, что я их перечитал несколько раз (включая эпиграф) и так запомнил наизусть. Кроме того, я как-то незаметно увлекся Маяковским – возможно, из врожденной склонности к тоталитарным формам искусства, но и потому, что его творения любили и моя тетя Юля, и моя учительница литературы Ирина Николаевна Киреева (брутальный Маяковский вообще гипнотизирует многих учительниц, как я заметил, работая много лет в педагогической журналистике).

Но вот явился Пастернак – и чтение его подарило мне несколько замечательных потрясений.

Во-первых, то первоначальное ощущение чуда поэзии, которое открыли мне «Скифы», теперь развернулось *далеко во все концы света* [Гоголь, с. 157]. Потрясающее ощущение «все во мне и я во всем» [Тютчев] литературно я впервые пережил (еще не зная этой словесной формулы) при чтении Бориса Пастернака.

А как иначе, если на первых же страницах заветной книжки тебе показывают такое:

Задекламирует чердак
С поклоном рамам и зиме,
К карнизам прянет чехарда
Чудачеств, бедствий и замет.

[Пастернак 1935, с. 6].

Ведь это же и наш таинственный, почти недоступный для меня чердак бабушкиного домика по улице Ушинского, 40, на бывшей, но и вечной (казалось тогда) Молоканской слободке Владикавказа, где прошли первые годы моей жизни!..

Я читал и перечитывал Пастернака, строка за строкой, страница за страницей, читал, то всё понимая, то не понимая ничего, но неотвратимо погруженный в ощущение, что вот оно, он уже написал, увидел то, что и я видел когда-то, – дома, в саду, в предгорных предместьях Владикавказа, в городском парке с его прудами подле Терека:

Лодка колотится в сонной груди,
Ивы нависли, целуют в ключицы,
В локти, в уключины – о погоди,
Это ведь может со всеми случиться!

[Пастернак 1935, с. 26].

Выныривая из влекущего, но недопонятого, устремлялся дальше, чтобы прочесть и запомнить навсегда:

Разрывая кусты на себе, как силок,
Маргаритиных стиснутых губ лиловей,
Горячей, чем глазной Маргаритин белок,
Бился, щелкал, царил и сиял соловей...

[Пастернак 1935, с. 79].

В моей жизни как раз разворачивался пубертатный период, но, согласитесь, переживать его не то чтобы проще, но увереннее, когда в твоей памяти оказывается такое...

Второе потрясение после фронтального чтения Пастернака тоже было благотворным – я надолго перестал упражняться в версификации. Потом вдруг написал несколько, на мой взгляд, заслуживающих читательского суда стихотворений и вновь отправил их в журнал «Пионер». Одно из них напечатали, после чего я раз и навсегда решил, что в поэзии с моими задатками делать нечего. И писал с тех пор в рифму только нечто сатирическое или же обращенное к той одной, *единственной*, с каждой из которых у меня в разные времена жизни намечалось нечто романтическое...

Наконец, благодаря чтению Пастернака, я в конце концов избавился от морока лесенок Маяковского. В этом нет ничего странного. Как раз у Пастернака в «Людах и положениях» есть признание, которое могут повторить очень многие: Пастернак «находился под обаянием его (Маяковского. – С.Д.) огня, внутренней силы и его огромных творческих прав и возможностей» [Пастернак 1991, т. 4, с. 338], – и я тоже это всё сполна испытал. Но опыт жизни и чтения расширяется, приходит новое видение, казалось бы, незыблемое. Там же, в «Людах и положениях», прочел, что Маяковский у Пастернака «не любил “Девятьсот пятого года” и “Лейтенанта Шмидта” и писание их считал ошибкою» [Пастернак 1991, т. 4, с. 331]. Почему – Пастернак не поясняет, но у меня было так: обладая в юности неплохой памятью, я едва ли не с листа запоминал понравившиеся стихотворения, знал наизусть практически полностью (о ужас!) поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!». Но, прочитав у Пастернака как раз его революционные «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт», вдруг не всё сюжетное в них принял (хотя немало, так сказать, побочных здесь строф, из другого, *неревolutionного* Пастернака, запомнив; о чем еще скажу ниже). Я вслед за тем стал стремительно разочаровываться в творениях Маяковского после 1917 г. – вплоть до того, что уже ко временам учения в Литинституте почти полностью болезненно забыл и «Ленина», и «Хорошо!».

Поистине, если немного перефразировать Мандельштама (часто ставящегося в контрапункт Пастернаку), вспоминая и

Высоцкого: надо *только нужные книги читать* [Ср.: Мандельштам, 66; Высоцкий, 118]. Только кто их вовремя подсунет?!

Здесь, переходя к «Доктору Живаго», вспомню еще одну читательскую ситуацию из своего детства. В пятом классе мне попался на глаза том с диалогией об Остапе Бендере, и я его с упоением проглотил. Тут же нашел преспокойно стоявший на полке в нашей школьной библиотеке пятитомник («оранжевый», как тогда говорили, – по цвету переплета) Ильфа и Петрова и прочел его весь. Понять, что всё прочее, ими написанное (кроме «Записных книжек» Ильфа), на уровень ниже диалогии, мне вкуса и ума хватило, но вот от бендерианы (особенно от «Золотого тельца») я несколько лет оторваться не мог, читал и перечитывал (а тут еще и фильм с Сергеем Юрским вышел). Только к окончанию школы такое же тотальное чтение собраний сочинений Гоголя, Чехова, Валентина Катаева, а также отчасти Салтыкова (Щедрина) позволило мне освободиться от этой ильф-петровской зависимости и поставить их романы на достойное, но отнюдь не на вершинное в моем восприятии место.

За такие перемены в доминантах моего чтения я, безусловно, должен быть благодарен опять-таки папе, почитавшему как Гоголя, так и, подавно, Чехова. (Помню, впервые приехав семьей на отдых в Ялту и сняв комнату, мы, ведомые папой, пошли не на пляж, а искать музей Чехова... Странно ли это? Наверное... Осудительно ли? Наверяд ли.) Папа же, по моей просьбе, подписался на издававшийся тогда девятитомник Валентина Катаева: я почему-то решил, что старший брат должен писать лучше брата младшего, хотя у того и соавтор; считаю, что не ошибся; хотя такого цельнолитного характера, как Остап Бендер, Катаеву создать не удалось. Кроме того, мои читательские доминанты откорректировала моя великая учительница литературы Ирина Николаевна Киреева [см. о ней: Дмитренко]. Она, хотя и была равнодушной к Маяковскому, не вводила его в своих классах «принудительно, как картофель при Екатерине» [Пастернак 1991, т. 4, с. 338]. А вот из «Нового мира», тогда еще *твардовского*, мы с ней многое прочитали. Прочли там и «Люди и положения», и статью Лакшина о «Мастере и Маргарите», а перед тем и сам роман, напечатанный в журнале «Москва»... Вот что творилось в конце 1960-х годов на уроках литературы в средней школе № 15 города Владикавказа.

Все эти коллизии с кругом чтения школьников вспомнились мне в самом начале 2000-х годов, когда прикрывалась бурно расцветавшая в 1990-е годы вольница со школьными программами, заменяясь бюрократической устремленностью к созданию единого стандарта по литературе – при неуклонном урезании часов на оную. В этой нанайской борьбе довольно быстро выкристаллизовались две группы, как водится, условных прогрессистов и условных консерваторов (хотя они друг друга считали таковыми без всяких условностей). Обе бились за то, чтобы законодательно провести свой стандарт по литературе вместе с его особыми приоритетами. Естественно, у каждого они были свои, в том числе и в круге произведений, предназначенных для обязательного изучения школьниками. Чтобы не отвлекаться полностью на эту, по-прежнему кровотокающую тему современного российского школьного образования и остаться на линии проблематики своих заметок, скажу только: «консерваторы» требовали, чтобы одиннадцатиклассники изучали в классе «Тихий Дон», а «прогрессисты» бились за «Доктора Живаго».

Я тогда работал в издательском доме «Первое сентября» заместителем главного редактора газеты для словесников «Литература». А главным редактором был опытейший журналист доктор филологических наук, профессор МПГУ Геннадий Григорьевич Красухин. Мы с ним как-то согласно в этой битве заняли вроде бы необычную, но, полагаю, здравую позицию. Оба полагали, что и «Тихий Дон», и «Доктора Живаго» в школе изучать не надо, они даже для старшеклассников неподъемны (надо еще учесть и это вышеупомянутое урезание часов на литературу). Да, обзорно рассказать и о том, и о другом романе желательно. Но при этом надо помочь словесникам внятно и убедительно рассказывать на уроках о «шолоховском вопросе» (до которого *несносно наблюдательные* школяры всё равно доберутся), а также поставить в реальные историко-литературные рамки историю со скандалом вокруг «Доктора Живаго».

«Прогрессисты» видели в нас своих союзников (это было справедливо лишь в том смысле, что мы никак не могли быть союзниками «консерваторов», совершенно устаревших с методической точки зрения), и они поистине с большевистской страстностью призывали нас определиться и печатно-публицистически выступить за

«Доктора Живаго». Но Геннадий Григорьевич не поддавался, а однажды, после особенно настойчивых уговоров, решил расставить все акценты. «Но послушайте, – возопил он, – давно ли перечитывали вы “Живаго”?! Чтó может учитель рассказать о нем школьникам? Не только ли то, что некий странный врач неприкаянно мечется по России несколько сот страниц, наконец умирает по пути на работу, после чего оказывается, что это был гениальный, без преувеличений, поэт? И какие вопросы после этого учитель услышит от учеников?!»

Компромисса с «прогрессистами» мы так и не нашли, хотя остались при мнении, что школьникам из Шолохова надо давать два-три из «Донских рассказов» (возможно, сопоставляя их с рассказами из «Конармии»), а Пастернака представить его многообразной лирикой и, разумеется, стихотворениями из романа, объяснив особенности их появления под именем Юрия Живаго.

Но сейчас я думаю, что, помимо парадоксальной красухинской интерпретации «Доктора Живаго», надо было бы обратить внимание коллег, настаивающих на помещении романа в школьную программу (в большинстве филологов с университетским, а не пединститутским образованием), и на другие дискуссионные особенности самого крупного прозаического произведения Бориса Пастернака, с которыми, на мой взгляд, до сих пор не разобрались и академические литературоведы.

Сам я впервые добрался до стихов из романа тоже на заре туманной юности (в издании, где я их впервые прочитал, они, числом 16, представлены под прикровенным общим заглавием «В перерыве» [Пастернак 1966, с. 228–268]), многие выучились наизусть, но полностью прочитал роман, нет, не в «Новом мире» (1988. № 1–4), где он впервые в СССР был напечатан, а, вероятно, в первом советском книжном издании – в двухтомном, но не в переплете, в обложке, выпущенном в Вильнюсе (привез приятель-литовец, учились вместе в аспирантуре) [Пастернак 1988].

Ну, прочел и прочел. Проза не впечатлила, а «Стихотворения Юрия Живаго» я любил и без романа. Ирина Николаевна постоянно предлагала нам для внеклассного чтения разнообразные воспоминания; помимо «Повести о жизни» Константина Паустовского, которую в школе желательно прочесть всем, мы читали и «Люди, годы, жизнь» Ильи Эренбурга. А там у него очень

глубокое замечание о «Докторе Живаго», на него я обратил внимание позже: «В романе есть поразительные страницы – о природе, о любви; но много страниц посвящено тому, чего автор не видел, не слышал. К книге приложены чудесные стихи, они как бы подчеркивают душевную неточность прозы» [Эренбург, с. 38].

Вторично перечитывал роман в 2005 г., когда был редактором его массового издания в «ОЛМА-Пресс».

Именно тогда и начали у меня копиться некоторые наблюдения над текстом романа, которые сейчас кратко изложу.

Прежде всего, он кажется написанным на полях многих знаменитых произведений советской литературы 1920–1940-х годов, на типографских срывах с рулонов, которые предназначались для печати этих книг.

Я говорю: «знаменитых», но это не означает: обязательно художественно выдающихся. Это означает, что, по моему ощущению (даже не справляясь у пастернаковедов), называемые ниже произведения Борис Леонидович явно читал, и они – или согласно, или полемически – отзывались в тексте «Живаго».

Мне слышатся в «Докторе Живаго» перезвуки не только с «Хождением по мукам», но и с прозой Александра Малышкина («Люди из захолустья», отчасти «Севастополь»). Особые, на мой взгляд, отношения у повествования «Доктора Живаго» с романами Леонида Леонова (прежде всего со «Скутаревским», «Дорогой на океан» и особенно с «Русским лесом»). По написанному этими авторами объективно видно, что оба стремятся к «большому стилю», так или иначе насаждавшемуся в советской литературе, особенно после образования Союза советских писателей в 1934 г., и оба терпят неудачу, пусть по-разному. О Леониде Леонове надо говорить особо, а у Пастернака – прозаика с ограниченным опытом, жесткие лекала соцреализма легко различимы, но при его идеологических векторах плохо укладываются.

При чтении «Доктора Живаго» с каждым разом всё острее нарастает ощущение, что передо мной разворачивается монументальный интонационно-тематический центон, питаемый прочитанной Пастернаком русской литературой (прежде всего, разумеется, XX в., но и с прихватом русской прозы века XIX – от Чехова и глубже, включая своеобразно препарированного Достоевского). Наделенный невероятной остроты литературным слухом, Пастернак

прозванивает десятки произведений и встраивает в свою замысловатую историю голоса многих других рассказчиков так искусно, что они улавливаются на уровне эха – то отчетливо, то миражно. Софья Федорченко, Зощенко, Константин Вагинов, публицистика Великой Отечественной войны... Круг чтения Бориса Пастернака, отраженный в «Докторе Живаго», требует особого изучения.

Здесь вспоминается известный случай с Пастернаком на Первом съезде советских писателей (1934). В передаче Ильи Эренбурга воспроизводится и контекст события.

«Приходили различные делегации: Красной Армии и пионеров <...>, работниц “Трёхгорки” и строителей метро, колхозников Узбекистана и московских учителей, актеров и бывших политкаторжан. Железнодорожники выстраивались под сигнальный свисток; пионеры дули в трубы; колхозницы приносили огромные корзины с фруктами и овощами <...>. Всё это было патетично, наивно, трогательно и походило на необычайный карнавал <...>. Делегации, приходившие, чтобы приветствовать съезд, были героями ненаписанных романов. <...> Все делегации “предъявляли счет”: текстильщицы хотели романа о ткачихах, железнодорожники говорили, что писатели пренебрегают проблемами транспорта, шахтеры просили изобразить Донбасс, изобретатели настаивали на героях-изобретателях. (Люди не всегда представляют, что именно им нужно. Некоторые писатели поспешили погасить задолженность; появились сотни производственных романов. А читатели тем временем росли. <...> Библиотекари говорят, что железнодорожники зачитываются рассказами Чехова, горняки любят “Петра” А. Толстого, ткачихи плачут над “Анной Карениной”, изобретателям нравятся романы, где нет никаких изобретений, от “Тихого Дона” до “Старика и моря”). <...>

Б.Л. Пастернак сидел в президиуме и все время восхищенно улыбался. Когда пришла делегация метростроевцев, он вскочил – хотел взять у одной из девушек тяжелый инструмент; она рассмеялась, рассмеялся и зал. А Пастернак, выступая, начал объяснять: “И когда я в безотчетном побуждении хотел снять с плеча работницы Метростроя тяжелый забойный инструмент, названия которого я не знаю, мог ли знать товарищ из президиума, высмеявший мою интеллигентскую чувствительность, что в этот миг она в каком-то мгновенном смысле была сестрой мне и я хотел помочь ей

как близкому и давно знакомому человеку”» [Эренбург, с. 416–417; ср.: Съезд 1934, с. 548–549; Пастернак 1991, т. 4, с. 630–632, 882–883].

Стенографический отчет показывает, что Борис Пастернак недаром оказался в президиуме писательского съезда. О его творчестве и о нем на съезде говорят много и многие.

Очень выразителен, например, следующий пассаж в выступлении поэта Дмитрия Петровского (1892–1955), представлявшего правое крыло ЛЕФа. Продолжая споры, развивающиеся на съезде, Петровский заявляет: «Тема поэта, конечно, одна – это человеческий героизм, героизм человеческой личности, героизм эпохи. Это было во все времена, и поэт, если – не герой, то спутник героев. Содержание этой мысли выражено в замечательной строфе Пастернака:

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта –
Она опасна, если не пуста.

Не все знают, какая глубина была скрыта в каламбуре Пастернака, отвечавшего на нападки Асеева – что “если бы рифмы изготовлялись на нефти или на прованском масле, то что бы осталось от всей работы лефов?”

Только материал, такой, как слово, в котором уже содержится целый мир смысла без участия в этом рифмача, – только этот материал подчас и спасал положение» [Съезд 1934, с. 534].

Вот Пастернак и после съезда, которому прекрасно знал цену и смысл и цели которого также прекрасно понимал [см., например: Пастернак 1991, т. 4, с. 882], всё продолжал самомеряться пятилеткой.

В этом отбойном молотке, который он пытался перехватить у метростроевки, видится вполне определенная метафора его отношений с советской литературой, с так называемым советским читателем (о реальном хорошо у Эренбурга; см. выше), с так называемым социальным заказом.

Хотя Пастернак в той или иной степени осознавал, что его «историко-революционные» поэмы, начиная, разумеется, с «Высокой

болезни», к творческим удачам не отнесешь, он не оставлял мысли если не так, то этак овладеть темой.

Свое переживание времени Пастернаку явно хотелось не только сочетать с чертами складывающегося «большого советского стиля», при этом оставаясь в поле коммунистической цензурности, членства в Союзе советских писателей. Вполне вероятно, что выполнение замысла в уже узнаваемых художественных формах (ср., например, «Хожение по мукам») представлялось ему и защитой от цензуры.

Это было, что и говорить, роковым заблуждением. Например, Андрей Платонов, в принципе не сочетающийся с каким-либо нарядом на литературное поденничество или с договором на ваяние «большого советского стиля», также непредставим угадывающим границы цензурной свободы. Он создавал не стиль литературного изображения, а образ времени и тем ставил цензуру в тупик, ибо цензурными инструкциями его полотна были не предусмотрены. Как знаем, цензура решала эту творческую проблему самым простым образом: почти все масштабные сочинения Платонова были запрещены к печатанию. Но исходные установки у Бориса Пастернака были, как предполагается выше, совершенно другими.

Вновь обращаюсь к воспоминаниям «Люди, годы, жизнь» порой лукавого, но в целом очень убедительного в своих оценках Ильи Эренбурга: «...у каждого, даже самого большого поэта есть не только потолок, но и стены; общество было вне стен того мира, в котором жил Пастернак». И далее: «Пастернак чувствовал природу, любовь, Гёте, Шекспира, музыку, старую немецкую философию, живописность Венеции, чувствовал себя, некоторых близких ему людей, но никак не историю; он слышал звуки, неуловимые для других, слышал, как бьется сердце и как растет трава, но поступи века не расслышал. <...>

Борис Пастернак, один из лучших лирических поэтов нашего времени, был, как и всякий художник, ограничен своей природой; когда он попытался изобразить в романе десятки других людей, эпоху, передать воздух гражданской войны, воспроизвести беседы в поезде, он потерпел неудачу – он видел и слышал только себя» [Эренбург, с. 34, 35, 36].

Это тоже справедливо, хотя всё же «Доктора Живаго» невозможно назвать полной неудачей, ибо в него встроены «Стихотворения Юрия Живаго», где, действительно, Пастернак видит и слышит «только себя» и тем вновь велик, пусть и в ничего не массирующем одеянии своего невероятного доктора.

Здесь нельзя не вспомнить еще об одном подходе к этому опыту Пастернака. Хорошо известное пастернаковедам исследование Игоря П. Смирнова «Роман тайн “Доктор Живаго”» исходит из следующего положения:

«Есть что-то отпугивающее в смысловом строении “Доктора Живаго”. Именно: гигантский объем скрытой информации, расплывчато угадываемой за тем, что явно сообщается нам, но с трудом поддающейся рациональному постижению. Вызов, брошенный Пастернаком воспринимающему сознанию, был по-футуристически дерзок. Пастернак подвергал *ratio* читателей эпатажу, мучительному испытанию, подобно поэтам-“заумникам”, с тем отличием от них, что не опустошал содержание художественной речи, но, напротив, расширял его до неопределенности. Немудрено и отпрянуть от края этих смысловых глубин. Но, не заглянув в них, нельзя адекватно отнестись к поэтике романа, которая являет собой, прежде всего, поэтику непрямого высказывания, спрятанных значений, герметичности» [Смирнов, с. 7].

Такой подход не оспаривается, но он совершенно игнорирует необходимость историко-литературного и социально-психологического, по меньшей мере, исследования самого факта разнородных суждений о произведении, вознесенном на парнаасские вершины. Что есть роман «Доктор Живаго» — книга для интеллектуалов-небожителей, аттракцион для литературных гурманов или тяжелый футляр, в который вложена чудесная поэтическая симфония «Стихотворения Юрия Живаго», добирающаяся и эстетически, и этически до каждого, кто ее открывает? Вопрос остается.

В уже упоминавшейся поэме «Девятьсот пятый год», которую еще в школе я читал с нарастающим недоумением, есть, однако, строки, которые искупают всё преходящее, конъюнктурное, что в этом сочинении, бесспорно, содержится. Они первородно-хрестоматийны, но приведу их здесь (а редакция издания решит, поднять ли руку на их сокращение до первой и последней строки или всё же оставить):

Придается все.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят,
И годы проходят,
И тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн,
Прячась
В белую пряность акаций,
Может, ты-то их,
Море,
И сводишь, и сводишь на нет.

Ты на куче сетей.
Ты курлычешь,
Как ключ, балагурия,
И, как прядь за ушком,
Чуть щекочет струя за кормой.
Ты в гостях у детей.
Но какую неслыханной бурей
Отзываешься ты,
Когда даль тебя кличет домой!..

[Пастернак 1935, с. 161].

Выше я уже писал о некоем контрапункте «Пастернак – Мандельштам» не только в читательском, но и в литературно-научном сознании. Считая его в высшем лирическом смысле умо-зрительным, всё же признаю, что какие-то культурно-статистические основания для разговоров об этом контрапункте есть. Но, с другой стороны, есть и право биоритмов конкретного читателя, и если мне ближе, душевно и сердечно-телесно ближе, Пастернак, то это значит: Пастернак – и всё тут.

Тем более что однажды, перечитывая именно эти, давно известные мною наизусть строки, вдруг подумал о море в мандельштамовском шедевре «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (авторская датировка: «11 августа 1917, Алушта»; первоначальное заглавие: «Виноград» [Мандельштам, с. 478]), о последней его строфе:

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.
[Мандельштам, с. 116].

Осип Эмильевич ни в 1917-м, ни позднее, ни в стихах, ни в прозе не написал свой «Девятьсот семнадцатый год» (хотя кое-что известное написал, но, как знаем, лишь себе на погибель). Можно сказать, что замечание «у времени в плену» не про него (мы ведь говорим не о физическом, а о метафизическом присутствии поэта в конкретном историческом времени, не так ли?!).

Но, в отличие от Осипа Эмильевича, смогшего на излете лет быть и щеглом [Мандельштам, с. 223], однако всегда, уже в «Камне», возвышавшего культуру над природой (в коде и щеглиного цикла вдруг возникает это, культурно-историческое: «И есть лесная Саламанка / Для непослушных умных птиц!» [Мандельштам, с. 224]), Пастернак, несмотря на все свои конъюнктурные искушения в стихах и в прозе, скорее всего, даже непроизвольно сваливался в неслыханную простоту («И чем случайней, тем вернее / Слагаются стихи навзрыд» – это, как помним, еще из «Начальной поры», 1912 г.), когда культура есть, разумеется, но так, на уровне быта, гимназического круга знаний (и без университетского хватает) и, да, новозаветной истории.

Полная художественная сила Пастернака проявлялась в свободе от какого-либо книжного знания, выведении его за пределы строки, строфы, страницы во имя избегания *свидетельств мысли сухих* [Пастернак 1966, с. 327]. Изначально напитанные культурой, основные инстинкты его творчества оживают лишь в свободе от нее.

Поэтому море Пастернака – море без Одиссея (хотя вроде бы и с броненосцем «Потёмкин», с историей по РКП (б)) – так близко, так самодостаточно, так же внекнижно, как в те часы, когда я его, Черное море, впервые увидел, десятилетним, в портовом городе Туапсе.

Высоцкий – *Высоцкий В.С.* Баллада о борьбе // *Высоцкий В.* Нерв. М.: Современник, 1981. С. 117–119.

Гоголь – *Гоголь Н.В.* Страшная месть // *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 1–2. С. 130–164.

- Дмитренко – *Дмитренко С. Ирина* // Литература: научно-методический журнал для учителей словесности Издательского дома «Первое сентября». 2019. Июль – август. С. 42–44.
- Мандельштам – *Мандельштам О.* Сочинения: в 2 т. / Подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова и П.М. Нерлера. М.: Худ. лит., 1990. Т. 1. 638 с.
- Пастернак 1935 – *Пастернак Б.* Стихотворения в одном томе. Л.: Худ. лит., 1935. 440 с.
- Пастернак 1966 – *Пастернак Б.* Стихи. М.: Худ. лит., 1966. 368 с. (Библиотека советской поэзии).
- Пастернак 1988 – *Пастернак Б.* Доктор Живаго: в 2 кн. Вильнюс: Вага, 1988. Кн. 1. 222 с. Кн. 2. 255 с.
- Пастернак 1989–1992 – *Пастернак Б.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Худ. лит., 1989–1992.
- Пастернак 2003 – *Пастернак Б.* Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 1 / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/ SLOVO, 2003. 576 с.
- Смирнов – *Смирнов И.П.* Роман тайн «Доктор Живаго». М.: НЛО, 1996. 204 с.
- Съезд 1934 – Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. 720 с.
- Тютчев – *Тютчев Ф.И.* Тени сизыя смешались... // *Тютчев Ф.И.* Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. С. 81.
- Эренбург – *Эренбург И.Г.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худ. лит., 2000. Т. 7. 862 с.

А.Н. Николюкин
«ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ» БУНИНА
И ЛАРА ПАСТЕРНАКА

Аннотация. В статье рассматривается эволюция образа «легкого дыхания» в творчестве И.А. Бунина и Б.Л. Пастернака.

Ключевые слова: И.А. Бунин; Б.Л. Пастернак; рассказ; роман; русская женщина; тема любви.

Nikolyukin A.N. Bunin's «Light breath» and Pasternak's Lara

Summary. The evolution of the image «light breath» in Bunin's and Pasternak's works.

Keywords: I.A. Bunin; B.L. Pasternak; tale; novel; Russian woman; theme of love.

В русской литературе существует определенная эволюция женских образов. Эта особенность обнаруживается, в частности, при сопоставлении пушкинской Татьяны с Анной Карениной. Татьяна остановилась на принципе:

Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

Анна Каренина имела смелость пойти дальше этого принципа, что, впрочем, дало право моей внучке, когда она прочитала роман, сказать, что единственно приличный человек там – сам Каренин. Образ замужней женщины претерпел эволюцию, и за это Толстой наказал Анну, бросив ее под поезд.

Образ женщины менялся и после *плача Ярославны* в «Слове о полку Игореве», и после «Бедной Лизы» Карамзина. В рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание» главное – молодая страсть Оли Мещерской. Гимназическая начальница упрекает ее, говоря, что она, девушка, носит женскую прическу. В ответ Оля произносит слова, какие трудно представить в устах обычной гимназистки: «Простите, madame, вы ошибаетесь: я женщина. И виноват в этом – знаете кто? Друг и сосед папы, а ваш брат Алексей Михайлович Малютин. Это случилось прошлым летом в деревне»¹. С легким дыханием произнесла это Оля.

Свое легкое дыхание она продолжила с казачьим офицером и обещала стать женой, но вместо этого издевательски дала ему прочитать свой дневник с описанием близости с 56-летним соседом Алексеем Михайловичем. Прочитав, офицер застрелил ее.

Это легкое дыхание, по словам писателя, рассеялось в мире. Считается, что рассказанное Буниным происходило в Ельце, где в гимназические годы жил писатель. Когда мне довелось быть в Ельце, то местные краеведы водили меня на старое кладбище, где в конце главной аллеи показывали могилу легендарной Оли Мещерской. Люди хотят в это верить.

«Легкое дыхание» завладевает гимназисткой Ларой, героиней романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». В отдельном кабинете ресторана она отдается Комаровскому. «Как это случилось? Как могло это случиться? Теперь поздно. Надо было думать раньше»², – трепетно размышляет она, вернувшись ночью домой.

Ей льстило, что годящийся ей в отцы седеющий мужчина, которому «аплодируют в собраниях и о котором пишут в газетах, тратит время и деньги на нее, зовет божеством, возит в театры и на концерты, что называется, “умственно развивает” ее». Ее особенно влекло необычное: «Ловеласничанье Комаровского где-нибудь в карете под носом у кучера или в укромной аванложе на глазах у целого театра пленяло ее неразоблаченной дерзостью и побуждало просыпавшегося в ней бесенка к подражанию».

То же «легкое дыхание» заставило вскоре Лару ненавидеть Комаровского. Он стал ее проклятием. Поэтому она стреляет в него, но задевает другого. Выстрел сопровождает «легкое дыхание» у обоих писателей – и в рассказе Бунина, и в романе Пастернака. Но у Бунина оно, это «легкое дыхание», длится лишь краткое время, а у Пастернака – всю жизнь Лары. Замужество за другом детства Пашей Антиповым становится для нее как бы обратной стороной, преодолением того же чувства-каприза.

Юрий Живаго на себе испытывает эту особенность любви Лары. Зная хорошо Лару, он заранее говорит ей о Комаровском: «Так ли хорошо ты всю себя знаешь? Человеческая, в особенности женская природа так темна и противоречива! Каким-то уголком своего отворачивания ты, может быть, в большем подчинении у него, чем у кого бы то ни было другого, кого ты любишь по доброй воле, без принуждения»³. И действительно, с неизбежностью возникает снова Комаровский, и прежний порыв «легкого дыхания» овладевает умудренной жизнью Ларой. Она поддается самообману. Ее обманный отъезд с Комаровским стал для нее тем же, чем для Анны Карениной последний в ее жизни поступок. Упорхнув со страниц романа, как и из жизни Живаго, она, как символ смерти, неожиданно возникает у его гроба в Москве, в Камергерском переулке. Так завершается история «легкого дыхания».

Еще при первом чтении романа «Доктор Живаго» меня привлек к себе «дом с фигурами» в Юрятине, напротив которого жила Лара. Этот красивый дом каким-то странным образом своими масками женщин помогает создать образ Лары, становясь ее духовно-образным и топографическим коррелятом. «Дом с фигурами» по ходу действия романа неотделим от мечущейся Лары. Он превращен в символ ее места обитания, подобно «Пяти углам» в Петербурге у Достоевского в романе «Идиот».

Оля Мещерская прочитала в одной «старинной, смешной книге» в библиотеке отца, что главная красота женщины – это ее легкое дыхание. Никто не знал, о какой книге идет речь. Но теперь, благодаря статье Т.Г. Юрченко, напечатанной в 1999 г. в № 12 настоящего журнала, посвященном И.А. Бунину⁴, стало ясно, что речь идет о «Письмовнике» (1769) замечательного русского ученого-просветителя Николая Гавриловича Курганова (1725–1796). А.С. Пушкин собирался написать его биографию, но отказался от

своего намерения из-за скудости материала. Едва ли Лара читала книгу Курганова, но «легкое дыхание» у нее было.

Пастернак создал свою историю «легкого дыхания», неизбежно приводящего в конце концов к гибели носительницы такой любви, исчезающей в застенках советского времени. «Легкое дыхание» оказалось невозможным в те времена и у самого Пастернака.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1995. Т. 4. С. 202.

² Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1990. Т. 3. С. 47–50.

³ Там же. С. 395.

⁴ Юрченко Т.Г. О «старинной смешной книге» и о «Легком дыхании» // Российский литературоведческий журнал. 1999. № 12. С. 76–80.

И.В. Логвинова
Г.В. СВИРИДОВ О Б.Л. ПАСТЕРНАКЕ

Аннотация. В статье анализируется оценка творчества Б. Пастернака в мемуарах Г. Свиридова.

Ключевые слова: русская литература; мемуары; музыка; Б. Пастернак; Г. Свиридов.

Logvinova I.V. G.V. Sviridov on B.L. Pasternak

Summary. The article analyzes the assessment of B. Pasternak's work in the memoirs of G. Sviridov.

Keywords: Russian literature; memoirs; music; B. Pasternak; G. Sviridov.

При изучении курса литературы в музыкальном колледже важно устанавливать параллели между творчеством писателей и композиторов, осуществляя при этом межпредметные связи. Многие выдающиеся русские композиторы оставили мемуары, из которых можно почерпнуть их размышления над судьбами русской литературы и культуры в целом. В частности, интересны мемуары Георгия Свиридова, которые могут послужить для студентов примером глубокого интереса к литературе и чуткого читательского восприятия. Композитор как будто поверяет свои литературные впечатления нравственным камертоном, звучащим в его душе, в его сердце и в его пронзительно-русской музыке.

В своих мемуарах (19 тетрадей за 1972–1994 гг.)¹ Г.В. Свиридов рассуждает о классиках и современниках, которые влияли на его творчество, мировоззрение. Студентам-музыкантам это должно быть интересно с профессиональной точки зрения. Каждый из них, пока учится, также читает, испытывает влияние любимых композиторов и т.д. Мемуарная литература, на наш взгляд, более всего способствует выбору своего жизненного и творческого пути, формированию мировоззрения.

Обратим внимание на то, что творчество Пастернака вызывало у Свиридова неприятие. И это объяснимо с точки зрения его жизненной позиции. Например, в записи от 5 марта 1976 г. читаем: «Прочитал стихи поэта Вознесенского, целую книгу. <...> Слюнявая, грязная поэзия, грязная не от страстей (что еще можно объяснить, извинить, понять), а умозрительно, *сознательно грязная*. Мысли – бедные, жалкие, тривиальные, при всем обязательном желании быть оригинальным. Почему-то противен навеки стал Пастернак, тоже грязноватый и умильный»². Он смотрит на творчество Пастернака с патриотической позиции, с позиции отражения в творчестве русского поэта народной судьбы. По Свиридову, если поэт не выражает в своем творчестве судьбу народную, он не может быть таким великим, как Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин. Судьба поэта должна быть неотделима от судеб Родины, в этом его миссия. Тогда он может считаться великим и рассчитывать на всенародную любовь. Пастернак, как мы увидим ниже в одной из заметок Свиридова, выразил в своем творчестве только личные переживания и поэтому не заслужил всенародной любви. Эту мысль можно продолжить, рассматривая творчество современных авторов с точки зрения их единства с народом, выражения в их творчестве духа времени, стремлений народных. В тетради 1978–1983 гг., в записи от 22 июля 1982 г., Свиридов пишет: «Сейчас, в наши дни, в большой моде искусство первой половины XX века, в поэзии – это Пастернак, Ахматова, Цветаева, Гумилев, Мандельштам, прекрасные настоящие поэты, занимающие свое почетное место в русской поэзии, место, которое у них уже нельзя отнять. Они оказывают (вместе с другими) несомненное влияние на современный творческий процесс.

Творчество этих поэтов, в сущности – лирическое самовыражение, личность самого поэта в центре их творческого внимания,

а жизнь — как бы фон, не более чем рисованная городская декорация, видная за спиной актера, произносящего свой монолог...

К сожалению, фигуры великанов русской поэзии: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Блока, Бунина, Есенина, глубоко ощущавших народную жизнь, движение, волнение народной стихии, подчас незаметное и неслышное, и соизмерявших с нею биение своего творческого пульса, как-то отошли в тень»³.

В тетради 1977 г. Свиридов пишет: «Маяковский, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Гумилев, Мандельштам — поэты “избранного” общества, иногда понимавшие свою “отдельность” от народа, но стремившиеся к внутренней связи с народным (влияние Л. Толстого), а иногда нарочито обособлявшиеся либо в “избранности” отдельной, либо, как Маяковский (сверх-человеки), в “избранности водительской”, как вожди народа, стоящие всегда *выше, подчеркнуто*, избранность не только поэтическая, художественная, но и иная (например, национальная)»⁴.

В тетради 1978–1980 гг. о Пастернаке написано в связи с определением понятия «гений»: «Мысли не мои, почерпнутые из литературы, но верные и благородные. “Гений — не что иное, как редчайший и крупнейший представитель породы обыкновенных, рядовых людей времени, ее бессмертное выражение” <...> Слова Б. Пастернака. Мысль не его, почерпнутая из культуры (Толстой, Блок), но выраженная по-своему (несколько косноязычно), в этом есть маленькое своеобразие»⁵. Об отсутствии чувства языка у Пастернака композитор говорил неоднократно. Ниже будет приведено одно из таких высказываний. При этом чувство языка, свободное владение языком — качества, абсолютно необходимые поэту. Косноязычный поэт чужд народу.

В тетради 1979–1983 гг. он размышляет об особенностях поэзии Пастернака, о том, что для него не существует народа как стихийного носителя религиозного начала, как у Есенина. Рассуждая о смерти Маяковского, Свиридов отмечает, что Пастернак «приветствовал известные слова Ст<алина> о Маяковском, как о лучшем поэте эпохи, сознавая, что эта роль для него самого непосильна, да и неестественна. Амплуа его другое: он никогда не выходил, да и не вышел, за пределы внимания “сливок” советского общества, которые всегда имеются во всякое время, как и в любом другом обществе»⁶. При этом Свиридов замечает, почему Пастернак

не интересовался судьбой русского народа: «Он был здесь в сущности чужой человек, хотя и умилялся простонародным, наблюдая его как подмосковный дачник, видя привилегированных людей пригородного полукрестьянского, полумещанского слоя (см. стих<отворение> “На ранних поездах”). Россию он воспринимал, со своим психическим строением, особенностями души, не как нацию, не как народ, а как литературу, как искусство, как историю, как государство – опосредованно, книжно. Это роднило его с Маяковским, выросшим также (в Грузии) среди другого народа, обладающего другой психикой и другой историей.

Именно этим объясняется глухота обоих к чистому русскому языку, обилие неправильностей, несообразностей, превращение высокого литературного языка в интеллигентский (московско-арбатский!) жаргон...»⁷. Интересно, что, оценивая поэзию Пастернака с точки зрения языка и стиля, Свиридов затрагивает тему очень актуальную для современной литературы. То, о чем он пишет, характерно и для современных поэзии и прозы. Это обеднение языка, попытка подавить национальное самосознание литературы. Свиридов пишет: «Ныне – этот нерусский взгляд на русское, по виду умилительно-симпатичный, но по существу – *чужой*, поверхностный, книжный и враждебно-настороженный, подозрительный, стал очень модным поветрием. Он обильно проник в литературу, размножившись у эпигонов разного возраста. *Популяризацией* его является проза Катаева, поэзия Вознесенского, Ахмадулиной и Евтушенко (– Гангнуса). По виду это – как бы противоположное Авербаху, Л. Лебединскому. А по существу – это мягкая и враждебная, чуждая народу литература. <...> И пробуждения национального сознания они боятся – панически, боятся больше всего на свете»⁸. В этом смысле слова Свиридова нужно понимать так: потеря языка – потеря себя как нации. Возможно, он предвзято оценивает творчество Пастернака. Но если мы перечитаем стихотворения этого поэта, то обнаружим и его сосредоточенность на себе, и особенную лексику, которую Свиридов называет московско-арбатским жаргоном. В этом своеобразие пастернаковской поэзии, ее звучания. При этом мы помним, что начинал поэт вместе с футуристами в группе «Центрифуга», и его первые поэтические опыты были поиском нового стиля, нового языка.

Однако Свиридов ничуть не осуждает Пастернака. В тетради 1980–1983 гг. он пишет: «Я не хочу изрекать истин “окончательных” для кого бы то ни было, я хочу лишь высказать то, что я чувствую.

В судьбе Маяковского или Цветаевой, прекрасных поэтов, отразилась их собственная судьба (судьба “избранных” людей), в судьбе же Есенина отразились миллионы судеб. <...>

Собой были заняты безмерно и Цветаева, и Маяковский, и Пастернак, и Мандельштам, и Северянин»⁹. Эти слова нельзя назвать обвинением в адрес указанных поэтов. Это выражение собственной позиции композитора, который всем своим творчеством служил русскому народу и исповедовал православную веру. С этих же позиций он оценивает и роман «Доктор Живаго». В тетради 1989–1990 гг. композитор пишет о «Докторе Живаго», отмечая, что в нем есть не «всеобъемлющие», но «отдельные глубокие» мысли о жизни, о человеке и его предназначении, о времени, о революции¹⁰.

Можно только добавить к характеристике романа то, что на самом деле в нем нет ничего, кроме философских размышлений главного героя о месте человека в мире и в жизни. Однако роман Пастернака уступает менее известному, но написанному в 1930-е годы роману Б. Житкова «Виктор Вавич», который дошел до своего читателя через 70 лет. В. Шубинский называет книгу Б. Житкова последним русским романом: «Чтобы “Виктор Вавич” увидел свет, век должен был закончиться. Книга, набранная в 1941 году, оказалась “неуместной” (Фадееву хватило времени, чтобы в первые месяцы войны, под бомбами, прочитать и забраковать “талантливую книгу”). Набор был рассыпан. Почему “Виктор Вавич” не привлек внимания издателей в дни перестройки, остается загадочным. Может быть, дело именно в несовпадении жанра и фактуры, делающем книгу “чужой” и для любителей Добычина и почитателей Шаламова, и для читателя самого распространенного, “постнабоковского”, эстетского типа, и, с другой стороны, для поклонников Гроссмана и Солженицына. Чтобы прочитать книгу Житкова, надо сделать усилие. Но она того стоит. В конце концов это последний русский роман»¹¹. Б. Житков рисует людей и события, историю; Пастернак – внутренний мир и переживания главного героя на фоне людей и событий, истории.

Таким образом, по записям Г.В. Свиридова о Пастернаке можно судить о творческом кредо композитора и о том, насколько глубоко он изучил и знал русскую культуру. Чтобы сделать такой весомый вклад в эту культуру, какой сделал он, необходимо было много читать, следить за культурными и историческими событиями, размышлять, сопоставлять. Нелюбовь к творчеству Пастернака не означает для Свиридова отрицания его творческих заслуг.

Свиридов ставит Пастернака в ряд выдающихся поэтов своего времени, но не считает великим, поскольку для него слово «великий» созвучно с патриотизмом и служением народу, а не избранной публике. При оценке творчества Пастернака, таким образом, Свиридов исходил из своего видения задач русского искусства: широкого охвата истории, ритма времени, жизни народной во всей ее полноте. Поэтому элитарная, камерная, узкая поэзия была ему не близка. Эти тетрадные записи, как подчеркнул сам Свиридов, не являются попыткой высказывания окончательных суждений о ком бы то ни было. Но они – повод для размышления над поэтическим творчеством и его назначением. Его размышления заставляют задуматься и прояснить для себя понятия народности, стиля, языка, художественной правды. Взгляд Свиридова на русскую литературу, конечно, не может быть принят как однозначно правильный, эталонный, но он может служить отправной точкой для последующих размышлений над творчеством Пастернака. У поэта были свои творческие задачи, свое мировоззрение, которое мы можем принимать или не принимать в нем, любить или не любить его стихи и прозу. Но мы его воспринимаем сквозь призму его отношения к своему времени, к русской культуре. И примером такого восприятия могут служить мемуары Свиридова.

¹ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. 798 с.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 236.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Там же. С. 210–211.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Там же. С. 310–311.

⁸ Там же. С. 311.

⁹ Там же. С. 332.

¹⁰ Там же. С. 551.

¹¹ *Шубинский В.* О кн. Бориса Житкова «Виктор Вавич» // Октябрь. 2001. № 2.
URL: <https://magazines.gorky.media/october/2001/2/o-kn-borisa-zhitkova-viktor-vavich.html> (дата обращения: 05.09.2020).

Т.Н. Красавченко
«ДОКТОР ЖИВАГО»
С АНГЛИЙСКИМ АКЦЕНТОМ

Аннотация. Пастернак в англоязычном мире получил признание в основном как автор «Доктора Живаго», чему способствовали переводы и киноэкранизации романа. В статье представлены три его перевода на английский: Макса Хейворда и Мани Харари (1958), Ричарда Пивира и Ларисы Волохонской (2010), Николаса Пастернака-Слейтера (2019). Как парадокс межкультурного взаимодействия рассмотрен случай «Дейви – Пастернак»: именно Пастернак, поэт другого культурного кода, языка, времени сыграл важную роль в творческой эволюции известного английского поэта Дональда Дейви, переводчика стихов к роману. Экранизации «Доктора Живаго» в англофонном мире – в США (1965) и Великобритании (2002) – свидетельствуют о том, сколь труден роман Пастернака для киноадаптаций, как он не поддается упрощенческому «переводу» на язык кино.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; Исайя Берлин; английская и русская поэзия и проза; литературный перевод; экранизации романа в США и Великобритании.

Krasavchenko T.N. «Doctor Zhivago» with English accent

Summary. Boris Pasternak is well-known in the English-speaking world first of all as an author of «Doctor Zhivago» – thanks to the literary translations by Max Hayward and Manya Harari in 1958, by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky in 2010, by Nicolas Pasternak Slater in 2019 and screen-versions in the USA (1965) and Great Britain (2002). As a paradox of intercultural communication is interpreted the case of «Davie–Pasternak»: As a poet of a different language, cultural code, epoch Pasternak played an impor-

tant part in the poetic evolution of a famous English poet Donald Davie, who translated poems of «Doctor Zhivago». Film versions of the novel show that it is very difficult to transfer Pasternak's novel into the film language, it resists the simplified cinematography approaches.

Keywords: intercultural communication; Isaiah Berlin; English and Russian poetry and prose; literary translation; film versions.

Первым британским читателем «Доктора Живаго» был британский философ, историк идей, дипломат, профессор Оксфордского университета Исайя Берлин. Он знал сестер Б.Л. Пастернака – Лидию и Жозефину, живших в Оксфорде, и еще ранней осенью 1945 г. в начале своей недолгой – несколько месяцев – работы в британском посольстве в Москве привез поэту в Переделкино посылку от Лидии, подружился с ним, не раз бывал у него в московской квартире. Вновь приехав в СССР и Переделкино через 11 лет – летом 1956 г., он стал свидетелем и в некоторой степени участником происходивших там драматических событий.

Пастернаку, в конце 1955 г. закончившему работу над «Доктором Живаго», уже было ясно: надеяться на публикацию романа на родине нечего. Он сразу повел Берлина в свой кабинет и со словами: «Вот моя книга <...>. В ней все»¹ – вручил ему толстый конверт. Роман, который И. Берлин прочитал за ночь, потряс его: «В отличие от некоторых читателей романа в Советском Союзе и на Западе, книга эта, – писал он позднее, в 1980 г., – показалась мне произведением гениальным. Я считал – считаю и сейчас, что роман передает полный спектр человеческого опыта, автор творит целый мир. Язык романа беспримечен по своей творческой силе». По мнению И. Берлина, никогда еще после Шекспира не было создано такого полного, живого произведения о любви, страстной, всепоглощающей, заставляющей забыть об окружающем мире (разве что «Анна Каренина»).

На следующий же день он вновь поехал к Пастернаку. И по просьбе Зинаиды Николаевны, жены поэта, попытался уговорить Бориса Леонидовича «притормозить» – не пересылать роман за границу, предлагал сохранить копии рукописи в надежных местах за рубежом до лучших времен, но поэт уже всё для себя решил; он перешел некий важный рубеж, понимал, что переводит свою жизнь в иной, опасный «регистр» существования, и прямо ответил

И. Берлину, что с сыновьями уже поговорил и они готовы к худшему. За день до того он уже передал копию рукописи в миланское издательство Фельтринелли. Исаяе Берлину стало ясно, что отчуждение Пастернака «от политического режима, господствовавшего в стране, было полным и бескомпромиссным. Он не мог без содрогания говорить о режиме или его представителях». И «хотел, чтобы роман, его завещание, самое настоящее, самое целостное из всех его произведений <...> распространился по всему миру и стал “глаголом жечь сердца людей”». Он просил Берлина понять, что эта книга и «в особенности ее широкое распространение – значит для него». И сэр Исаяя понял. Он отвез копию рукописи «Доктора Живаго» в Оксфорд и передал ее сестрам поэта².

Переводом «Доктора Живаго» в Великобритании занялись два видных, опытных переводчика русской литературы на английский. Один из них был коллегой Исаяи Берлина по Оксфорду – Макс Хейворд (1924–1979), в 1947–1949 гг. работавший переводчиком в Москве в британском посольстве, переводивший В. Маяковского, И. Бабеля, А. Солженицына, Н. Мандельштам, А. Синявского и др., – его называли «лучшим <...> переводчиком русской прозы на английский со времен Констанс Гарнет»³. Он работал над переводом «Доктора Живаго» по схеме, сложившейся в британской школе перевода еще с 1920-х годов, когда русскую литературу переводили английские писатели – Д.Г. Лоуренс, В. Вулф и др. в сотрудничестве с носителем языка оригинала – эмигрантом из России Самуилом Котелянским. В данном случае носителем русского, работавшим вместе с М. Хейвордом, была Маня Харари (1905–1969): она родилась в России в семье Григория Бененсона, богатого российско-еврейского финансиста, детство ее прошло в Петербурге, в 1914 г. через Германию семья эмигрировала в Англию. О М. Харари, известной переводами произведений К. Паустовского, А. Синявского (А. Терца), Е. Гинзбург, И. Эренбурга и др., в 1969 г. в некрологе лондонской «Таймс» сказано, что она была больше, чем переводчик: она стала «посредником между двумя культурами, в каждой из которых чувствовала себя как дома» и в переводах давала почувствовать «дух другой культуры»⁴.

Английский стал вторым языком, на котором появился роман; как известно, в ноябре 1957 г. роман впервые вышел – на

итальянском в Милане, в издательстве Джанджакомо Фельтринелли (за что издателя исключили из Итальянской компартии).

Хейворд и Харари начали переводить роман в 1957 г. и работали в большой спешке – Пастернака выдвинул на Нобелевскую премию 1958 г. Альбер Камю, ее лауреат 1957 г.; нужно было, чтобы английский перевод вышел как можно скорее и стал доступным как широкому кругу читателей, так и членам Нобелевского комитета.

Работали они так: Хейворд читал страницу на русском, переводил ее на английский, потом сверял свой перевод с переводом Харари, в результате возникала общая версия и в итоге – естественная, хорошо звучащая по-английски проза. Переводчики достигли своей цели – ясности, элегантности, эвфонии, хотя в переводе были некоторые пропуски и упрощения⁵. Кроме того, в своем стремлении сделать книгу доступной англоязычному читателю они нередко заменяли ритм и стиль прозы Пастернака повседневным, обычным английским, что порой приводило к банальностям.

Перевод Хейворда – Харари вышел в Лондоне и Нью-Йорке⁶ в начале 1958 г. и имел успех: 26 недель он находился в списке бестселлеров, регулярно публикуемом газетой «Нью-Йорк таймс». А 23 октября Б.Л. Пастернаку была присуждена Нобелевская премия.

* * *

Осенью 1958 г. английский поэт Дональд Дейви (1922–1995), вернувшись в Англию после года в Калифорнии, на вокзале в Плимуте, ожидая поезд в Лондон, купил в книжном киоске перевод «Доктора Живаго», сделанный Хейвордом – Харари⁷. Изучение этого перевода в конце концов привело английского поэта к кардинальным переменам в его собственном творчестве.

Ныне Дейви признан одним из самых влиятельных английских послевоенных поэтов. Автор около 20 поэтических сборников, он был неоклассицистом, во многом определившим программу поэтической группы 1950-х – начала 1960-х годов «Движение», ориентированной на ясность, рациональное начало, холодноватость, эмпиризм, изображение обыденной «поверхности жизни», ювелирную отделку формы. Неоклассицизм с 1910-х годов можно

рассматривать как мейнстрим в британской поэзии XX в. Однако если для Т.Э. Хьюма и Т.С. Элиота он был прежде всего философским феноменом и в условиях кризиса гуманистического мировоззрения первой трети XX в. они отрицали антропоцентричную романтическую традицию как тип идеологии и искусства, то для Дейви неоклассицизм – это уже скорее сугубо эстетический феномен, в котором главное – противостояние «формы» и бесформенности, что, конечно, тоже таит в себе глубокий философский смысл.

Конец 1950-х – начало 1960-х стало временем поисков Дейви своего пути в поэзии. И тут важную роль сыграл рано пробудившийся у него интерес к русской литературе. Во время Второй мировой войны Дейви 18 месяцев служил матросом на Королевском флоте в Мурманске и Архангельске (1942–1943), где выучил разговорный русский, и позднее вспоминал, что увлекся русской поэзией и влюбился в «меланхолические пространства» России⁸. Испытывая «ностальгию по ушедшему времени» и своей «девушке – Глафире Алексеевне из Архангельска», он усовершенствовал знание русского в Кембриджском университете, в 1947 г. окончил его, а в 1951 г. стал доктором филологии.

Во время учебы в Кембридже на Дейви глубокое впечатление произвели книги по русской литературе Д.П. Святуполк-Мирского, который, как известно, с 1921 г. и до возвращения в Россию в 1932 г. жил в эмиграции в Лондоне, публиковал на английском статьи в ведущих британских журналах и издал до сих пор пользующиеся авторитетом среди англоязычных русистов исследования: «Пушкин» («Pushkin», 1926), «Современная русская литература» («Contemporary Russian literature», 1926), «История русской литературы до смерти Достоевского» («History of Russian literature from the earliest times to the death of Dostoevsky», 1927) и несколько антологий русской поэзии.

Дейви считал Мирского «великим литературоведом»⁹, понимавшим специфику культуры как России, так и Англии. Особый интерес британцев к Мирскому объяснялся тем, что его работы вписывались в контекст эстетической революции, происходившей с рубежа веков по всей Европе, в том числе в России и Великобритании. Успевший, как и Набоков, до эмиграции почувствовать вкус Серебряного века, Мирский был чуток к новым модернистским и

авангардным веяниям в литературе; традиция русской «революционной интеллигенции» была ему чужда, он выступал как сторонник эстетического подхода к литературе и первым в англоязычном мире привлек внимание к русским формалистам. Он ценил «формальный метод в литературоведении» – как в России (в лице Эйхенбаума, Тынянова и др.), так и в Британии («новую критику», прежде всего в лице А. Ричардса и Т.С. Элиота).

Но для Дейви как неоклассициста было, прежде всего, важно то, что Мирский выявил *классические* особенности русской литературы, которые британцам обычно казались нерусскими, ибо квинтэссенция русского воплощалась для них в «бесформенности» огромных, бурных романов Толстого и Достоевского. Мирский же по-иному понял этих писателей, поскольку, по мнению Дейви, у него «был *классический* тип ума, такой же, как у непереводаемого Пушкина. Только когда Мирский разместил Пушкина среди равных ему, – пишет Дейви, – я понял тот особый, нашедший выражение только в поэзии, русский тип элегантности, который был недоступен нерусским читателям и заслонен более поздними романистами. <...> Все это дало мне стимул для размышлений. Непереводаемость Пушкина заставила меня задуматься, что же делает одного поэта более переводимым, чем другой, и эти раздумья нашли место в моей первой книге об английской поэзии – “Чистота языка в английской поэзии” (1952)»¹⁰.

Вероятно, именно мнение Мирского, который назвал Пастернака великим реформатором русской поэзии, близким и даже тождественным революции, вызвало повышенный интерес Дейви к поэту. Однако «Доктора Живаго» он начал читать с опаской, потому что ранний Пастернак, знакомый ему главным образом в переводах Стивена Шиманского (Stephen Schimanski), еще десять лет назад разочаровал его: «Если таков был модернизм с русским акцентом, я вполне мог обойтись без него; он показался мне вычурным и манерным»¹¹. Поначалу и роман Пастернака не произвел на него большого впечатления, тем не менее Дейви был заинтригован: стихи Живаго в семнадцатой части показались ему «более ясными» – *другими*, чем у раннего Пастернака, и словно свидетельствовали о том, что поэт сожалел о «модернистских или авангардистских увлечениях своей яркой юности»¹².

А тут в Лондоне в 1960 г. в переводе Майкла Харари вышел цикл стихотворений Пастернака «Когда разгуляется» под названием «Стихотворения 1955–1959»¹³, принадлежавших к тому же, по определению Дейви, позднему – «просянутому (chastened)» – периоду в творчестве Пастернака. И Дейви начал постепенно «вживаться» в Пастернака. Позднее он признался, что в начале 1960-х уже намеренно учился у автора «Доктора Живаго» и цикла «Когда разгуляется». Поздний Пастернак, сохранявший строфическую и метрическую структуру поэзии, научил его средствам поэтического выражения, ограниченного пределами «формы».

Возможно, всё началось с критической оценки поэтом перевода Хейворда – Харари. Дейви обнаружил, что в оригинале стихи Юрия Живаго напечатаны в последней – семнадцатой части, а в переводе они представлены в *приложении* под названием «Стихотворения Живаго», т.е. неясна их *органическая* связь с прозаическим повествованием. У Дейви создалось впечатление, что М. Хейворд (он называет только Хейворда, видимо считая его главным в этом переводческом дуэте) перевел прозаические части и «отписался» от стихотворений. Сравнив стихи с оригиналами, Дейви понял, как улучшить переводы, чтобы прояснить связь между семнадцатой и остальными частями¹⁴, и поставил себе цель – выяснить, какова, по замыслу Пастернака, функция этих стихов, поскольку без этого роман в целом понять невозможно, ибо это не традиционный роман, а «поэма в прозе, а если это и роман, то, конечно, не *реалистический*»¹⁵. Избегая «свободного» перевода (кроме девятого стихотворения), Дейви постарался быть близким к оригиналам и сохранить их стихотворную форму. Более того, исходя из того, что переводчик должен владеть реалиями и контекстом поэзии, которую переводит (возможно, следуя Набокову как переводчику «Евгения Онегина»), Дейви создал «Комментарий» к «стихам в романе» и пришел к следующим выводам: в 16 частях прозаического повествования показана жизнь поэта, а в семнадцатой части представлено рожденное этой жизнью искусство, ее венец и оправдание. Попытка объяснить жизнь Живаго, не принимая в расчет его стихотворения, ведет к неудаче. Многие эпизоды в прозе не имеют иной функции, кроме как быть источником образов для стихотворений Живаго¹⁶. К 1965 г. Дейви перевел и

опубликовал все стихи из романа¹⁷. А в 1969 г. назвал «Доктора Живаго», его прозу и стихи, вершиной творчества Пастернака¹⁸.

На взгляд Дейви, советских цензоров не устроило в романе то, что для автора личная жизнь была явно важнее жизни общественной, наносившей вред русскому языку¹⁹. Тем самым Пастернак противостоял традиционному русскому представлению (гораздо более давнему, чем революция) о гражданском долге писателя, хотя настаивание на правах личной жизни, как в «Докторе Живаго», это уже само по себе гражданский шаг. Ничего подобного в англо-американской традиции в XX в. Дейви не находит, считая, что многие британские и американские поэты XX в. обречены на частную жизнь, несмотря на стремление прорваться в жизнь общественную, взять на себя гражданскую ответственность, которой общество лишает их; в качестве исключения он назвал У.Б. Йейтса с его гражданской ответственностью перед ирландским обществом²⁰.

Дейви, вслед за Д.С. Мирским, увидел в творчестве Пастернака феномен, возникший на волне русской революции, как и русский формализм, ознаменовавший собой революцию в поэтической теории, параллельную пастернаковской революции в поэзии. В частности, он считает «неслучайным» появление сразу после экспериментов Пастернака со звуковой оркестровкой в поэзии исследования Осипа Брика «Звуковые повторы» – о «звуковых узорах в поэзии» (в «Сборниках по теории поэтического языка» (Петроград, 1916–1917))²¹. Общность Пастернака и формалистов он усматривает и в том, что Пастернак воспроизводил в поэзии искажения, деформации и смещения, соответствующие событиям в мире, используя разные приемы, а понятие «прием» центрально для формалистов, считавших главным в произведении систему приемов и равнодушных к отражению в нем биографии или социальных событий. Формалисты близки Пастернаку, и это, как опасается Дейви, может ввести англоязычных читателей в заблуждение, заставляя увидеть в нем эстета, – а к эстетизму в Британии негативное отношение. Меж тем, признавая, что Пастернака, как и формалистов, интересовала литература как искусство, Дейви признавал, что искусство для русского поэта – это «копирование» природы²². Однако Дейви словно не замечает в «Докторе Живаго» этического неприятия Пастернаком революции и ее последствий.

Дейви, выходец из баптистской семьи (он родился в южном Йоркшире – в городке Барнсли, именно баптизм как ветвь протестантизма характерен для многих уроженцев Йоркшира), оказался чутким к метафизическим и религиозным смыслам и прочувствовал то, что для Пастернака поэт – это поистине Спаситель (Redeemer), ощущающий смысл вселенной и присутствие в ней Бога. В связи с этим Дейви ссылается на суждение британского политика и писателя Джона Стрейчи в книге «Заглушенный крик» (Strachey J. The Strangled Cry, 1962) о том, что у Пастернака в «Докторе Живаго» три цели: Любовь, Искусство и Христос, – и это три стороны одной реальности²³.

Для Дейви роман Пастернака – это в большей мере роман о призвании художника, чем о любви. Живаго – великий поэт. И Пастернак *доказывает* это, представляя его великие стихотворения, рожденные его жизненным опытом²⁴, при этом жизнь – это «тропа судьбы», которую надо найти и по которой надо следовать. «Доктор Живаго» для Дейви – роман прежде всего об этом²⁵.

Он приводит также суждение известного английского русиста Генри Гиффорда (Henry Gifford) о Пастернаке и его современниках, которые, по его словам, были «столь же беспокойными», как и поэты повсюду полвека назад: они испытывали новые размеры, революционизировали рифму, расширяли возможности языка. «Но их ситуация была не такой, как у американских и английских поэтов: они не столкнулись с полным урбанистическим параличом чувства и языка. Русский город, даже теперь, сохраняет связь с природой, это частично то, о чем говорится в стихотворении Живаго “Земля”»²⁶.

В 1964–1968 гг. Дейви преподавал в Эссекском университете, где с 1966 г. (и до сих пор в качестве почетного профессора – emeritus professor) работает русист Анджела Ливингстоун, исследователь творчества Б. Пастернака, М. Цветаевой и А. Платонова, автор 14 книг, в числе которых «Борис Пастернак: “Доктор Живаго”» (1989) в кембриджской серии «Вехи мировой литературы», составитель и переводчик книги высказываний Пастернака о творчестве, сопровождаемых ее предисловием и комментариями (2008). В 1969 г. Д. Дейви и она подготовили книгу воспоминаний и статей о поэте – «Пастернак. Современные суждения»²⁷. Дейви признается, что именно А. Ливингстоун помогла ему проделать

нелегкий для него путь к постижению ранней поэзии Пастернака²⁸. Со временем, судя по предисловию к книге «Пастернак. Современные суждения», Дейви стало ясно, что в ранних сборниках поэта – «Близнец в тучах» (1914), «Поверх барьеров» (1914–1916, опубл. 1917), «Сестра моя жизнь» (1917, опубл. 1922), «Темы и вариации» (1916–1922, опубл. 1923), сделавших Пастернаку имя, – лишь на первый взгляд кажется, будто «все мосты» разрушены, на самом деле, по крайней мере, «три моста» сохраняются – «Звук, Символизм и Синтаксис»²⁹.

Дейви особенно поразила звуковая природа ранних стихотворений Пастернака, чуждая англо-американским читателям, поскольку их в XX в. приучили пренебрегать этим измерением поэзии или относиться к нему с подозрением, остерегаться поэтов, которые основываются на эвфонии, ономатопее, аллитерации, ассонансе. Еще со времен «Принципов литературной критики» (1924) А. Ричардса критики внушали: семантика поэзии первична, а музыкальность нужно использовать лишь, чтобы подчеркнуть игру смыслов. «Значительно позднее, – замечает Дейви, – мы начали сознавать, что взаимодействие звука и смысла в поэзии – слишком тонко, чтобы его толковать столь схематично»³⁰. Так, в «Поминках по Финнегану» (1923–1929) Джойса смысл вырастает из звука и звук вырастает из смысла, а в творчестве «молодого Пастернака это наблюдалось постоянно»³¹.

Что касается «синтаксиса», то Дейви, ссылающемуся на мнение Мандельштама (Русское искусство. 1923. С. 182) о том, что со времен Батюшкова в русской поэзии не было «зрелой новой гармонии», «новой формы письма», соответствовавшей зрелости языка, а синтаксис – «система кровообращения поэзии» – был поражен склерозом, – импонирует именно то, что Пастернак в «неоклассицистском духе» восстановил энергию логической структуры предложений³².

Увлечение Пастернаком существенно сказалось на поэзии Дейви. Пастернак показал английскому поэту путь перехода от «книжного» стиля его первых двух сборников – «Зимний талант и другие стихотворения» («A Winter Talent and other poems», 1957) и «Лес Литвы» («The Forest of Lithuania», 1959), созданного по мотивам эпической поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш», от поэзии «крайнего самосознания», от «масок» остроумца – к более непо-

средственным стихам о реальном мире. У позднего Пастернака Дейви «учился» простоте и вместе с тем метафизическому ощущению повседневной жизни. «Меня привлекает необычность обычного», – писал Пастернак английскому поэту Стивену Спендеру (три присланных ему письма Пастернака на английском опубликованы в журнале «Encounter» в августе 1960 г.³³).

В 1989 г. в предисловии к книге «Славистические прогулки. Эссе о русской и польской литературе» Дейви откровенно признал: «Иностранный поэт убедил меня отказаться от прежнего стиля <...> и избрать более свободную манеру письма. Именно этим я очень обязан Пастернаку, как раньше, так и теперь. И не думаю, что кто-либо из англоязычных поэтов мог бы в такой мере помочь мне»³⁴.

На вопрос, почему ему помог Пастернак, а не Мицкевич, Дейви отвечает: «Пастернак, в отличие от Мицкевича, был бесспорно “современным”, “человеком нового времени” (“a modern”))»³⁵. Можно добавить, что для Дейви Пастернак был «универсально современным», универсально модернистским поэтом, недаром, если исключить раннюю и не очень важную для него связь с умеренными футуристами «Центрифуги», он не был связан с какой-нибудь группой или школой. Возможно, по мнению Дейви, в 1910-е годы ему был близок Верлен, у которого он нашел неограниченную свободу, свойственную только мастерам прозаического диалога в романе и драме³⁶. Отметим аналогичные поиски в англо-американской поэзии в 1910–1920-х годах, прежде всего в творчестве Т.С. Элиота, пытавшегося ввести в поэзию некоторые качества прозы.

В романе Пастернака – в творческих откровениях Юрия Живаго и в поэзии, в стихах к роману – Дейви, как и у Мирского, мог найти и находил то, что ему было близко и, вероятно, важно в эстетических исканиях и литературно-критических суждениях, скажем, Т.С. Элиота.

Например, в четырнадцатой части романа, «Опять в Варыкине» (глава 8), Пастернак пишет о Юрии Живаго: «...он испытал приближение того, что называется вдохновением [хотя едва ли Дейви, как и Т.С. Элиоту, импонировало слово “вдохновение”]. Соотношение сил, управляющих творчеством, как бы становится на голову. Первенство получает не человек и состояние его души,

которому он ищет выражение, а язык, которым он хочет его выразить. Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека и весь становится музыкой не в отношении внешне слухового звучания, но в отношении стремительности и могущества своего внутреннего течения. Тогда подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим обтачивающей камни дна и ворочающей колеса мельниц, льющаяся речь сама силой своих законов создает по пути, мимоходом, размер и рифму, и тысячи других форм и образований еще более важных, но до сих пор неузнанных, неучтенных, неназванных. В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно: состояние мировой мысли и поэзии, и то, что предназначено в будущем, следующий по порядку шаг, который ей предстоит сделать в ее историческом развитии. И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в это движение»³⁷.

Или: «...Всю жизнь мечтал он об оригинальности сглаженной и приглушенной, внешне неузнаваемой и скрытой под покровом общеупотребительной и привычной формы, всю жизнь стремился к выработке того сдержанного, непритязательного слога, при котором читатель и слушатель овладевают содержанием, сами не замечая, каким образом они его усваивают. Всю жизнь он заботился о незаметном стиле, не привлекающем ничего внимания...»³⁸.

«...Он снова проверил и отметил, что искусство всегда служит красоте, а красота есть счастье обладания формой, форма же есть органический ключ существования, формой должно владеть все живущее, чтобы существовать...»³⁹.

Дейви постоянно соотносил поэзию Пастернака со своим творчеством и, шире, с современной английской поэзией и ощущал коренные различия между ними. У Пастернака он находил «уникальное мировосприятие – естественную энергию, чудесную и позитивную» (не важно, шла ли речь о людях или природе), и «ценил готовность к эмоциональному порыву, малодоступному современному английскому сознанию»⁴⁰. Он понимал, что «английскому климату» чужд «вкус больших начал», по выражению Пастернака. Россия, казалось Дейви, шла вперед, тогда как Британия

с ее «завершенной культурой» двигалась по наклонной. Защищая эстетику «малого» стихотворения с его жесткой честностью, Дейви связывал этот жанр с отсутствием в «английском климате» «больших мыслей и больших чувств», тогда как в творчестве Пастернака мотив «слушай голос жизни» превратился в «...быть живым, живым и только / Живым и только до конца» и присутствовало чувство истории, идущее от неисчерпаемого русского символизма и вдохновения революции. Малые стихотворения Пастернака подготавливали к чему-то большему – эпосу или роману, соответствующим значительности, масштабу реальности.

Дейви импонировало сочетание у Пастернака эмоциональной насыщенности, порыва, масштаба и величия с отсутствием иронии, естественностью, совершенством формы, строгим и энергичным синтаксисом и в высшей степени «интеллигентным голосом»⁴¹.

Принципиальное различие между поэтами крылось в том, что Дейви, в духе модернистской поэзии и университетской критики XX в., интересовала прежде всего природа поэзии, тогда как центр внимания Пастернака – «жизнь», «природа природы», его стихи выявляют сходство поэзии с тем, как устроен мир, и связь поэзии с тем, что в нем происходит. Пастернак всегда славил «жизнь», в его мироощущении главные понятия – «жизнь» и «сила», у Дейви – «энергия», но это сходные понятия, существенные для британской эмпирической философии. Как писал Пастернак – Живаго в романе: «...искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования»⁴². Возможно, именно это изначально и привлекло Дейви в «Докторе Живаго».

Некоторые стихотворения Дейви, скажем, в его сборнике «События и премудрости» («Events and wisdoms», 1964), явно напоминают стихотворения позднего Пастернака. Дейви идет на это сознательно и часто сопровождает свои стихи пометкой «По Пастернаку» («After Pasternak»), применимой, возможно, даже к большему числу его стихотворений, чем он сам отмечает. Так, в стихотворении «Разговор по-человечески» из этого сборника очевидна перекличка со стихотворением Пастернака «Перемена» («Я льнул когда-то к беднякам», 1956) с его нериторической искренностью. Многие стихотворения Дейви, не содержащие ссылки на Пастернака, содержат пастернаковское «эхо» в виде

обобщений о жизни и искусстве. «Переход» («getting across») через территорию жизни (life's terrain) в стихотворении «Жизнь» («Life encompassed») напоминает концовку стихотворения Пастернака «Гамлет»: «Жизнь прожить – не поле перейти». Стихотворение «Нью-Йорк в августе» («New York in August») близко стихотворению Пастернака «Лето в городе» («Разговоры вполголоса...»). А стихотворение «Домашнее хозяйство» («Housekeeping»), как отмечает А. Ливингстоун в статье «Дональд Дейви и Борис Пастернак», родилось у Дейви из перевода «Бабьего лета» («Лист смородины груб и матерчат...») Пастернака⁴³. Стихотворение «Осень» («Autumn imagined») соотносится с «Осенью» Живаго: в обоих стихотворениях речь идет о связи любви с погодой или временем года.

Поэму-цикл Дейви из 70 строк «Разрыв. По Пастернаку» («Break. After Pasternak») ⁴⁴, где четыре строки – самого Дейви, остальное – переводы стихов Пастернака из цикла «Разрыв» в сборнике «Темы и вариации», А. Ливингстоун называет «прямым присвоением»⁴⁵; заметим, что «присвоение» это – с признанием источника – относительное.

Сборник Дейви «Эссекские стихотворения» («Essex poems», 1969) содержит версии «по Пастернаку», а по сути, переводы его стихотворений – «Трава и камни» и «Бог деталей» («The God of details»), последнее – за исключением двух строк – перевод стихотворения «Давай ронять слова...» (сборник «Сестра моя жизнь»), из него Дейви и заимствовал название своей «версии». А. Ливингстоун, носитель английского, оценила перевод как очень точный по языку, тону, коннотациям и «обладающий силой, свойственной оригиналу»⁴⁶.

В «Эссекских стихотворениях» Дейви – меньше полемики с Пастернаком, элемент соперничества исчез, больше – усвоения и трансформации пастернаковского начала; хотя достаточно свидетельств и того, что Дейви отходит от Пастернака и всё глубже погружается в себя. Одно из стихотворений в романе «Доктор Живаго» – «Белая ночь» («Мне далекое время мерещится...») – послужило источником стихотворения «Стратфорд-на-Эйвоне» («Stratford on Avon»). Но, точно воспроизведя атмосферу пастернаковского стихотворения, английский поэт отошел от его главного смысла – о единстве человека и природы, ибо Дейви были близки

работы известного английского критика, кембриджского ученого Айвора Ричардса, который обратил внимание на то, что главное событие в жизни современного человека – «нейтрализация природы», переход от «магических воззрений» на нее к научным, тогда как в «Докторе Живаго» сохраняется именно магический взгляд на Природу. И Пастернаку было чуждо мнение Валери о том, что Искусство выше Природы.

Среди переводов стихотворений из «Доктора Живаго», сделанных Дейви приблизительно в то же время, что и работа над «Эссекскими стихотворениями» (в начале 1960-х), некоторые – «Март» и «Зимняя ночь» – А. Ливингстоун считает очень удачными, но многие – нет. Они сохраняют мысль и образность, но не сохраняют дух оригинала – переводчик словно не хочет следовать за Пастернаком и передать его новую, мелодичную манеру письма, предпочитая более острый и рациональный язык его раннего творчества⁴⁷. О Пастернаке напоминает название сборника Дейви «В останавливающемся поезде и другие стихотворения» («In the Stopping Train and other poems», 1977). Здесь Дейви объединяет с поздним Пастернаком звучание некоторых стихотворений и понимание жизни («What sort of a life this is / I thought I knew, or I learned» – «Какая это жизнь, / Я думал, что я знал или узнал»). В нескольких случаях Пастернак открыто упоминается.

Однако, многому научившись у Пастернака, Дейви двигался в другом направлении, чем Пастернак: он отделял поэзию от мира и остался «рациональным поэтом» в отличие от своего экзотически-рационального и метафизического мэтра.

* * *

Прошло более полувека, прежде чем появился второй полный перевод «Доктора Живаго», сделанный в 2010 г. нью-йоркскими переводчиками, позднее переехавшими в Париж: Ричардом Певиром, известным в прошлом как переводчик с французского, итальянского, испанского, и его женой – Ларисой Волохонской⁴⁸ (она родилась в Ленинграде и в 1973 г. эмигрировала в США). Их называют П / В. Они избрали тактику перевода, противоположную Хейворду – Харари, – пошли путем максимального приближения англоязычного читателя к русской литературе, что теоретически

обосновано, в частности, в работах крупного американского историка и теоретика перевода – Лоренса Вентури, убежденного, что цель перевода состоит в том, чтобы воспроизвести формы и структуры оригинала во всей их чуждости воспринимающей культуре⁴⁹, т.е. главное – идея верности подлиннику. Для П / В перевод требует «остранения» («alienating») текста, выявления отличия его структуры от «хорошего английского стиля» и максимальной близости к русскому языку. Плавность, гладкость перевода, на их взгляд, – недостаток. С 1990 г. до настоящего времени они создали корпус переводов русской классики XIX в., в который вошли десять томов Достоевского, книга прозы Пушкина, три книги Гоголя, одна – Лескова, пять – Л. Толстого, «Месяц в деревне» Тургенева, два тома прозы и две пьесы Чехова, «Мастер и Маргарита» (1997) М. Булгакова, сочинения матери Марии (Скобцовой) (2002) и повесть Светланы Алексиевич «У войны неженское лицо» (2017) – 27, в основном очень объемных, переводов за 28 лет. Их переводы имели успех, и П / В получили за них премию ПЕН-клуба.

Перевод «Доктора Живаго», как и другие переводы П / В, звучит по-английски странно, кажется искусственным, перенасыщенным неанглийскими конструкциями. По мнению Энн Пастернак-Слейтер, П / В словно и не пытались преобразовать русский синтаксис и словарь в конструкции и лексику, более привычные для английского языка, а значит, и мышления. Это оказалось особенно разрушительным для диалогов с их обилием коллоквиализмов, «не переваренных переводчиками». Язык Пастернака – упругий, емкий, живой, разговорный, мужественный – в переводе П / В стал вялым, банальным, многословным. Многие философски насыщенные эпизоды просто непонятны⁵⁰.

Британские рецензенты отнеслись к переводу П / В критичнее американских и, признавая, что новое время закономерно требует новых переводов, надеялись, что для этого не потребуется еще полвека⁵¹. И новый перевод не заставил себя долго ждать. В 2019 г. вышел перевод «Доктора Живаго», сделанный Николаем Пастернаком-Слейтером⁵², племянником Б.Л. Пастернака и сыном его младшей сестры Лидии Пастернак-Слейтер (1902–1989), биохимика, поэта и переводчицы, эмигрировавшей сначала из России в Германию, а затем с 1935 г. жившей в Великобритании – в Оксфорде. Н. Пастернак-Слейтер, специалист по гематологии, на

склоне лет обрел известность как литературный переводчик, ему принадлежат переводы «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина (2013), «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова (2013), «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского (2017), переписки Б.Л. Пастернака с родителями и сестрами с 1921 по 1960 г. (отдельное издание – 2010).

Родные Б.Л. Пастернака подготовили уникальное издание перевода его романа. В нем представлено 68 иллюстраций отца поэта – художника Леонида Пастернака, передающих атмосферу российского общества начала XX в. Предисловие написала племянница поэта, литературовед, долгое время преподававшая в Колледже св. Анны (Оксфорд) Энн Пастернак-Слейтер (р. 1944); она известна и как переводчик: в 1993 г. в ее переводе на английский вышли повесть «Смерть Ивана Ильича» и рассказ «Хозяин и работник», а в 2003 г. она внесла существенный вклад в британскую культуру, подготовив Полное собрание сочинений английского поэта-метафизика XVII в. – Джорджа Герберта в серии «Everyman».

Поразительна культура издания нового перевода «Доктора Живаго». Стихи воспроизведены на русском и в параллельном английском переводе. Восемь стихотворений представлены в переводах Лидии Пастернак, которые одобрил сам автор. Остальные семнадцать – в переводах Н. Пастернак-Слейтера; он, как и его мать, стремился сочетать образ, музыку и смысл. В примечаниях переводчик воссоздал исторический и культурный контекст, выявил параллели между событиями в романе и личной жизнью автора, воспроизвел список персонажей и генеалогическое древо семьи Живаго.

Тираж издания делает его раритетным – 750 экземпляров ручной работы, подписанных переводчиком, цена высокая – 395 фунтов. Но все желающие могут получить электронную версию перевода.

Перевод Н. Пастернак-Слейтера, в отличие от двух предыдущих переводов, ориентирован на «золотую середину» или, как заметила лондонский критик и переводчик русской литературы (Лермонтова, Достоевского, Замятина) Наташа Рэнделл, на «средний путь» между «натурализацией» перевода и его русификацией,

в нем сохранена лирическая тональность и простота, которой не хватает прежним переводам⁵³.

* * *

Своеобразным и довольно неожиданным откликом на «Доктора Живаго» выглядит имевший успех и переведенный более чем на 20 языков роман о России британского писателя Джеймса Мика «Акт народной любви» (*Meek J. The People's act of love*, 2005), в котором, как и у Пастернака, история любви – взаимоотношений героини с тремя мужчинами – сочетается с эпическими событиями. Действие романа открывается в начале XX в., охватывает Первую мировую войну, русскую революцию и затем концентрируется в маленьком сибирском городке (где-то между Омском и Красноярском) в период Гражданской войны. Если не знать «Доктора Живаго», то и непонятно, как мог в английской литературе появиться такой роман. Его хронологическая и тематическая переключка с «Доктором Живаго» очевидна. Дж. Мик у явно импонирует свойственное Пастернаку глубинное «измерение» России, выход за Урал и в Сибирь. Д. Быков назвал «Доктора Живаго» «блестящей русской сказкой» с сильным налетом символизма и декаданса, автор которой был адвокатом жизни, передающим ее волшебность, неисчерпаемость, совершенство и непредсказуемость⁵⁴. Дж. Мик по стопам Пастернака создал страшную и злую сказку о России, огромной стране, где особенно тяжело ощущается груз истории, где разворачивается трагедия идеализма, смешанного с безумием. Россия показана как страна, где может произойти всё, что угодно: голод, смерть, растление детей, людоедство, где действует секта скопцов, «увечных ангелов»...

* * *

«Доктор Живаго» был дважды экранизирован в англофонном мире. Первый фильм в 1965 г. снял известный английский кинорежиссер Дэвид Лин (D. Lean) по сценарию драматурга и киносценариста Роберта Болта (1924–1995). Режиссер, сценарист, все актеры, кроме Рода Стайгера (Виктор Комаровский), оператор, художники-постановщики были британцами, продюсером –

итальянец Карло Понти, который еще в 1963 г. приобрел у Дж. Фельтринелли права на экранизацию романа, музыку к фильму написал французский композитор Морис Жарр; однако фильм, снятый в американской кинокомпании «Метро-Голдвин-Майер», был сделан в специфически голливудской стилистике с особым голливудским глянцем.

Сценарист, которому Россия была явно не интересна, без особого пиетета отнесся к роману и расценил его как хорошо написанную «второстепенную историю» с простым сюжетом: «мужчина любит одну женщину, а женится на другой»⁵⁵. Режиссер последовал за сценаристом, изначально превратившим фильм в мелодраму; эпический размах романа оказался непреодолимой проблемой: Первая мировая война, «лубочно изображенная» революция и Гражданская война стали лишь тривиальным фоном довольно банальной любовной истории. Судя по высказыванию Д. Лина: «Я не философ, мое дело развлекать», — он принял установку сценариста⁵⁶.

Поражает, как невнимательно Болт и Лин читали роман Пастернака, видимо в переводе Хейворда — Харари, что сказалось также и в подборе актеров. Смуглый египтянин Омар Шариф с фатоватыми усиками и сам поначалу чувствовал себя не комфортно на месте «курного», обладающего неотразимой привлекательностью, сдержанного, сокровенного поэта — Юрия Живаго. Но потом привык, играя однако свою роль очень однообразно, строя образ преимущественно на пристальном взгляде блестящих глаз. Особенно не повезло Паше Антипову-Стрельникову, который описан у Пастернака в Москве — как непосредственный, чистый, живой мальчик и юноша и позднее в Варыкине — как «сильный, статный человек с красивым лицом»⁵⁷. Актер Том Кортни изначально представил его как фанатичного, непривлекательного плебея-революционера, и зрителю непонятно, что нашла в нем Лара, по-своему любившая его.

Чрезмерность «мелодрамы», клише и «клюквы» в фильме вызвали нападки критики, тем не менее фильм в целом получился красивым, он был сделан очень профессионально, тонкое художественное оформление сочеталось с музыкой Жарра, вдохновлявшегося музыкой Чайковского и Римского-Корсакова и для создания русского колорита часто прибегавшего к партии балалайки.

Фильм имел огромный успех у зрителей. Он вызвал интерес и потому, что стал первым после Второй мировой войны цветным блокбастером, действие которого целиком происходит в России – СССР. В 1960-е годы в связи с Карибским кризисом, полетом Юрия Гагарина в космос и т.д. интерес к нашей стране в мире был велик. Персонажи фильма разрушали «русские» стереотипы⁵⁸. Д. Лин все-таки старался передать в фильме поэтическое начало романа, его, правда лишь очень частную, символику (алое платье Лары в сцене ее совращения – символ греховности, ледовый дворец в Варыкине – символ разлуки, неизбежно ожидающей героев); некоторые сцены в фильме удачны, но в целом фильм был неадекватен роману⁵⁹ и «не стал большим достижением мастера»⁶⁰. Однако его коммерческий успех был велик: в 1966 г. фильм получил «Оскара» – самую престижную американскую кинопремию – в пяти номинациях. Его вручили художнику-постановщику, оператору, дизайнеру костюмов, композитору («Вальс Лары» стал одним из международных хитов) и сценаристу. Вторую по престижности в США – голливудскую премию «Золотой глобус» получили Карло Понти как продюсер, Омар Шариф, Дэвид Лин, Морис Жарр и Роберт Болт. В Великобритании в 1967 г. фильм был выдвинут на премию «Бафта» Британской академии кино и телевизионных искусств в трех номинациях – лучшая британская актриса (Джулия Кристи), лучший фильм (Д. Лин), лучший британский актер, но ни в одной номинации премии не получил. Возможно, из-за своего слишком голливудского лоска.

Второй «Доктор Живаго» – британский минисериал, поставленный итальянским кинорежиссером Джакомо Кампиотти, был снят телекомпанией Granada Television (в принятом теперь международном содружестве с американской и немецкой телекомпаниями) в 2002 г., т.е. уже совсем в другое время, но парадокс в том, что перед нами было всё то же: экзотическая мелодрама, история Ларисы Антиповой и троих влюбленных в нее мужчин. Роман был не только невнимательно прочитан, но фактически переписан. Едва ли не центральной стала линия Лары (Кира Найтли) – Комаровского (Сэм Нил), который обрел демонические черты. Важную для романа линию загадочного «доброго ангела» – брата Юрия Живаго Евграфа – вообще убрали, дочь Лары и Живаго превратилась в сына и т.д. Лара, о которой в романе Живаго говорит, что она была

«ошеломляюще хороша»⁶¹ (и даже Комаровский признает ее необычность, «особенность»), в исполнении Киры Найтли – просто хорошенькая сексуальная девушка, каких много. Она уступает Джулии Кристи – Ларе из фильма 1965 г., та действительно очень хороша собой, в ней, как заметила российский киновед Т. Ветрова, есть «некое внутреннее свечение, которое наделяет эту женщину неповторимой индивидуальностью»⁶².

* * *

Пастернак в англоязычном мире получил признание в основном как автор «Доктора Живаго», чему способствовали переводы романа и, главным образом, его киноэкранизации. Но они же свидетельствовали и о том, сколь труден Пастернак для перевода, понимания и киноверсий.

Дело в том, что «Доктор Живаго» – это прежде всего масштабный эпический роман о России и ее судьбе, о русском интеллектуале, поэте, попавшем в мясорубку революции. Вместе с тем это неожиданный для середины XX в. романтический роман – о любви, который выглядит еще более романтическим, потому что в нем, наравне с другими действующими лицами, в качестве одного из главных персонажей выступает Природа, т.е. в нем наблюдается романтический культ Природы и сохраняется магический взгляд на нее. Однако Пастернак не был романтиком или неоклассицистом, он был Поэтом «поверх барьеров» и потому оказался привлекательным как для поэта Дональда Дейви, так и, позднее, для романиста Джеймса Мика.

Стихи Пастернака оказались очень трудны для перевода на английский. Д. Дейви пришел в отчаяние, пытаясь создать английские эквиваленты стихам Пастернака⁶³. И действительно, его (и не только его) переводы подтверждают мнение В. Набокова и И. Бродского о том, что поэзия непереводама.

Вместе с тем «случай Дональда Дейви» выразительно и наглядно демонстрирует парадоксы культурного взаимодействия. Будучи «неоклассицистом», он в своих переводах или в стихах с пометкой «по Пастернаку» или без нее, основанных на диалоге с Пастернаком, «интерпретирует» стихи поэта, перелагает их на свой лад, исходя из своих эстетических взглядов и потребностей;

его переводы – это, по сути, новые произведения, вписывающиеся в контекст его собственного творчества. Даже тогда, когда, казалось бы, Дейви почтительно повторяет строки Пастернака, он невольно преобразует их в соответствии со спецификой синтаксиса и грамматики английского языка, и из них рождается новое стихотворение.

Нечто аналогичное наблюдается в экранизациях романа Пастернака, где совершается «двойной переход» не только из русского культурного кода в американский или британский, но еще и в иную систему «жанровых» координат, из одного вида искусства – в другой, из литературы – в кинематограф, значительно более массовый вид искусства. И Пастернак явно сопротивляется, не поддается столь свойственному кинематографу упрощенческому «переводу» своего романа на язык кино⁶⁴.

¹ Здесь и далее информация об этой встрече и цитаты даются по: Isaiah Berlin on Pasternak's *Doctor Zhivago* // Sunday Times. 7 November 1995. P. 9. URL: <https://www.ellopos.com/blog/4855/isaiah-berlin-on-pasternaks-doctor-zhivago/> (date of access: 22.08.2020); Берлин И. Встречи с русскими писателями 1945–1956 / Перевод с англ. Д. Сегала, Е. Толстой-Сегал, О. Ронена // Борис Пастернак в воспоминаниях современников. URL: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/vospominaniya/pasternak-v-vospominaniyah/isajya-berlin.htm> (дата обращения: 22.08.2020); см. также: Berlin I. Meetings with Russian Writers in 1945 and 1956 // Berlin I. Personal impressions / Ed. by Hardy H. L.: Hogarth press, 1980. 219 p.

² Исайя Берлин. Интервью Всеволоду Шишковскому. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KKBkjpSSvxk> (дата обращения: 31.08.2020).

³ Friedberg M. Literary translation in Russia: A Cultural history. University Park: The Pennsylvania state univ., 1997. P. 178.

⁴ Philpot R. The Refugee War Reporter Who Brought «Doctor Zhivago» to the West // Forward. 2019. Nov. 13. URL: <https://forward.com/culture/434784/doctor-zhivago-manya-harari-english-max-hayward-harvill-soviet-dissidents/> (date of access: 22.08.2020).

⁵ Pasternak Slater A. Rereading Doctor Zhivago // The Guardian. L., 2010. 6 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/nov/06/doctor-zhivago-boris-pasternak-translation> (date of access: 22.08.2020).

⁶ Pasternak B. Doctor Zhivago / Transl. by Hayward M., Harari M. L.: Collins and Harvill press, 1958. 510 p.; Pasternak B. Doctor Zhivago. N.Y.: Pantheon, 1958. 559 p.

⁷ Davie D. Foreword // Davie D. Slavic Excursions: Essays on Russian and Polish Literature. Manchester: Carcanet, 1990. P. 10.

- ⁸ Ibid. P. 7, 13.
⁹ Ibid. P. 8.
¹⁰ Ibid. P. 8–9.
¹¹ Ibid. P. 10.
¹² Ibid.
¹³ *Pasternak B. Poems 1955–1959* / Transl. by Harari M. L.: Collins and Harvill, 1960. 127 p.
¹⁴ *Davie D. Foreword* // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 10.
¹⁵ *Davie D. Russian Poetry in English Translation* // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 24–25.
¹⁶ *Pasternak B. The poems of «Doctor Zhivago»*. Introduction // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 140–141.
¹⁷ *Pasternak B. The poems of «Doctor Zhivago»* / Transl. with comment. by Davie D. Manchester univ. press / Barnes & Noble, 1965. 204 p.
¹⁸ *Davie D. Parallels to Pasternak (1969)* // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 265.
¹⁹ *Davie D. Russian Poetry in English Translation* // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 26.
²⁰ *Davie D. Parallels to Pasternak*. P. 262.
²¹ Ibid. P. 252.
²² Ibid. P. 253–254.
²³ *Davie D. The Poems of Doctor Zhivago*. Introduction // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 141.
²⁴ Ibid. P. 142.
²⁵ *Davie D. The Poems of Doctor Zhivago. The Commentary* // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 176.
²⁶ Ibid. P. 226.
²⁷ *Livingstone A. Boris Pasternak: Doctor Zhivago*. Cambridge; N.Y., etc.: Cambridge univ. press, 1989. 118 p.; *Marsh of Gold: Pasternak's writings on Inspiration and Creation* / Ed., transl., introd., provided by commentaries and notes by Livingstone A. Boston: Academic Studies press, 2008. 330 p.; *Pasternak. Modern Judgements* / Ed. by Davie D., Livingstone A. With verse transl. by Davie D. L.: Macmillan, 1969. 277 p.
²⁸ *Davie D. Foreword* // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 11.
²⁹ *Davie D. Parallels to Pasternak* // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 245.
³⁰ Ibid. P. 246.
³¹ Ibid.
³² Ibid. P. 250.
³³ *Pasternak B. Three letters* / Publ. by Spender S. // *Encounter*. L., 1960. Vol. 15, N 2. P. 3–6.
³⁴ *Davie D. Foreword* // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 11.
³⁵ Ibid.
³⁶ *Davie D. Parallels to Pasternak* // *Davie D. Slavic Excursions*. P. 259.
³⁷ *Пастернак Б. Доктор Живаго*. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Pasternak_Doktor_Zhivago.pdf. С. 239 (дата обращения: 20.08.2020). Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы.

- 38 Там же. С. 241.
- 39 Там же. С. 248.
- 40 *Davie D.* A Note on Translating Pasternak // *Listen*. L., 1962. Autumn. P. 19–23.
- 41 *Livingstone A.* Donald Davie and Boris Pasternak // Donald Davie and the responsibilities of literature / Ed. by Dekker G. Manchester: Carcanet new press, 1983. P. 9–10 (8–30).
- 42 *Пастернак Б.* Доктор Живаго. С. 248.
- 43 *Livingstone A.* Donald Davie and Boris Pasternak. P. 19.
- 44 См.: *Davie D.* Collected poems 1950–1970. Oxf.: Univ. press, 1972. 316 p.
- 45 *Livingstone A.* Donald Davie and Boris Pasternak. P. 28.
- 46 *Ibid.* P. 23.
- 47 *Ibid.* P. 24.
- 48 *Pasternak B.* Doctor Zhivago / Transl. by Pevear R. and Volokhonsky L. L.; N.Y.: Pantheon Books, 2010. 544 p.
- 49 *Venuti L.* The Translator's invisibility: A History of Translation. L.; N.Y.: Routledge, 1995. P. 20.
- 50 *Pasternak Slater A.* Rereading Doctor Zhivago // *The Guardian*. L., 2010. 6 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/nov/06/doctor-zhivago-boris-pasternak-translation> (date of access: 22.08.2020).
- 51 *Karp M.* Doctor Zhivago, by Boris Pasternak, trans. Richard Pevear and Larissa Volokhonsky // *Independent*. 2010. 31 Dec. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/doctor-zhivago-by-boris-pasternak-trans-richard-pevear-and-larissa-volokhonsky-2171911.html> (date of access: 21.08.2020).
- 52 *Pasternak B.* Doctor Zhivago / Illustr. Leonid Pasternak; Introd. by A. Pasternak Slater; Transl. by Pasternak Slater N. / Poetry transl. by L. Pasternak Slater and N. Pasternak Slater. L.: Folio Society, 2019. 704 p.
- 53 *Randall N.* Root, trunk and branch. Three generations of Pasternaks contribute to a new edition of «Doctor Zhivago» // *Times Literary Supplement*. 2020. January 10. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/zhivago-translation-pasternak/> (date of access: 20.08.2020).
- 54 *Карпекина Т.* Дмитрий Быков: «Доктор Живаго» – блестящая русская сказка. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=8972> (дата обращения: 28.08.2020).
- 55 *Phillips G.D.* Beyond the Epic: The Life and Films of David Lean. Lexington: Univ. press of Kentucky, 2006. P. 332.
- 56 *Ibid.* P. 327.
- 57 *Пастернак Б.* Доктор Живаго. С. 250.
- 58 *Robinson H.* Russians in Hollywood, Hollywood's Russians. Biography of an image. Boston: UPNE, 2007. P. 3, 5.
- 59 *Schnikel R.A.* Work of Serious Genuine Art // *Life* (magazine). 1966. 21 Jan. N 15 (669). P. 62.
- 60 *Дорошевич А.* Британское кино вчера и сегодня: тенденции. М.: Канон-Плюс, 2019. С. 315.
- 61 *Пастернак Б.* Доктор Живаго. С. 233.

- ⁶² Ветрова Т. Кристи, Джулия // Дорошевич А. Полвека британского кино. М.: Научно-исслед. ин-т киноискусства, 2008. С. 332.
- ⁶³ Davie D. Parallels to Pasternak. P. 250–251.
- ⁶⁴ Это очевидно и в российской телеверсии «Доктора Живаго» (2006), созданной российским режиссером Александром Прошкиным и сценаристом Юрием Арабовым, которые тоже не слишком внимательно читали оригинал и переписали роман (измененная концовка – Лара с детьми в Париже в сопровождении Комаровского – выглядит пошло и явно *противоречит* замыслу Пастернака и созданному им образу Лары).

БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 82.09

DOI: 10/31249/litzhur/2020.50.07

А.Н. Стрижёв, М.А. Бирюкова **К ЛАНДШАФТУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ**

Аннотация. Статья обращена к истории библиографических разысканий по русской литературе, проводимых исследователями А.Н. Стрижёвым и М.А. Бирюковой.

Ключевые слова: русские писатели; библиография.

Strizhov A.N., Biryukova M.A. To the landscape of Russian literature

Summary. The article deals with the investigations in the field of bibliography of Russian literature conducted by A.N. Strizhov and M.A. Biryukova.

Keywords: Russian writers; bibliography.

Если вообразить нашу литературу в виде ландшафта словесности, то он предстанет обширным и разнообразным в исторических реальностях своего века. Впечатляющи в нем выси, достигшие пиковых вершин мирового уровня. При этом повсеместно заметны подъемы словесности, они тоже причислены временем к необычным возвышениям, — то наша отечественная классика, служащая познанию жизни людей. Ландшафт отечественной словесности насыщен живыми образами на фоне картин из жизни родного края, воспетого даровитым словом и облагороженного средствами искусства. Впрочем, слой культурного ландшафта не всегда был открыт: он осваивался десятилетиями, оставаясь непроработанным.

В последние годы ситуация коренным образом поменялась. Появилась надежда, что начатое движение возвращать в литературный обиход забытые и отторгнутые имена продолжится. В 2019 г. после длительного перерыва вышел наконец шестой том биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» с ценнейшими сведениями о вновь открытых писателях, снабженными разысканиями библиографического характера. Пока десятилетиями задерживался выпуск очередных томов, прежний энциклопедический подход к освоению источников, конечно, в силу внешних обстоятельств устаревал и менялся, но всё непреходящее оставалось в силе. Потому-то филологи, историки литературы и надеялись, что этот биографический словарь будет достойно завершен и проект издания не закроют. Выход в свет шестого тома обрадовал литературную общественность. Теперь есть уверенность, что этот многотомник завершится, как сумели довести до конца энциклопедический словарь русских писателей XX в., живших после катастрофы в странах рассеяния. Отечественным читателям возвращены даже их основные произведения и воспоминания друзей. А из трудов крупных двигателей отечественной мысли порадовало изданное обширное собрание публицистики Василия Васильевича Розанова – ответственный руководитель научного проекта доктор филологических наук А.Н. Николюкин, бессменный подвижник отечественной словесности.

Окинуть взглядом ландшафт родной литературы непросто, так он обширен именами и явлениями. И лишь библиографам, изучающим источники текстов и собирающим биографические материалы, удастся узнать о жизни и деятельности того или иного литератора. Восхождение к источнику – это всегда поиск, преодоление и подъем. Персональная библиография представляет не только перечень публикаций автора, но и по возможности охватывает литературу о нем, включая критику и отзывы.

На разыскания источников к библиографии недооцененных русских прозаиков, внесших полезный вклад в сокровищницу русской литературы и не нашедших достойного признания в непростую эпоху искаженной революцией русской жизни, направили свои скромные усилия библиографы А.Н. Стрижёв и М.А. Бирюкова. Каждый исследуемый источник надо было увидеть «в глаза», проследить его публикацию и оценку критикой. В завершение состав-

лялся краткий очерк жизни и деятельности литератора. В расчет бралось, разумеется, и всё основное, опубликованное ранее по данной персоне. В каждом конкретном случае в крупнейших библиотеках страны исследовались материалы относительно биографических сведений и творческих замыслов – работа кропотливая, требующая «усидчивых способностей».

Начали мы свои занятия с освоения перечня публикаций яркого литературного критика и ученого Николая Ивановича Надеждина (1804–1856). Его печатные работы раннего периода нам были известны – собрания и переизданы Юрием Владимировичем Манном в одномомнике: *Н.И. Надеждин. Литературная критика. Эстетика* (1972). Эта знаменательная книга положила начало освоению обширного творческого наследия недооцененного подвижника мысли, педагога и мыслителя. К сожалению, последний период жизни Н.И. Надеждина составителем представлен схематично, неубедительно. Утверждается, что, сотрудничая в отделе Министерства внутренних дел, Николай Иванович «замарал себя». Что же там неблагоприятного делал литератор, что потребовало от него поступаться совестью ученого? С 1842 г. Николай Иванович и вправду руководил ведомственным журналом, в котором опубликовал крупные историко-географические и краеведческие исследования: «Новороссийские степи», «Город Зарайск в старину и ныне», «Исследование о городах Русских», «Гиржавский монастырь» и ряд других важных материалов. Наряду с огромной загруженностью по формированию объемных номеров «Журнала Министерства внутренних дел», в котором печатал труды сотрудников отдела П.И. Мельникова (Печерского), В.И. Даля, редактор еще успевал вести аналитические обзоры, посвященные церковному расколу, вмешательству агентов деструктивных сект, приверженных скопческой и другим ересям. Вместе с тем Надеждин близко к сердцу воспринял инициативу создания Русского географического общества, и в только что возникших «Записках РГО» (1847) он поместил свой труд «Об этнографическом изучении Русского народа». Им была составлена программа добровольного сбора и описания краеведческих сведений из русской жизни. В 1853 г. вышел составленный и отредактированный им «Этнографический сборник» – начало большого дела становления научной дисциплины народоведения.

Материалы к библиографии Н.И. Надеждина подбирались нами в расчете на возможную полноту источников к персоне, при этом не забывалось и их дальнейшее уточнение и совершенствование.

Другим аспектом наших библиографических исследований было творческое наследие видной писательницы второй половины XIX в. Елизаветы Васильевны, урожденной Сухово-Кобылиной, выступавшей под псевдонимом «Евгения Тур» (1815–1892). Острый интерес к прозе этой даровитой женщины возник с первой же крупной повести «Ошибка» (1849), написанной с большим вкусом и чувством стиля и насыщенной подробностями московской жизни. «Женская словесность» такого уровня тогда была в новинку, потому-то и вызвала много отзывов крупных прозаиков той поры, в том числе И.С. Тургенева. Впоследствии год от года творческий размах оригинальной писательницы возрастал, ее имя становилось известным и привлекательным: Евгению Тур постоянно печатали «Отечественные записки», «Русский вестник», «Санкт-Петербургские ведомости». Проходили трудные десятилетия, на чужбине и в родном краю. Творческий потенциал писательницы Тур не иссякал, а всё больше упрочнялся. Появлялись новые темы в публицистике и новые жанры в прозе – биографические очерки, с опорой на собственные наблюдения и на житийные сказания, рассчитанные на юношество. Евгения Тур – неизменная рассказчица в журнале «Детский отдых».

Когда плотно взялись за персональную библиографию этой выдающейся русской писательницы, то оказалось, что для охвата и перепроверки источников необходим фронтальный просмотр отечественной периодики тех лет и выявление архивных текстов, в основном тверского происхождения, ведь в Твери жили последние годы фельдмаршал И.В. Гурко и его жена Мария Андреевна, дочь писательницы Евгении Тур. Нарботки местных краеведов и исследования литературоведов прошлых десятилетий позволили нам расширить и углубить библиографические статьи, полнее ощутить реалии эпохи. В «Материалах к библиографии» возможно шире представлена литература о жизни и творениях графини Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир – так полностью именовалась наша талантливая писательница после замужества, впрочем в литературе она больше известна под своим псевдонимом.

Посвященная Евгении Тур публикация представлена в «Литературоведческом журнале» ИНИОН РАН (№ 36, 2015) и в Интернете.

Наиболее цельным и оригинальным было творчество писательницы Надежды Степановны Соханской, известной под псевдонимом Кохановская (1823–1884). Она создала ряд произведений углубленной проблематики, в центре которых – поиск положительного героя в русской жизни. Принимая жизнь такой, как она есть, писательница уповала на смирение, терпение и веру, сострадание и любовь в человеческих отношениях. Спасение ближних через покаяние и очищение греховной души от мрака падения, стремление возвыситься к спасительному свету было в прозе Кохановской то новое, что сближало ее с вождями славянофильства, с братьями Аксаковыми и Хомяковым. Но даже в тесном общении с ними Соханская сохраняла независимость мышления, что проявлялось в отстаивании своих суждений относительно своеобразия национального характера, идеалов и средств художественного выражения в искусстве и философии.

Повести этой замечательной писательницы «После обеда в гостях» и «Гайка» пользовались огромным успехом в среде просвещенной публики, выдвинув Кохановскую на видное место в русской словесности. Дальнейшие ее публикации только упрочняли это положение. Особенно ко времени пришелся развернутый очерк «Степной цветок на могилу Пушкина», помещенный в журнале «Русская беседа» (1859), ставший крупным вкладом писательницы в начавшую складываться пушкиниану.

Большим событием в русской литературе явилось обнародование повести Кохановской «Рой Феодосий Саввич на покойе» (1864), где одним из главных героев стал святитель Белгородский Иоасаф. Поначалу это крупное ее прозаическое сочинение печаталось в номерах газеты И.С. Аксакова «День», так что духовную прозу литературной труженицы с хутора Макаровка прочла вся благочестивая Русь. Критика отмечала необычный язык произведения, сближающий его с народным сказом и эпосом.

В самом конце жизни Кохановская горячо вступилась за попранную истину Писания, написав гневное письмо графу Л.Н. Толстому – яснополянскому критику непреложных истин православного учения – против развращающих ересей. Публицистика Кохановской пока еще ждет анализа историков литературы и

современных богословов. Биобиблиографические сведения о жизни и деятельности великой труженицы словесности и патриотки начинают вновь появляться после вынужденного перерыва. И надо надеяться, что даровитое слово искреннего сердца найдет своих вдумчивых читателей. Возможно, делу возвращения забытого имени послужит и библиографическая сводка, представленная нами в «Литературоведческом журнале» (№ 45, 2019).

Еще более «отодвинут» от нынешней читающей публики коренной русский беллетрист Евгений Львович Марков (1835–1903), оставивший огромное художественное наследие. Постепенно пробуждается интерес к его путешествиям в другие земли, начиная с Крыма, Кавказа и завершая Святой землей, Египтом, Грецией, Средней Азией и скандинавскими странами. Обо всем этом писатель оставил интересные, полные подробностей дневники. Он создал также цикл краеведческих очерков, посвященных Воронежской и соседним с нею губерниям. В созданных им графических зарисовках Марков проявил себя как этнограф и историк-исследователь необыкновенно ярко и полно. Библиографические разыскания о жизненном пути и литературном облике этого публициста напечатаны в «Литературоведческом журнале» (№ 46, 2019).

До начала творческого сотрудничества с М.А. Бирюковой А.Н. Стрижёву привелось одному по крупницам собирать биобиблиографию запрещенного до 80-х годов прошлого столетия «писателя-еретика» Евгения Ивановича Замятина (1884–1937). Началось это с 1957 г., когда на лекциях филолога Института мировой литературы Галины Андреевны Белой, которая вела курс новейшей словесности для редакционно-издательских работников в вузе, где учился А.Н. Стрижёв, перед слушателями был поставлен вопрос: будем ли мы раскрывать для людей упрятанное наследие гонимых и отверженных до времени литераторов, займемся изучением их творчества или, уповая на запрет и «неактуальность», будем ждать? Каждому слушателю Редакционно-издательского института Г.А. Белая предложила выбрать из списка «забытых» прозаиков или поэтов первой половины XX в. привлекательное имя, чтобы собирать произведения этого литератора, осмысливать прочитанное и прийти к необходимости составить биобиблиографию, пока для себя. Кто-то из слушателей остановился на Гумилёве, кто-то

на Клюеве, а А.Н. Стрижёву близким оказался Евгений Замятин, тамбовский уроженец, свой по духу и языку человек.

Надо ли пояснять, как непросто тогда было собрать публикации его произведений, вышедших когда-то у нас и за рубежом, и осваивать всё это, добытое с трудом и при затратах, без перспективы напечатать? Между тем библиография публикаций Замятина постепенно полнела, а увидела свет лишь в 1988 г. в журнале «Советская библиография». К сожалению, разыскания литературы об этом прозаике оставили на потом, а ведь они были также готовы, выполнены в самом начале увлечения. Пришлось полную библиографию писателя сдать в архив Института марксизма-ленинизма на хранение.

В дальнейшем А.Н. Стрижёв усиленно собирал библиографические сведения к житиям и литературным источникам, связанным с прославленными историческими лицами и духоносцами – святым Серафимом Саровским, Иоасафом Белгородским, святым праведным Иоанном Кронштадтским. Были выпущены книги и богословские труды, посвященные их жизни и деятельности, составлены персональные библиографии, изданы сборники воспоминаний самовидцев и поэтические приношения святым. Увидели свет предсмертные дневниковые записи Иоанна Кронштадтского, воспоминания монахинь Дивеевского монастыря.

И всё же светские писатели, их жизнь и деятельность не переставали вызывать живой интерес. Давно А.Н. Стрижёва остро привлекали повести и рассказы прозаика Леонида Федоровича Зурова, сподвижника Бунина по эмиграции. Язык молодого писателя, отточенный и образный, насыщен реальностью пережитого добровольцем и честным человеком, предстал во всем блеске таланта, владеющего тонким стилем и емкими сюжетами. Доставая с трудом хотя бы то, что найти было возможно в спецхранах крупнейших библиотек, А.Н. Стрижёв составил сборник произведений Зурова, а заодно пополнялась и библиография его публикаций и литературы о нем. Получился довольно обширный однотомник Зурова «Обитель». Завязалась деловая переписка с псковскими, эстонскими, московскими и английскими исследователями творчества этого беллетриста, и разыскания получили некоторую законченную полноту. Они опубликованы в «Литературоведческом журнале» (№ 32, 2013) и в Интернете.

Приблизительно то же произошло и с библиографией печатных публикаций Василия Никифорова-Волгина, русского прозаика из Нарвы. Его участь, вплоть до расстрела, была прослежена в биографическом очерке. Чутким ухом писатель подслушал страшные были, рассказанные русскими беженцами, прихлынувшими в Нарву в самый разгар революционного террора, творимого яростными ненавистниками. И тяжелые сцены насилия Василий Никифоров изложил в подробностях, выделяя при этом суть людей православных: не терять в человеке доброго начала – залога нравственной победы духовных основ жизни, заложенных надеждой на помощь свыше. Библиография публикаций В. Никифорова-Волгина вбирает в себя и труднодоступные источники. Немалых усилий потребовал поиск даже скудных сведений о его последних годах жизни в Таллине и мученической кончине в сибирском заключении. Книга его выдающихся по мастерству рассказов в итоге порадовала читателей. Для любознательных приложена полная библиография произведений Никифорова-Волгина, рассыпанных в уникальных изданиях, в надежде, что впоследствии появятся источники, вполне доступные исследователям. Ныне имя этого прозаика прочно вошло в ряд новейших духовных писателей.

Среди других деятелей отечественной культуры, чье творческое наследие стало предметом изучения, – духовный публицист В.С. Арсеньев и выдающийся литератор и педагог Сергей Рачинский, писательницы Мария Жукова и Ольга Хмелева, знаток и бытописатель Москвы Николай Васильевич Сушков, детская писательница Мария Ростовская, фантаст Алексей Перовский, создательница живых страниц героической истории войны с Наполеоном Екатерина Новосильцева. Добротные написанные книги этих и многих других талантливых беллетристов не устарели и дожидаются внимательных читателей.

Упомянем и публикации автографов сокровенного Сергея Александровича Нилуса в пятом издании его книги «Близ есть, при дверях». Впервые обнародованы многие страницы новых текстов и разыскания к его публикациям. Да и сами канонические страницы Нилусом поправлены и уточнены. Приведены ценные архивные тексты к биографии публициста. Всё это сделано без вмешательства редактора, им была проделана чисто текстологиче-

ская работа, что и не вызвало нареканий по выходе в свет нового издания. Все комментарии в книге авторские.

Такой же подход применялся и при начале издания сочинений святителя Игнатия Брянчанинова, осуществленного позже «Паломником» в восьми томах. Библиография к нему разработана сотрудниками Российской национальной библиотеки.

Немало времени пришлось А.Н. Стрижёву затратить на разработку библиографий к творчеству русских литераторов давней поры: В.К. Тредиаковского, М.М. Хераскова, И.Е. Срезневского, А.С. Шишкова, А.Ф. Лабзина. Публикации увидели свет в «Литературоведческом журнале» (№ 25, 2009; № 28, 2011; № 32, 2013; № 35, 2014) и в научных сборниках.

Отметим также библиографические разыскания А.Н. Стрижёва, посвященные выдающимся духовным писателям: святителю Димитрию, митрополиту Ростовскому («Богословские труды», № 39, 2004), почитаемому богослову Средних веков Фоме Кемпийскому («Богословские труды», № 40, 2005), а материалы к библиографии святителя Иоасафа Белгородского разработаны в содружестве с М.А. Бирюковой («Литературоведческий журнал», № 47, 2020).

Прежняя атмосфера в литературе, с ее антиисторизмом и нажимом на приматы декларируемой догмы, исчезла. Появилась возможность вернуть упрятанные в небытие имена забытых писателей, чье творчество не изучалось и не рассматривалось библиографами. Теперь отторгнутые входят в литературный обиход, и это радует всех любителей отечественной словесности.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СТРИЖЁВ: Материалы к библиографии

От составителя

Библиография – это «путеводная нить Ариадны» для всех, кто будет изучать жизнь и творчество любого писателя; это, можно сказать, «краеугольный камень» всего исследования, он лежит в основании, и без него «здания» не построишь. А.Н. Стрижёв это понял давным-давно, и об этом свидетельствуют десятки разработанных и опубликованных им библиографий русских мыслителей, писателей и поэтов. Недаром его пригласили вести курс источниковедения на факультет журналистики в Московском университете для студентов, изучающих православие. И Александр Николаевич вел этот курс в начале 2000-х годов вместе с отцом Владимиром Вигилянским, настоятелем храма Св. мученицы Татианы при Московском университете.

Но вот незадача: разработав десятки подробнейших библиографий других писателей, Александр Николаевич, по природной скромности, не составил своей собственной. Многие друзья напоминали ему об этом, но дело всё как-то откладывалось, всё находились занятия «более важные», с его точки зрения.

И вот наконец хороший друг Александра Николаевича, известный сибирский издатель Аркадий Григорьевич Елфимов, убедил меня заняться разработкой библиографии писателя Стрижёва. Слава Богу, Александр Николаевич бережно хранит множество вырезок своих статей, напечатанных в разных газетах и журналах. Большинство из них расклеены в больших альбомах или собраны в папки. Написанные или составленные им книги по

большей части аккуратно расставлены в книжных шкафах дома и на даче. Однако при изучении электронных каталогов крупнейших библиотек и ассортимента книжных интернет-магазинов оказалось, что о некоторых переизданиях своих книг автор-составитель Стрижёв даже не подозревал: издатели не посчитали нужным сообщить ему об этом! Это реалии нашего времени... Но писатель не в обиде: раз книги переиздают и читают, значит они нужны людям!

Чтобы разобрать и расписать эту необъятную массу книг, журналов, вырезок, расклеек и т.д., понадобилось несколько месяцев плотной совместной работы. И чувствуется, что это еще не весь объем его публикаций! Кое-что можно было бы найти или уточнить в библиотеках – но, к сожалению, из-за эпидемии коронавируса библиотеки сейчас закрыты... Так что дополнения придется отложить до лучших времен. И всё же большая часть работ Александра Николаевича, несомненно, «отловлена». И это сам по себе впечатляющий список! Посмотрите, полистайте страницы этой библиографии и увидите – как много может создать целеустремленный человек за 60 с лишним лет творческой жизни! Труд Александра Николаевича достоин восхищения и глубочайшего уважения: число написанных им книг приближается к 50, а составленных книг – более сотни! Отдельных статей, заметок, этюдов и публикаций – много больше 2 тыс.! Это фантастика!

И каждый этюд, каждая заметка – уникальны в своем роде. Александр Николаевич говорит, что он очень не любит повторений. Даже если приходилось ему писать об одном и том же явлении природы несколько раз, то каждый раз он старался сделать материал по-новому, расцветить его новыми красками, добавить новые яркие штрихи. Александр Николаевич сравнивает написание небольшого фенологического этюда или заметки с созданием музыкального момента, сонаты – всё должно быть гармонично, красиво, логически связано, завершено...

Конечно, разбирая архив авторских статей, я не могла каждую читать целиком: главное – записать название, если есть – подзаголовок, указать необходимые «координаты» – где и когда опубликована, каков объем... Но невольно, кроме названия, глаза «выхватывали» из текста отдельные стрижёвские фразы и выражения. И у меня при этом возникало стойкое ощущение радости, будто со старой пожелтевшей газетной или журнальной страницы

вдруг начинал сиять теплый солнечный лучик – так просто, светлы и задушевы были прочитанные слова, а тема живой природы – вечная, как сама жизнь, – близка всем. Тут я стала понимать, как важны были эти заметки для читателей страны Советов, – это был глоток кристально чистой, незамутненной родниковой воды среди потоков серой идеологизированной информации. В этом, по моему, и заключается секрет необычайного долгожительства фенологических заметок Александра Стрижёва на страницах «Вечерней Москвы» и «Ленинского знамени» – больше 20 лет! Недаром сотрудница «Вечёрки» Ольга Мозговая так эмоционально говорит об этих заметках в своем очерке 2004 г.: «А? Ну – песня! Чистой воды – песня!»

Тема живой природы и бережного отношения к ней является заглавной на протяжении всего творческого пути Александра Николаевича, но важна и задача, которую он ставит перед собой: не просто интересно рассказать о сокровищах русской природы, а поделиться с читателями секретами народной мудрости – как вырастить богатый урожай, как разумно воспользоваться дарами лесов и лугов, как жить в гармонии с нашей, временами суровой, природой средней полосы. Вчитайтесь в названия его книг, и всё станет ясно: «Календарь русской природы», «Лесная скатерть-самобранка», «Овощи круглый год: Советы огороднику», «Ваш кормилец огород», «Лесные травы», «Урожай Божией милостью», «Зеленая грядка», «Волшебные травы России» и так далее, и так далее.

Второй огромный пласт творчества Александра Николаевича – «возвращение имен». Это множество разысканных по крупницам в библиотеках и архивах документов, бережно собранных, прокомментированных и опубликованных как в виде отдельных книг, тематических сборников, антологий, так и в виде очерков и статей в периодических изданиях. Это обширная переписка и записи личных бесед с самовидцами, родственниками, земляками героев его книг и разысканий. Это многолетний кропотливый подвижнический труд исследователя-поисковика, собирателя, хранителя словесного достояния России, труд Просветителя с большой буквы. Для того чтобы увидеть и оценить масштаб этого труда – в библиографии подробно расписано содержание большинства составленных им книг.

Принятые сокращения:

ВМ – Вечерняя Москва.
ЛГ – Литературная газета.
ЛЖ – Литературоведческий журнал.
ЛЗ – Ленинское знамя.
ЛП – Лесная промышленность.
ЛУ – Литературная учеба.
МГ – Медицинская газета.
НиЖ – Наука и жизнь.
НКР – Новая книга России.
ПХ – Приусадебное хозяйство.
СМ – Сельская молодежь.
СН – Сельская новь.
СПК – Советская потребительская кооперация.
Соц. Инд. – Социалистическая индустрия
ЧиП – Человек и природа.
ЮН – Юный натуралист.

Часть I. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Собрание сочинений: в 5 томах. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2007.

Том 1: Народный календарь. 2007. 529, [2] с., [17] л. ил., портр., цв. ил.

Содержание: *Алексей Любомудров.* Обладатель зоркого сердца. С. 3. – *Денис Тукмаков.* Самовидец Рая. С. 9. – **А.Н. Стрижёв: Народный календарь:** ВЕСНА. С. 17. – Март-протальник. С. 20. – Апрель-снегогон. С. 29. – Май-травень. С. 36. – ЛЕТО. С. 44. – Июнь-хлебоборост. С. 46. – Июль-страдник. С. 56. – Август-жнивень. С. 64. – ОСЕНЬ. С. 69. – Сентябрь-хмурень. С. 73. – Октябрь-грязник. С. 79. – Ноябрь-листожной. С. 84. – ЗИМА. С. 92. – Декабрь – студёный. С. 94. – Январь-просинец. С. 100. – Февраль-бокогрей. С. 111. – **Фенологический год:** Два века фенологии. С. 121. – Предвесенье. С. 130. – Пора большой воды. С. 136. – Весна зеленая. С. 147. – Румянец года. С. 153. –

Вершина лета. С. 163. – Щедрый месяц. С. 173. – Первоосень. С. 187. – Осень. С. 198. – Предзимье. С. 206. – Зимы начало. С. 214. – Году начало – зиме середина. С. 220. – Перелом зимы. С. 236. – **Приложение.** С. 242. – Фенологические сезоны года. С. 242. – Народные приметы о погоде. С. 248. – **Что и как наблюдать:** Весна – зажги снега. Март. С. 257. – От снега – до листа. Апрель. С. 259. – Соловьиная пора. Май. С. 262. – Грамматика весны. С. 264. – Явления неживой природы. С. 266. – Наблюдения над растениями. С. 269. – Наблюдения над животными. С. 278. – В дневник натуралиста. С. 284. – Бегут ручьи. С. 288. – Смастери скворечник. С. 289. – Из зеленой сокровищницы. С. 292. – Шаги лета. С. 295. – Зори-сестры. Июнь. С. 295. – Середина года. Июль. С. 301. – Богаче нет поры. Август. С. 308. – Ходи да присматривайся. С. 314. – Наблюдения над растениями. С. 316. – Наблюдения над животными. С. 322. – В дневник натуралиста. С. 324. – Цветут георгины. С. 326. – Грибное лукошко. С. 327. – Возраст осени. С. 331. – Излом сезонов. Сентябрь. С. 331. – Румяные дни листопада. Октябрь. С. 336. – Ворота зимы. Ноябрь. С. 342. – Глагол осени. С. 347. – Явления неживой природы. С. 349. – Наблюдения над растениями. С. 351. – Наблюдения над животными. С. 356. – В дневник натуралиста. С. 358. – Осенние тайны. С. 359. – Среди снегов белых. С. 361. – Контрасты первозимья. Декабрь. С. 361. – По белой тропе. Январь. С. 364. – Перевал зимы. Февраль. С. 367. – Продолжение наших записей. С. 369. – Явления неживой природы. С. 370. – Как зимуют растения. С. 372. – Наблюдения над животными. С. 373. В дневник натуралиста. С. 377. – Где снег, там – и след. С. 377. – Помощь обитателям леса. С. 379. – **Беседы на вольном просторе:** Наставник – живая природа. С. 387. – Утро весны. С. 391. – Говор вод. С. 397. – Первотравье. С. 403. – Молодое лето. С. 411. – Экватор года. С. 417. – Венец лета. С. 425. – Новосел осени. С. 431. – Осень золотая. С. 436. – Предзимье. С. 441. – Всему году запевка. С. 453. – Зимы перевал. С. 461. – Подземный житель. С. 472. – **Заметки фенолога:** Снег дал воду. С. 478. – Поют сороки. С. 480. – Канун половодья. С. 481. – Жаворонки поют. С. 483. – Улыбка весны. С. 484. – Весна зеленая. С. 486. – Соловьиная пора. С. 488. – Вестники лета. С. 489. – Просторные дни. С. 491. – Клады лета. С. 492. – Растут стога. С. 493. – Таволга благоухает. С. 495. – Середина года. С. 496. – Закраснелась рябина. С. 497. – На авгу-

стовском приволье. С. 499. – На лесных озерах. С. 500. – На донышке лета. С. 502. – Теплое приволье. С. 503. – Осенние тайны. С. 505. – Бабье лето. С. 506. – Порог предзимья. С. 508. – Шорохи рыжей метели. С. 509. – Заяц меняет кафтан. С. 511. – На стыке сезонов. С. 513. – Румяные матрешки. С. 515. – Праздник лета на окне. С. 516. – Зима выправляется. С. 517. – Коренная зима. С. 519. – Зима-красавица. С. 520. – Светлеют дни. С. 522. – Сказка наяву. С. 524. – На перевале зимы. С. 525. – Как зимуешь, ветка? С. 526. – Содержание. С. 528–531.

Том 2: Русское разнотравье. 2007. 566, [1] с., [17] л. ил., портр., цв. ил.

Содержание: Травы вокруг нас. С. 3. – **Русское разнотравье:** Адонис весенний. С. 9. – Аир. С. 12. – Аконит высокий. С. 16. – Амаранты. С. 19. – Барвинок малый. С. 25. – Белозор болотный. С. 30. – Белокрыльник болотный. С. 33. – Бессмертник песчаный. С. 36. – Борщевик. С. 40. – Будяк розовый. С. 44. – Буквица лекарственная. С. 47. – Васильки. С. 51. – Венерин башмачок. С. 56. – Вероника дубравная. С. 60. – Ветреница белая. С. 64. – Вьюнок полевой. С. 68. – Гвоздика луговая. С. 72. – Герань луговая. С. 76. – Горец змеиный. С. 80. – Горошек мышиный. С. 84. – Гравилаты. С. 88. – Грушанка круглолистная. С. 92. – Гусиный лук желтый. С. 96. – Дербенник иволистный. С. 99. – Донники. С. 102. – Душистый колосок. С. 106. – Душица. С. 110. – Дягиль аптечный. С. 114. – Живучка ползучая. С. 117. – Звездчатки. С. 121. – Зверобой продырявленный. С. 126. – Земляника лесная. С. 130. – Золотарник. С. 135. – Золототысячник зонтичный. С. 139. – Икотник серый. С. 143. – Калган. С. 146. – Калужница болотная. С. 146. – Камыш озерный. С. 152. – Касатик водный. С. 155. – Кипрей. С. 159. – Кислица обыкновенная. С. 163. – Клевер красный. С. 166. – Ковыль. С. 168. – Козлобородник луговой. С. 172. – Колокольчики. С. 177. – Копытень европейский. С. 181. – Коровяк холмовой. С. 185. – Короставник полевой. С. 189. – Костяника. С. 193. – Кошачья лапка. С. 198. – Крапива двудомная. С. 201. – Купальница европейская. С. 206. – Купена аптечная. С. 209. – Ландыш. С. 212. – Лопух большой. С. 216. – Лянка обыкновенная. С. 220. – Лютик едкий. С. 223. – Майник двулистный. С. 227. – Манжетка обыкновенная. С. 231. – Марь белая. С. 235. – Марьянники. С. 239. – Мать-

и-мачеха. С. 243. – Медуница. – С. 247. – Мята. С. 250. – Мятлик луговой. С. 255. – Незабудка болотная. С. 259. – Нивяник обыкновенный. С. 263. – Ночная фиалка. С. 267. – Одуванчик. С. 271. – Осоки. С. 275. – Очиток едкий. С. 279. – Паслен черный. С. 284. – Пастушья сумка. С. 288. – Первоцвет весенний. С. 291. – Петров крест. С. 296. – Печеночница обыкновенная. С. 300. – Пижма. С. 304. – Пикульники. С. 308. – Подмаренник. С. 312. – Подорожник большой. С. 316. – Полыни. С. 319. – Просвирники. С. 325. – Пустырник пятилопастный. С. 330. – Пушицы. С. 334. – Пырей ползучий. С. 338. – Рогоз широколистный. С. 343. – Ромашки. С. 347. – Селезеночник обыкновенный. С. 351. – Смолевка-хлопушка. С. 354. – Сныть обыкновенная. С. 358. – Сон-трава. С. 362. – Сочевичник весенний. С. 365. – Спорыш. С. 368. – Таволга вязолистная. С. 372. – Тмин обыкновенный. С. 375. – Толокнянка обыкновенная. С. 379. – Тысячелистник обыкновенный. С. 382. – Фиалка душистая. С. 386. – Хвощ полевой. С. 390. – Хмель вьющийся. С. 395. – Хохлатки. С. 401. – Цикорий обыкновенный. С. 405. – Чабрец. С. 409. – Чемерица Лобеля. С. 413. – Чертополох. С. 417. – Чина луговая. С. 421. – Чистец лесной. С. 425. – Чистотел. С. 429. – Чистяк весенний. С. 432. – Щавель кислый. С. 435. – Щавель конский. С. 439. – Ясенцы. С. 443. – Яснотка белая. С. 447. – Ястребинка волосистая. С. 451. – Ятрышник пятнистый. С. 456. – **На зеленом приволье:** Сушка, засолка, квашенье. С. 469. – Чай Берендея. С. 472. – Огород на опушке. С. 480. – Коварные ягоды. С. 487. – Волшебные травы. С. 492. – Всем травам мати. С. 494. – Перунов огнецвет. С. 495. – Разрыв-трава. С. 497. – Ведьмино зелье. С. 498. – Одолень-трава. С. 498. – Царь во всех травах. С. 500. – И прочая. С. 501. – Как возникают легенды. С. 502. – У сенной клadi. С. 504. – Тимофеевка. С. 504. – Луговая овсяница. С. 505. – Ежа сборная. С. 507. – Лисохвост луговой. С. 508. – Живые ковры. С. 510. – Не меркни, одолень-трава! С. 517. – Остатки Рая на земле. С. 525. – Храмовая символика. С. 527. – Цветы и зелень в храме. С. 528. – Растения вокруг храма. С. 534. – Церковные сады и монастырские огороды. С. 538. – На Божьей ниве. С. 540. – Лечение растениями. С. 546. – Лекарственные ванны. С. 554. – Что читать о разнотравье. С. 560. – Содержание. С. 564–567.

Том 3: Хроника одной души: повесть, рассказы, очерки.
2007. 614, [1] с., [17] л. ил., портр., цв. ил.

Содержание: **Из малых лет:** Земное верстание. С. 5. – Калач приеся, а хлеб – никогда. С. 64. – **Рассказы: Деревенские тары-бары:** Егорушка. С. 131. – За всю Россию. С. 132. – Чугунное солнце. С. 133. – Сухие слезы. С. 136. – На паях. С. 138. – Та единственная ночь. С. 139. – Однопрозвищник. Рассказывает Путляшка. С. 140. – Объективная колотушка. С. 143. – Литератор в храме. С. 145. – Реки научения. С. 146. – Срываю яблоки. С. 147. – **Хлеб и свеча:** Насытим день радостью. С. 148. – Свет нарастает. С. 148. – Огонь небесный. С. 151. – Признали мистику. С. 151. – Благодать небесная. С. 151. – Свеча Панаса. – С. 153. – Блаженное счастье. С. 153. – Праздник Всех святых. С. 153. – Хлеб и свеча. С. 154. – Лето замирает. С. 155. – Неизбывная прелесть. С. 157. – **Еще тары-бары:** Сердце побледнело. С. 157. – Кремль ползет! С. 159. – Сучий потрох. С. 161. – Подогрели. С. 162. – На родине. С. 162. – Бесплатная земляничка. С. 165. – Подшефный. С. 166. – Дело – труба. С. 167. – Укусила. С. 167. – Алексей Дикий. С. 168. – Тик-так! С. 169. – «Риони вышла из берегов». С. 169. – Зия и змея. С. 171. – **Заповедные дали:** Вестовые весны. С. 172. – Соловьи, соловьи. С. 175. – Синяя птица. С. 177. – Свищов пруд. С. 179. – Эта чудная природа. С. 184. – К Плещееву озеру. С. 185. – Таволговый чай. С. 188. – В лесной глуши. С. 191. – Машенькин гриб. С. 197. – Филька. С. 198. – Костёр на снегу. С. 201. – Родничок. С. 204. – Серый Тимофеич. С. 205. – Щеглы-непоседы. С. 210. – **Блёстки:** Набираюсь России. С. 212. – Наедине. С. 212. – В сумерках бытия моего. С. 212. – Картинка. С. 213. – Странник. С. 213. – Горожане. С. 214. – Поле. С. 214. – Молитва. С. 214. – Тамбовцы. С. 214. – Имена. С. 215. – Травка зазеленела! С. 215. – Тополь. С. 215. – Мать и дети. С. 216. – О Тебе радуется. С. 216. – Войди в совесть свою. С. 217. – **Рассказы о духовных писателях:** Андрей Николаевич Муравьев. С. 221. – Свидетель благочестия Евгений Поселянин. С. 233. – Детская православная писательница А.Ф. Платонова. С. 242. – Бытописатель благочестия Никифоров-Волгин. С. 247. – Леонид Зуров: Героика и благочестие. С. 251. – Никон Рождественский – великий святитель XX века. С. 259. – Архимандрит Фотий (Спасский): Жизнь для России православной. С. 274. – Муж света и разума Александр Семенович Шишков.

С. 283. – Неугасимая лампада Бориса Ширяева. С. 295. – Духовная писательница Авдотья Глинка. С. 301. – Вот как надобно писать историю!.. А.О. Ишимова и ее книга. С. 307. – Еще один Трубецкой. [Григорий Николаевич Трубецкой]. С. 311. – Княжий поход против темных сил. [Князь Николай Давидович Жевахов]. С. 315. – Новый подвижник благочестия. [Иеромонах Серафим Роуз]. С. 318. – Духовный писатель и мемуарист. [Леонид Иванович Денисов]. С. 325. – Православный прозаик Владислав Маевский. С. 331. – Протоиерей Василий Зеньковский. С. 336. – Выдающийся бытописатель. [Аполлон Аполлонович Коринфский]. С. 348. – София Снессорева и ее книги. С. 357. – Добрые книжки Наталии Манасеиной. С. 361. – Луч Горнего света. (К вопросу о пневмосфере в учении П.А. Флоренского). С. 364. – Пророк в своем Отечестве. [Сергей Александрович Нилус]. С. 370. – **По следам Сергея Нилуса:** К Нилусу. С. 376. – Пристань Духа Святого. С. 378. – Сергей Нилус и Государь: Сорадование в Духе. С. 388. – Миловка. С. 406. – Крины Благоуханные. С. 409. – Могилка найдена! С. 414. – Побеждается естества чин. С. 419. – Величайший акт веры. С. 429. – Нет дороги унывать! С. 443. – Сквозь архивную пыль. С. 449. – Подвижник национального достояния. [Юрий Александрович Олсуфьев]. С. 453. – Хранительница святых преданий. [Елена Юрьевна Концевич]. С. 462. – **Подвижники:** Одушевленный столп Церкви Христовой. [Преподобный Александр Свирский]. С. 469. – Святая Анна Кашинская. С. 473. – Святой игумен Феодосий Черниговский. С. 481. – Рязанский сладкопеец Иувеналий. С. 485. – Крест и скальпель архиепископа Луки [Крымского]. С. 488. – Благоговейный образ Старца. (К иконографии преподобного Серафима Саровского). С. 492. – Чего не изрекал преподобный Серафим. С. 502. – О чем могут поведать архивы. С. 511. – Дивеевская Пасха. С. 519. – Житие блаженной старицы Матроны. С. 525. – Угодница Божия – Любушка Рязанская. С. 535. – **Живописцы:** Подвижник церковного искусства – Сергей Вашков. С. 543. – Живописец Михаил Гермашев. С. 548. – Исторический живописец Андрей Рябушкин. С. 553. – В радостном мире Елизаветы Бём. С. 560. – Перо и кисть Николая Каразина. С. 564. – Русь в образах Сергея Соломко. С. 568. – Образы красоты Марии Якунчиковой. С. 572. – Художник Н.П. Богданов-Бельский. С. 576. – Певец радости – художник Борис Кустодиев. С. 581. – Зачинатель

национального пейзажа – А.К. Саврасов. С. 586. – Русский пейзажист Сергей Виноградов. С. 592. – Живописец Юрий Клевер. С. 600. – Богатырская застава Виктора Васнецова. С. 602. – Николай Ромадин – поэт пейзажа. С. 607. – Содержание. С. 612–615.

Том 4: Публицистика: этюды, статьи, разыскания. 2007. 642, [1] с., [9] л. ил., портр., цв. ил.

Содержание: **Детское чтение:** Радонежские травы. С. 5. – Пчела – Божья работница. С. 7. – Свет прибывает. С. 8. – Солнце ходит выше. С. 10. – Золотые ключики тепла. С. 12. – Цветок былинного Садко. С. 14. – Ласточки. С. 15. – Святая птица. С. 18. – С кручи лета. С. 20. – Экватор года. С. 26. – На парусе лета. С. 30. – Петровы батоги. С. 37. – Травка Божией Матери. С. 38. – Северный кипарис. С. 40. – Пернатый дружок. С. 42. – Глагол осени. С. 44. – «Летающие цветы». С. 46. – Где обедал, зайка? С. 48. – В пору Зеленого Шума. С. 50. – Осени порывы золотые. С. 53. – Задушевное слово детям. С. 56. – «Родник» – нескудеющий и добрый. С. 58. – «Игрушечка» детям на радость. С. 59. – Незабудка (в церковной ограде). С. 60. – «Тропинка», ведущая к небу. С. 63. – Дедушка утюга: «вжик-вжик». С. 64. – Красное лето – зеленый покос. С. 65. – Гостинец – впрок! С. 66. – Колокольчики – колокола. С. 67. – Игрушки-колотушки. С. 68. – «Боже! Ты един Превечный...». С. 69. – Вдохновенный поэт Иван Срезневский. С. 71. – **Литературная студия:** Евгений Милькеев: жизнь и судьба. С. 77. – Замятин на фоне эпохи. С. 105. – Дневники. Письма. Воспоминания. С. 105. – Автобиография Замятина. С. 106. – Родные. С. 107. – Современники о Замятине. С. 111. – Поездка в Порхов. С. 114. – Константин Федин о Евг. Замятине. С. 121. – За далью непогоды. С. 133. – Евг. Замятин: из переписки с родными. С. 136. – О русской духовной поэзии. С. 148. – Монархисты при большевиках. С. 152. – Записки о России. С. 164. – 1. Возродиться как? С. 164. – 2. О кризисе власти. С. 167. – Царский гусяр – Сергей Бехтеев. С. 175. – Страшные сны. С. 180. – Говоры моей сторонки. С. 191. – **Писатели-натуралисты:** «Собирал, чтобы расточать». [Андрей Александрович Ширинский-Шихматов]. С. 205. – Дмитрий Кайгородов – поэт леса. С. 214. – «Я не сидела на месте». (Мария Менделеева – эксперт-кинолог). С. 220. – Золотое сердце России. (Николай Гумилёв: поэт, этнограф, охотник и воин). С. 226. – Создатель уни-

кального словаря Н.А. Анненков. С. 232. – Фенолог – не забыт. (Н.Е. Сироткин). С. 234. – Охота в пословицах, поговорках, приметах. С. 237. – Фено-дневник (1964–1974). С. 244. – Словарь псового охотника. С. 296. – Его величество – Байкал. С. 303. – Соболиной тропой. С. 307. – **Дары природы. Стратегия бережливости:** Лесная скатерть-самобранка. С. 313. – Жилища темного бора. С. 313. – Северный гранат. С. 317. – Голубее голубя. С. 321. – Кисти черные как смоль. С. 326. – Ровесница дуба. С. 330. – Сизая ягода. С. 334. – Пламень-ягода. С. 339. – «Стоит дерево кудряво». С. 344. – Кубышки витаминов. С. 349. – Красный гарус рябин. С. 354. – «Хвалила себя калина». С. 355. – Природа: стратегия бережливости. С. 359. – Филология ботаники. С. 366. – Филологический гербарий. С. 382. – Экология русской культуры и народный месяцеслов. С. 386. – Лесные земляники в саду. С. 402. – Легкие болотных растений. С. 405. – На заповедной земле. С. 409. – Дрозды. С. 412. – «Высокий дуб, перунами сраженный». С. 416. – **Разное:** Православная педагогика: страницы истории. С. 421. – Образ патриарха Никона в русской поэзии. С. 433. – Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. С. 439. – Фома Кемпийский в России. С. 459. – Святитель Иоасаф (Горленко). С. 486. – Преподобный Серафим Саровский. С. 511. – Святой праведный Иоанн Кронштадтский. С. 544. – Василий Кириллович Тредиаковский. С. 576. – Содержание. С. 641–643.

Том 5: Русские грядки. 2007. 477 с., [9] л. ил., портр., цв. ил.

Содержание: К читателю. С. 3. – **Любимцы нашего стола:** Любимцы нашего стола. С. 7. – Первое блюдо. Капуста. С. 9. – «Второй хлеб». Картофель. С. 16. – Копилка каротина. Морковь. С. 20. – Красные, белые, желтые... Свекла. С. 26. – Скороспелый, урожайный. Редис. С. 32. – «Зла, а всем мила». Редька. С. 37. – Ей 40 веков. Репа. С. 41. – Огородная лиана. Огурцы. С. 47. – Всеми любимые. Томаты. С. 52. – Вкусная завязь. Кабачки и патиссоны. С. 58. – Плоды-гиганты. Тыква. С. 63. – И верхшки, и корешки. Петрушка. С. 67. – Сочная зелень. Салат. С. 72. – Этот незаменимый лук! С. 78. – Жгучий и острый. Чеснок. С. 85. – Чудо-побеги. Спаржа. С. 89. – Лакомые черешки. Ревень. С. 94. – Огородные бобы. С. 99. – Белковый клад. Горох. С. 104. – Сахарная фасоль. С. 109. – Перцы острые и сладкие. С. 114. – Плоды-конфеты.

Физалис. С. 119. – Баклажаны. С. 129. – Сладкий плод. Дыня. С. 129. – Великая ягода. Арбуз. С. 134. – Земляной орех. С. 140. – Пряные корни. (Хрен. – Сельдерей. – Любисток. – Пастернак. – Скорцонер). С. 144. – Зелень ранняя и поздняя. (Кориандр. – Укроп. – Шпинат. – Щавель). С. 157. – Травы-приправы. (Кервель. – Тмин. – Анис. – Портулак. – Иссоп. – Мелисса. – Водяной кресс. – Рута. – Чабер. – Душица. – Бамя. – Базилик. – Тимьян. – Шафран. – Эстрагон. – Огуречная трава. – Фенхель). С. 167. – Зеленая кладовая природы. (Крапива. – Кислица. – Кислый щавель. – Сныть. – Козелец. – Борщевик. – Одуванчик. – Хвощ полевой. – Лебеда. – Бодяк полевой. – Горчица полевая. – Свербига восточная. – Чабрец. – Полынь. – Просвирники). С. 197. – **От весны до весны.** Календарь огородника. С. 217. – **Вкусно и полезно.** Заготовки и блюда из овощей. С. 373. – **Приложение:** Репа: сорок веков возделывания. С. 411. – Русский огородник Ефим Грачев. С. 423. – Русская еда. С. 433. – Когда сеять, когда жать. С. 436. – Содержание. С. 448–455. – Содержание собрания сочинений в 5 томах. С. 456–477.

Часть II. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ (Авторские книги)

1968

О волшебных травах, приметах и некоторых суевериях. М.: Издательство «Знание». 1968. 32 с. (Серия: Естествознание и религия).

1972

Календарь русской природы. М.: Московский рабочий. 1973. 272 с. (Содержание: Два века фенологии. С. 3. – Народный календарь. С. 9. – Весна. С. 15. – Лето. С. 69. – Осень. С. 125. – Зима. С. 175. – Приложение: Календарь природы Подмоскovie 1880–1970 гг. С. 224. – Содержание. С. 232).

1973

Календарь русской природы. М.: Московский рабочий. 1973. 272 с. (Содержание: Два века фенологии. С. 3. – Народный календарь. С. 12. – Весна. С. 19. – Лето. С. 77. – Осень. С. 141. – Зима. С. 195. – Приложение: Фенологические сезоны года; Календарь природы Подмоскovie 1880–1970 гг. С. 257. [На С. 260 впервые опубликована «спектр»-диаграмма «Фенологические сезоны Подмоскovie», составленная А. Стрижёвым. После среднемноголетней даты начала подсезона в скобках дается его продолжительность в днях. Важнейшие переходы средних суточных температур указаны в градусах Цельсия]. – Содержание. С. 272).

1974

Владимир Солоухин. По грибы. **Александр Стрижёв.** Заметки фенолога. М.: Издательство «Реклама». 1974. С. 103–127.

1975

Лесные травы. М.: Изд-во ЛП. 1975. 192 с., ил. (Содержание: Ветреница белая. С. 4. – Чистяк весенний. С. 8. – Сон-трава. С. 12. – Сочевичник весенний. С. 16. – Медуница. С. 19. – Копытень европейский. С. 23. – Хохлатки. С. 27. – Фиалка душистая. С. 31. – Баранчики. С. 35. – Одуванчик. С. 41. – Незабудка болотная. С. 44. – Купальница европейская. С. 49. – Чистотел. С. 52. – Марьянники. С. 56. – Ландыш майский. С. 60. – Майник двулистный. С. 64. – Ятрышник пятнистый. С. 68. – Тмин обыкновенный. С. 72. – Вероника дубравная. С. 76. – Колокольчики. С. 81. – Земляника лесная. С. 85. – Купена аптечная. С. 91. – Дягиль. С. 94. – Герань. С. 97. – Калган. С. 102. – Подорожник большой. С. 106. – Таволга вязолистная. С. 109. – Тысячелистник обыкновенный. С. 113. – Нивяник обыкновенный. С. 117. – Кипрей. С. 122. – Зверобой. С. 126. – Спорыш. С. 130. – Коровяк холмовой. С. 134. – Бессмертник песчаный. С. 138. – Пижма. С. 142. – Чертополох. С. 146. – Толокнянка обыкновенная. С. 150. – Чабрец. С. 153. – Льянка обыкновенная. С. 157. – Икотник серый. С. 160. – Цикорий обыкновенный. С. 164. –

Золотая розга. С. 169. – Клок сена. С. 173. – Родник здоровья. С. 180. – Вкусен лесной чай! С. 186. – Содержание. С. 192).

Владимир Солоухин. По грибы. **Александр Стрижёв.** Заметки фенолога. Издание 2-е. М.: Издательство «Реклама». 1975. С. 109–136.

1977

Открытая книга леса. М.: Изд-во ЛПИ. 1977. 133 с., ил. (Содержание: От автора. С. 2. – Утро года. С. 3. – Благодатная пора. С. 34. – Возраст осени. С. 64. – Среди снегов белых. С. 91–132. – Содержание. С. 133).

1980

Рассказы об овощах. М.: Московский рабочий. 1980. 160 с., 1 л. ил.

1981

Домашняя энциклопедия. (Беседы о природе). М.: Знание. 96 с. (Народный университет. Педагогический факультет. № 11). (Содержание: Наставник – живая природа. С. 3. – Утро весны. С. 8 – Говор вод. С. 14. – Первотравье. С. 20. – Молодое лето. С. 29. – Экватор года. С. 36. – Новосел осени. С. 50. – Осень золотая. С. 54. – Предзимье. С. 60. – Здравствуй, гостья-зима! С. 68. – Всему году записка. С. 73. – Зимы перевал. С. 81. Рекомендуемая литература. С. 95. – Содержание. С. 96).

Календарь русской природы. 3-е изд., перераб. М.: Московский рабочий. 1981. 224 с., ил. (Содержание: Два века фенологии. С. 3; *Разделы:* Весна. С. 14. – Лето. С. 56. – Осень. С. 112. – Зима. С. 158. Приложение: (Фенологические сезоны года. – Народные приметы о погоде. – Календарь природы Подмосковья 1880–1980 гг.). С. 201 – Содержание. С. 224). [На С. 203 опубликована «спектр»-диаграмма «Фенологические сезоны Подмосковья», составленная А. Стрижёвым.]

1983

Травы вокруг нас. М.: Колос. 1983. 224 с., ил. (Содержание: [Предисловие]. С. 5; Разделы: Копилка кормов. С. 7. – Пожар полей. С. 74. – Русское разнотравье. С. 127. – Под ветвистым поломом. С. 161. – Краса природы. С. 178. – Целебные травы. С. 205. – Содержание. С. 223–224).

1984

Год огородника. М.: Знание. 1984. 64 с. (Серия: Сельское хозяйство).

1986

Туристу о природе. Фенологические наблюдения в походе. М.: Профиздат. 1986. 176 с. (Мир туристских интересов).

1989

А.Н. Стрижёв, Л.В. Гарибова. Дары подмосковного леса. М.: Московский рабочий. 1989. 240 с., ил. (Содержание: *Разделы:* Травы. С. 3–113. – Ягоды. С. 114–167. – Грибы. С. 168–239. – Содержание. С. 240).

Времена года. Фотоальбом в четырех книгах. (*Фотографии Вадима Евгеньевича Гиппенрейтера. Составители: Н.И. Калинин, А.Н. Стрижёв*). М.: Московский рабочий. 1989. Книга первая: Весна; Книга вторая: Лето; Книга третья: Осень; Книга четвертая: Зима.

Времена года. Фотоальбом. [Четыре книги собраны в один том]. (*Фотографии Вадима Евгеньевича Гиппенрейтера. Составители: Н.И. Калинин, А.Н. Стрижёв*). М.: Московский рабочий. 1989. Книга первая: Весна; Книга вторая: Лето; Книга третья: Осень; Книга четвертая: Зима.

1990

Ваш урожайный участок: (Год огородника). М.: Знание. 1990. 255 с., ил. (Народный университет. Естественнонаучный факультет).

1991

Хроника одной души: (Проза. Народный календарь). [Худож. А. Антонов]. М.: Молодая гвардия. 1991. 304 с., ил. (Содержание: Из малых лет. Хроника одной души. Повесть. С. 3; **Рассказы:** Деревенские тары-бары. [Егорушка. – За всю Россию. – Чугунное солнце. – Сухие слезы. – На паях. – Та единственная ночь. – Однопрозвищник. Рассказывает Путляшка. – Объективная колотушка. – Литератор в храме. – Реки научения – Срываю яблоки]. С. 120. – Хлеб и свеча. [Насытим день радостью. – Свет нарастает. – Огонь небесный. – Признали мистику. – Благодать небесная. – Свеча Панааса. – Блаженное счастье. – Праздник Всех святых. – Хлеб и свеча. – Лето замирает. – Неизбывная прелесть]. С. 137. – Еще тары-бары. [Сердце побледнело. – Кремль ползет! – Сучий потрох. – Подогрели. – На Родине. – Бесплатная земляничка. [Рассказ Майи Кузнецовой]. – Подшефный. – Дело – труба. – Укусила. [Рассказ Лидии Федоровны Крестьяниновой. – Алексей Дикий. (По рассказу П.П. Тихомирова). – Тик-так! – «Риони вышла из берегов». – Зия и змея. – Картинка]. С. 147. – Заповедные дали. [Вестовые весны. – Тополь. – Соловьи, соловьи... – Синяя птица. – Свищов пруд. – Эта чудная природа. – К Плещееву озеру. – Таволговый чай. – В лесной глуши. – Машенькин гриб. – Филька. – Костер на снегу. – Родничок. – Серый Тимофеич. – Щеглы-непоседы]. С. 162. – Блестки. [Набираюсь России. – Наедине. – В сумерках бытия моего. – Странник. – Горожане. – Поле. – Молитва. – Тамбовцы. – Имена. – Травка зазеленела! – Тополь. – Мать и дети. – О Тебе радуется. – Войди в совесть свою]. С. 201; Народный календарь. С. 207. – Содержание. С. 303).

Травы-приправы. [Кервель. – Тмин. – Анис. – Любисток. – Портулак. – Иссоп. – Мелисса. – Водяной кресс. – Скорцонер. – Рута. – Чабер. – Душица. – Бамя. – Базилик. – Тимьян. – Луки. –

Шафран. – Хрен. – Петрушка. – Кориандр. – Укроп. – Эстрагон. – Огуречная трава. – Фенхель. – Сельдерей. – Перец. – Одуванчик]. *Сост. А.Н. Стрижёв*. М.: Редакция журн. *СН* и его прил.: Акционер. изд. о-во «Принт». 1991. 32 с., ил. (Книжная серия «Приусадебное хозяйство»).

А.Н. Стрижёв, И.В. Стеркин, Н.П. Коноплева, А.М. Шенелев. 12 месяцев в саду и огороде. М.: Стройиздат. 1991. 126 с., ил.

1992

Лесная скатерть-самобранка. М.: Знание. 1992. 238 с., ил. (Естественно-научный факультет).

Овощи круглый год: Советы огороднику. М.: Профиздат. 1992. 239 с.

1993

Календарь русской природы. М.: Колос. 1993. 320 с., ил. (Содержание: [Предисловие]. С. 5–13; Весна. С. 17. – Лето. С. 91. – Осень. С. 219. – Зима. С. 279–319. – Содержание. С. 319–320).

Овощи круглый год: Советы огороднику. М.: Профиздат. 1993. 240 с. (Содержание: От автора. С. 3–4; Разделы: Что мы знаем об овощах. С. 5–88; Календарь овощевода. С. 89–238. – Содержание. С. 239).

1995

Русское разнотравье: [Справочник] М.: Изд. дом «Дрофа». 1995. 575 с., ил. (Содержание: Травы вокруг нас. С. 6–504. – Советы травознатца. С. 507–570. – Что читать о русском разнотравье. С. 571–573. – Содержание. С. 574–575).

1996

Цветы и храм: Растения в русском церковном обиходе. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1996. 48 с., ил.

1997

Народные приметы. М.: Современник. 1997. 256 с., ил. (Содержание: Доверяй, но проверяй! С. 3. – Разделы: Весна. С. 11. – Лето. С. 70. – Осень. С. 141. – Зима. С. 189. – Суеверные приметы. С. 244. – Содержание. С. 253–255).

1999

Огород круглый год. М.: ЭКСМО-Пресс. 1999. 288 с., ил. (Серия «Домашний очаг»). (Содержание: Разделы: Весна. С. 5. – Лето. С. 64. – Осень. С. 125. – Зима. С. 153. – Травы-приправы. С. 194. – Содержание. С. 194).

По следам Сергея Нилуса: Раздумья, встречи, разыскания. М.: Паломник. 1999. 172, [2] с., ил.

2000

Ваш кормилец огород. М.: Айрис-пресс: Рольф. 2000. 416 с., ил. (Страна советов). (Содержание: К читателю. С. 3–4. – Любимцы нашего стола. Рассказы об овощах и пряных травах. С. 7–212. – От весны до весны. Календарь огородника. С. 215–364. – Вкусно и полезно. Рецепты овощных блюд. С. 367–402. – Толковый словарь огородника. С. 403–406. – Содержание. С. 407–413).

Календарь русской природы. М.: ОЛМА-Пресс. 2000. 416 с., ил., табл. (Содержание: Два века фенологии. С. 3. – Народный календарь. С. 19. – Весна. С. 27. – Лето. С. 115. – Осень. С. 215. – Зима. С. 299. – Приложения: 1. Фенологические сезоны года; 2. Календарь природы средней полосы России. С. 390–413. – Содержание. С. 414–415).

2006

Волшебные травы России: Иллюстрированный справочник. М.: Звонница-МГ. 2006. (Рыбинск: Рыбинский Дом печати). 460 с., [16] л. цв. ил. (Содержание: **Травы вокруг нас**. С. 3. – Адонис весенний. С. 5. – Аир. С. 6. – Аконит высокий. С. 11. – Амаранты. С. 14. – Барвинок малый. С. 19. – Белозор болотный. С. 23. – Белокрыльник болотный. С. 26. – Бессмертник песчаный. С. 29. – Борщевик. С. 32. – Будяк розовый. С. 36. – Буквица лекарственная. С. 39. – Васильки. С. 42. – Венерин башмачок. С. 46. – Вероника дубравная. С. 49. – Ветреница белая. С. 53. – Вьюнок полевой. С. 57. – Гвоздика луговая. С. 61. – Герань луговая. С. 65. – Горец змеиный. С. 69. – Горошек мышиный. С. 72. – Гравилаты. С. 75. – Грушанка круглолистная. С. 78. – Гусиный лук желтый. С. 81. – Дербенник иволистный. С. 84. – Донники. С. 87. – Душистый колосок. С. 90. – Душица. С. 93. – Дягиль аптечный. С. 96. – Живучка ползучая. С. 99. – Звездчатки. С. 102. – Зверобой продырявленный. С. 106. – Земляника лесная. С. 109. – Золотарник. С. 113. – Золототысячник зонтичный. С. 116. – Икотник серый. С. 120. – Калган. С. 123. – Калужница болотная. С. 126. – Камыш озерный. С. 129. – Касатик водный. С. 132. – Кипрей. С. 135. – Кислица обыкновенная. С. 138. – Клевер красный. С. 141. – Ковыль. С. 143. – Козлобородник луговой. С. 147. – Колокольчики. С. 151. – Копытень европейский. С. 155. – Коровяк холмовой. С. 158. – Короставник полевой. С. 161. – Костяника. С. 164. – Кошачья лапка. С. 168. – Крапива двудомная. С. 171. – Купальница европейская. С. 175. – Купена аптечная. С. 178. – Ландыш. С. 181. – Лопух большой. С. 185. – Льянка обыкновенная. С. 189. – Лютик едкий. С. 192. – Майник двулистный. С. 195. – Манжетка обыкновенная. С. 198. – Марь белая. С. 202. – Марьянники. С. 205. – Мать-и-мачеха. С. 208. – Медунца. С. 211. – Мята. С. 214. – Мятлик луговой. С. 218. – Незабудка болотная. С. 222. – Нивяник обыкновенный. С. 225. – Ночная фиалка. С. 228. – Одуванчик. С. 231. – Осоки. С. 234. – Очиток едкий. С. 238. – Паслен черный. С. 242. – Пастушья сумка. С. 245. – Первоцвет весенний. С. 248. – Петров крест. С. 252. – Печеночница обыкновенная. С. 256. – Пижма. С. 260. – Пикульники. С. 263. – Подмаренник. С. 266. – Подорожник большой. С. 269. – Полыни. С. 272. – Просвирники. С. 277. – Пустырник пятилопастный.

С. 281. – Пушицы. С. 284. – Пырей ползучий. С. 287. – Рогоз широколистный. С. 291. – Ромашки. С. 294. – Селезеночник обыкновенный. С. 298. – Смолевка-хлопушка. С. 301. – Сныть обыкновенная. С. 304. – Сон-трава. С. 307. – Сочевичник весенний. С. 310. – Спорыш. С. 313. – Таволга вязолистная. С. 316. – Тмин обыкновенный. С. 319. – Толокнянка. С. 322. – Тысячелистник обыкновенный. С. 324. – Фиалка душистая. С. 327. – Хвощ полевой. С. 331. – Хмель выующийся. С. 335. – Хозлатки. С. 340. – Цикорий обыкновенный. С. 343. – Чабрец. С. 347. – Чемерица Лобеля. С. 350. – Чертополох. С. 353. – Чина луговая. С. 356. – Чистец лесной. С. 360. – Чистотел. С. 363. – Чистяк весенний. С. 366. – Щавель кислый. С. 369. – Щавель конский. С. 373. – Ясенцы. С. 376. – Яснотка белая. С. 380. – Ястребинка волосистая. С. 383. – Ятрышник пятнистый. С. 387. – **Советы травознатца:** Сушка, засолка, квашение. С. 391. – Чай Берендея. С. 394. – Огород на опушке. С. 401. – Коварные ягоды. С. 407. – Волшебные травы. С. 412. – У сенной кледи. С. 423. – Живые ковры. С. 429. – Не меркни, одолень-трава! С. 435. – Лечение растениями. С. 442. – Лекарственные ванны. С. 447. – **Что читать о русском разнотравье.** С. 453. – Содержание. С. 457).

2007

Сергей Нилус: тайные маршруты. М.: Алгоритм. 2007. 384 с. (Память). (Содержание: **Р. Бардасаров. (При участии А. Стрижёва и С. Фомина).** Сергей Александрович Нилус. Биографическая справка. С. 5. – **А.Н. Стрижёв.** Пророк в своем Отечестве. С. 12. – **Е.Ю. Концевич.** Сергей Александрович Нилус: Краткое жизнеописание. С. 18. – **Михаэль фон Хагельмейстер.** Предки и родственники Сергея Александровича Нилуса. С. 68. – **Князь Н.Д. Жевахов.** Сергей Александрович Нилус: Краткий очерк жизни и деятельности. С. 83. – **А.Н. Стрижёв.** Князь Николай Дмитриевич Жевахов. С. 166. – **А.Н. Стрижёв.** По следам Сергея Нилуса. С. 168. – **М.В. Смирнова-Орлова.** Памяти Сергея Александровича и Елены Александровны Нилус. С. 253. – **Граф Александр дю Шайла.** Воспоминания о С.А. Нилусе. С. 272. – **Анатолий Тимофеевич.** С.А. Нилус. С. 297. – **Е.Ю. Концевич.** Схиигумения София – настоятельница Покровского монастыря в Киеве. 1873–1941. С. 302. –

А.Н. Стрижёв. Хранительница святых преданий. [Елена Юрьевна Концевич]. С. 338. – *О.А. Озерова.* Игуменья София. С. 343. – *И.М. Концевич.* Пламенная любовь: находка новой рукописи С.А. Нилуса. С. 346. – *С.А. Нилус.* Послесловие к 5-му изданию «Близ есть, при дверех». С. 359. – Приложение к биографии С.А. Нилуса. Архивные материалы. С. 368. – Содержание. С. 383).

Сергей Нилус: тайные маршруты. М.: Алгоритм. 2007. 384 с.

Урожай Божией милостию. М.: Паломник. 2007. 512 с. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (Содержание: Разделы: Любимцы нашего стола. С. 5. – От весны до весны. С. 253. – Вкусно и полезно. Заготовки и блюда из овощей. С. 439. – Толковый словарь огородника. С. 477. – Молитвы на добрый урожай. С. 481. – Содержание. С. 505–511).

2010

Зеленая грядка. Ростов-на-Дону: Феникс; М.: Алгоритм. 2010. 254, [1] с., ил. (Содержание: К читателю. С. 5. – Любимцы нашего стола. Рассказы об овощах и пряных травах. С. 11. – Зеленая кладовая природы. [Крапива. – Кислица. – Кислый щавель. – Сныть. – Козелец. – Борщевик. – Одуванчик. – Хвощ полевой. – Лебеда. – Бодяк полевой. – Горчица полевая. – Свербига восточная. – Чабрец. – Полыни. – Просвирники]. С. 234. – Содержание. С. 253–255).

От весны до весны: календарь огородника. Ростов-на-Дону: Феникс; М.: Алгоритм. 2010. 222, [1] с. (Дачная философия). (Содержание: Календарь огородника. С. 7–166. – Вкусно и полезно. Заготовки и блюда из овощей. С. 167–192. – Из истории русского огородничества. [Репа: сорок веков возделывания. – Русский огородник Ефим Грачев]. С. 195–217. – Толковый словарь огородника. С. 218–221. – Содержание. С. 222–223).

2012

Времена года русской природы. М.: Голос-Пресс. 2012. 318 с., ил. (Библиотека Благотворительного фонда «Энциклопедия Серафима Саровского»). («Правнучке моей Таисии – посвящаю!»). (Содержание: От издательства. С. 6. – **Весна:** Март – зажги снега. С. 8. – Март – зимобор. С. 10. – Пернатая свирель. С. 12. – Зима недаром злится... С. 14. – Звенит капель. С. 15. – До первых проталин. С. 16. – Весна – зажги снега, заиграй овражки. С. 17. – На пороге весны. – Поют сороки. С. 20. – Март весну принес. – Звенят вешние воды. С. 23. – Апрель землю будит. С. 24. – Ждите жаворонков. С. 26. – Летающие «цветы». С. 28. – Запели жаворонки. С. 29. – Канун весны зеленой. С. 29. – До пробуждения сада. С. 33. – Апрельские таинства. С. 36. – Травка-золотянка. С. 37. – День ширится, полнеет. С. 38. – Весна задержалась. С. 39. – До первых листьев. С. 41. – Ждем весны зеленой. С. 42. – Под говор вод. С. 44. – Зеленые обновы. С. 45. – Весна распахнулась. С. 47. – Весна зеленая. С. 48. – Соловьиная пора. С. 50. – Зеленый шум. С. 52. – Майские обновы. С. 54. – Малахитовый май. С. 56. – Канун лепестковых сполохов. С. 58. – Ждите соловьев. С. 59. – Царство весны зеленой. С. 61. – Золотые ключики весны. С. 62. – Время незабудок. С. 64. – Трели соловья. С. 65. – Живое благоуханье. С. 66. – Живые самоцветы. С. 68. – Земля-именинница. С. 70. – «Хороша весна-царица»... С. 71. – Цветут сады зеленые. С. 73. – **Лето:** На пороге красного лета. С. 76. – Вестники лета. С. 78. – Стартует лето. С. 79. – Радость-лето. С. 81. – Здравствуй, лето! С. 83. – Лето разгорается. С. 84. – Липы цветут. С. 85. – Светлынь. С. 86. – Зеленое приволье. С. 87. – Перволетье. С. 89. – Румянец года. С. 90. – Парус лета. С. 94. – Поют соловьи. С. 96. – Пик света. С. 97. – Просторные дни. С. 98. – Клады лета. С. 100. – Душистая земляника. – С. 101. – Молодое зверье. С. 102. – Благодатная пора. С. 103. – Вершина лета. С. 105. – Экватор года. С. 107. – Ягода-малина. С. 109. – Щедрое разнотравье. С. 111. – Июль-ягодник. С. 112. – Полное лето. С. 113. – Краснолетье. С. 115. – Жасмин благоухает. С. 117. – Пахнет сеном над лугами. С. 119. – Макушка лета. С. 121. – Сердцевина лета. С. 123. – Цветотравье. С. 124. – Цвет лета. С. 126. – А мальвы так хороши! С. 127. – Торопится солнце к закату. С. 129. – Спад лета. С. 130. – Всюду цветы. С. 132. – Сочный

август. С. 133. – Яркое горение цветов. С. 136. – На склоне лета. С. 137. – Август пленительный. С. 138. – Дни заметно убывают. С. 140. – Золотые дни предосенья. С. 141. – Уж небо осенью дышало. С. 142. – Щедрость августа. С. 144. – Похолодало. С. 144. – Август-густарь. С. 145. – На доньшке лета. С. 147. – Пора душистых флоксов. С. 149. – Щедрое сердце августа. С. 150. – Порхают бабочки. С. 151. – **Осень:** Первоосень. С. 154. – Межа сезонов. С. 155. – «Бабье лето». С. 156. – Пора спелых яблок. С. 158. – В расписных теремах. С. 160. – Лесные закрома. С. 161. – Очей очарованье. С. 162. – Палитра молодой осени. С. 164. – Отлетают ласточки. С. 165. – Журавлиный клин. С. 166. – Осень торопит. С. 168. – Прелюдия листопада. [«Время к листопаду движется...»]. С. 169. – Сезон багряной листвы. С. 170. – Прелюдия листопада. [«Сентябрьские невзгоды не сказываются на характере окраски листвы...»]. С. 172. – Славная осень. С. 173. – Багрец и золото... С. 175. – Поступь осени. С. 176. – Октябрь листвобой. С. 177. – Глубокая осень. С. 180. – Первый зазимок. С. 181. – Осень золотая. С. 183. – Листопадная пора. С. 184. – То дождь, то снег. [«Ранний снег посеребрил жухлую траву...»]. С. 186. – Средь шумного бала. С. 187. – Заяц меняет кафтан. С. 188. – Снег в листопад. С. 191. – «Отговорила роща золотая»... С. 191. – Межсезонье. С. 192. – Приметы предзимья. С. 194. – Поздняя золотая осень. С. 195. – Сойкины хлопоты. С. 196. – Чаепитие щеглов. С. 198. – На пороге предзимья. С. 200. – Предзимье. С. 201. – Контрасты предзимья. С. 202. – «Роняет лес багряный свой убор...». – С. 203. – Спят шестиногие. С. 205. – Лесные скопидомики. С. 207. – До первой пороши. С. 208. – Порог предзимья. С. 209. – Ноябрь – ворота зимы. С. 210. – Виды суровой осени. С. 215. – Обзавелись волчата клыками. С. 217. – Звнящая тишина. С. 218. – То дождь, то снег... [«Сверхранний зазимок сменился было оттепелью...»]. С. 219. – Флейта предзимья. С. 220. – Подземный житель. С. 221. – Налимья весна. С. 223. – Ледостав. С. 225. – «Румяные матрешки». С. 226. – Стык сезонов. С. 228. – До первопутка. С. 229. – Ждем-пождем Холодая Холодаевича. С. 231. – Ноябрьские контрасты. С. 232. – По белой тропе. С. 233. – Лесная посевная. С. 235. – **Зима:** Первозимье. С. 238. – Становление зимы. С. 239. – Смотрины зимы. С. 240. – Начинается зима. С. 242. – Тусклые деньки. С. 243. – До солнцеворота. С. 245. – Здравствуй, зимушка-зима. С. 247. –

Подарки зеленого бора. С. 248. – Сюрпризы декабря. С. 250. – А будет ли зима? С. 252. – А зиме все же быть. С. 253. – Солнцеворот. С. 254. – Солнце на лето. С. 255. – Рисунки деда Мороза. С. 257. – Большие снега. С. 258. – Декабрьский ледостав. С. 260. – Гостинцы зимушки-зимы. С. 262. – Месяц «пляшущего термометра». С. 263. – Контрасты первозимья. С. 265. – Напевы молодой зимы. С. 266. – Зимние узоры. С. 267. – Сумерки года. С. 269. – Идет зима, аukat... С. 270. – Коренная зима. С. 272. – «Стужайло». С. 274. – День прибывает... С. 275. – У лунки. С. 276. – Середина зимы. С. 278. – И все же – зима. С. 280. – День на прирост пошел... С. 281. – В лесу и на реке. С. 282. – И отразится небо в сугробах. С. 283. – Щедра зима на выдумку. С. 284. – Зимний дуб. С. 285. – Синие сугробы. С. 287. – Кузнец ледовый. С. 288. – Заячий ремиз. С. 289. – В чертогах зимы. С. 291. – Зима-красавица. С. 292. – Февраль-вьюговей. С. 294. – Месяц вьюг и метелей. С. 295. – Перевал зимы. С. 297. – Капель бодрит! С. 299. – Неутомимая затейница леса. С. 299. – По белой тропе. С. 301. – Пернатый весельчак. С. 302. – Как зимуешь, ветка? С. 304. – Среди снегов белых... С. 305. – Узоры зимнего леса. С. 306. – След в лесу. С. 308. – Февраль-солнцегрей. С. 309. – Перепутье зимы. С. 310. – Февральские перемены. С. 311. – Февральские снега. С. 313. – Близка весна-красна. С. 314. – Излом зимы. С. 315. – Содержание. С. 318).

2019

А.Н. Стрижёв. Живые встречи. (Сост. М.А. Бирюкова). Шацк. 2019. 312 с. (Содержание: От автора. С. 3. – М.А. Бирюкова. Вручение Патриаршей премии А.Н. Стрижёву. С. 7. – А.Н. Стрижёв, М.А. Бирюкова. К созданию Общества русской словесности. Отклик. С. 16. – Беседа с лауреатом А.Н. Стрижёвым. Беседовал Сергей Арутюнов. С. 23. – Живые встречи: На Гусиной земле. С. 35. – Наш Валерий Николаевич. С. 49. – Державный скульптор Вячеслав Клыков. С. 61. – Мой Солженицын. С. 74. – Евгений Замятин в Лебеяди. С. 126. – Венечка-Венедикт. С. 140. – Из малых лет. Хроника одной души. Повесть. С. 149. – Три внутренние рецензии на повесть Александра Стрижёва. [I. Из редакции журнала «Москва», М. Горбунов; II. Из редакции журнала «Новый

мир», *Н. Плотников*; III. Из журнала *СН*, *Ив. Филоненко*]. С. 300–310. – Содержание. С. 311).

Часть III. КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЕ А.Н. СТРИЖЁВЫМ

1992

Угодник божий Серафим: [Сборник в 2 т.]. (*Составители: игумен Андроник Трубочёв, Стрижёв Александр Николаевич*). М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1992.

Дивеевские предания. Издательская группа Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского женского монастыря. [1992, год не обозначен]. 64 с. (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. Дивеевская Пасха. С. 2. – *Монахиня Серафима [Булгакова]*. Дивеевские предания. С. 6. – *Схимонахиня Маргарита*. «Будет вам монастырь...». С. 46 – *Митроф. прот. Василий Боцановский*. Саровские торжества. Прославление мощей Преподобного Серафима Саровского. С. 49–64).

Два монарха и таинственный старец Феодор Кузьмич. М.: Скит. 1992. 202 с. (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. Книга о двух императорах. С. 3–4. – *П.Н. Шабельский-Борк*. Павловский гобелен. С. 5. – Как Феодор Кузьмич попал в Сибирь. С. 52. – Феодор Кузьмич в Сибири. С. 57. – Образ жизни старца Феодора Кузьмича. С. 85. – Болезнь, кончина и погребенье старца Феодора Кузьмича. С. 98. – Прозорливость старца. С. 110. – *А. Мирская*. Кто он? [Памяти Феодора Козьмича, Благословенного Старца, Великого подвижника Сибири]. [Стихотв.]. С. 165. – Приложение: Легенда об Императрице Елизавете Алексеевне. С. 169. – Иллюстрации. С. 175. – Содержание. С. 201).

1993

Клепинин Н.А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. М.: **Стрижёв**. 1993. 111 с. Библиография в примечаниях: С. 100–108.

Опыты православной педагогики. (*Составление Александра Стрижёва и Сергея Фомина*). М.: Литературная учеба. 1993. (Литературная учеба: Книги пятая и шестая). 240 с. (Книга выпущена при содействии Союза русских учителей). (Содержание: **А.Н. Стрижёв**. Православная педагогика. С. 3. – Молитва перед ученьем. С. 5. – Молитва после ученья. С. 5. – Цветочки духовные с Божьей нивы. С. 7. – *М.В. Ломоносов*. Об узаконениях для гимназистов. С. 9. – *А.С. Пушкин*. О народном воспитании. С. 10. – *А. Коринфский*. Детские годы. С. 15. – *К. Победоносцев*. Народное просвещение. С. 32. – *Владимир Даль*. Письмо к издателю. С. 39. – *А. Кошелев*. Нечто о грамотности. С. 52. – Сергей Александрович Рачинский. [Биографический очерк]. С. 60. – *С. Рачинский*. Школьный поход в Нилову пустынь. С. 69. – Педагогическая деятельность о. Иоанна Кронштадтского. С. 95. – Христианское воспитание детей. С. 110. – В чем лучшее наследство для детей. С. 134. – Как святитель Тихон обучал детей. С. 135. – Как старец Серафим Саровский любил и ласкал детей. С. 136. – *Митрополит Макарий [Невский]*. Ныне много знания, но мало воспитания. С. 138. – *П. Соловьёва*. Димитрий Ростовский. Путь просвещения. С. 139. – *Н. Манасеина*. Цветоносный день. С. 145. – *Л. Модзалевский*. Приглашение в школу. Стихотворение. С. 150. – *С. Дрожжин*. Первая борозда. В школе у дьячка. Стихи. С. 150. – *Е. Тютчева*. Хвала Богу. Стихотв. С. 152. – *Н. Веселовская*. Инициалы. Стихотв. С. 154. – *А. Деникин*. Школа. С. 155. – *Митрополит Московский Иннокентий*. Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества. С. 161. – *Профессор П.И. Ковалевский*. Педагогические размышления. Национальное воспитание. С. 177. – *И. Ильин*. Русский учитель. С. 196. – *Архиепископ Лука [Войно-Ясенецкий]*. О воспитании детей. С. 197. – Молитвенное возношение сердца родителей за детей своих. С. 203. – *Иеромонах Серафим [Роуз]*. Православное воспитание и окружающий мир. С. 203. – *И. Шмелев*. Крест просвещения. С. 206. – Азбука христианства. С. 209. – Небесное в земном. С. 209. – Не так стоите в храме. С. 209. – *Е. Воропаева*. Гимназия рядом с храмом. С. 210. – Приложение: *Ян Амос Коменский*. Школа детства. С. 214. – Содержание. С. 240).

Радость моя. Сборник статей и исторических материалов, посвященных 90-летию прославления и 160-летию блаженной

кончины преподобного Серафима Саровского. (Составлен православной общиной храма Всех Святых и философским клубом г. Сарова. Редактор А.Н. Стрижёв). М.; Саров: Град Китеж. 1993. 96 с. (По благословению митрополита Нижегородского и Арзамаского Николая). (Содержание: От составителей. С. 3. – А. Федоров. Возрождение православной жизни в Сарове. С. 6. – Иеромонах Серафим Роуз. Бог есть Огонь. С. 13. – Е. Поселянин. А Серафим? С. 15. – Иером. Сергей. Из жизни старца Саровской пустыни. С. 19. – Как преп. Серафим побеждал греховность своей природы и возвышал свою душу. С. 32. – Ник. Елагин. Серафим Саровский и старообрядцы. С. 37. – Архим. Серафим [Чичагов]. Кончина и погребение старца. С. 47. – Вл. Ильин. Огонь пополающий. С. 55. – Анат. Попов. Воспоминания о Сарове. С. 60. – Из дивеевских преданий. М. Серафима [Булгакова]. С. 77. – Слово епископа Парфения перед молебном в день прославления преп. Серафима Саровского, произнесенное в кафедральном соборе Христа Спасителя. С. 85. – Письмо обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева архим. Серафиму [Чичагову] от 22 ноября 1902 г. С. 86. – Из воспоминаний Е.Л. Четверухиной. С. 89. – Содержание. С. 96).

Угодник Божий Серафим. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1993. Том 1. 368 с.; Том 2. 320 с. (Составители: игумен Андроник Трубачёв, Александр Стрижёв. Примечания, библиография – А.Н. Стрижёв). (По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II). (Все доходы от издания идут на восстановление Спасо-Преображенского Валаамского монастыря). (Том 1. Содержание: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II при возвращении Церкви честных мощей преподобного Серафима Саровского в Казанском соборе 11 января 1991 г. С. 5. – **И. Житие:** Николай Мотовилов. Жизнь, подвиги и кончина Саровской пустыни иеромонаха и пустынножителя отца Серафима. С. 9. – Иеромонах Сергей. Из жизни старца Саровской пустыни. С. 24. – Николай Елагин. Душеспасительные беседы Старца. С. 33. – Архимандрит Серафим [Чичагов]. Кончина и погребение Старца. С. 39. – Валентина Зандер [Калашникова]. Житие преподобного Серафима Саровского. С. 44. – **II. Молитвенные правила преподобного Серафима Саровского.** С. 77. – **III. Духовные наставления преподобного Серафима**

Саровского мирянам и инокам и его беседа о цели христианской жизни. С. 91. – **IV. Пророчества:** Об устройении Дивеевской Лавры. С. 151. – О прославлении мощей преподобного Серафима и приезде Царской Фамилии. С. 165. – О России. С. 167. – Об Антихристе. С. 180. – О нечестии духовных лиц и воскресении преподобного Серафима для проповеди всемирного покаяния. С. 188. – **V. Прославление:** Письмо обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева архимандриту Серафиму [Чичагову] от 22 ноября 1902 г. С. 199. – Акт освидетельствования честных останков приснопамятного Саровского старца иеромонаха отца Серафима. С. 201. – Деяние Святейшего Синода 29 января 1903 года. С. 205. – Утвержденный Святейшим Синодом церемониал торжественного открытия святых мощей преподобного о. Серафима, Саровского чудотворца. С. 209. – Открытие и прославление мощей святого преподобного Серафима, Саровского чудотворца, в присутствии Их Императорских Величеств. С. 214. – *Епископ Парфений.* Слово пред молебном в день прославления преподобного Серафима Саровского, произнесенное в кафедральном соборе Христа Спасителя. С. 223. – *Князь Владимир Волконский.* Саровские торжества. С. 225. – Чудеса при открытии мощей преподобного Серафима Саровского. С. 232. – [Акты советского времени об изъятии мощей]. С. 244. – *Епископ Истринский Арсений.* Второе обретение мощей преподобного Серафима Саровского. С. 250. – Слово Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II перед общественностью Сарова 1 августа 1991 года. С. 258. – **Александр Стрижёв.** Дивеевская Пасха. С. 263. – **VI. Служба и акафисты:** Служба преподобному Серафиму Саровскому. С. 269. – Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу. С. 286. – Акафист Пресвятей Владычице нашей Богородице в честь святых иконы Ея, именуемая Умиление Серафимо-Дивеевская. С. 300. – **VII. Иконография: Александр Стрижёв.** Об изображениях старца Серафима. С. 309. – *Протоиерей Лев Лебедев, Н. Ларин.* Загадка одного портрета. С. 321. – Примечания. С. 337. – Список иллюстраций. С. 362. – *Степанова Ильмира.* Новое чудо преподобного Серафима. С. 364. – Том 2. Содержание: **VIII. Дивеевские и саровские предания: Анна Тютчева.** Святой Серафим Саровский в Царской Семье. С. 7. – *Сергей Нилус.* Служба Божией Матери и Серафимов. С. 13. – *Монахиня Серафима [Булгакова].*

Дивеевские предания. С. 58. – Схимонахиня Маргарита. «Будет вам монастырь». С. 96. – Монахиня Таисия [Арцыбушева]. Записки. С. 99. – Достопримечательности Саровской обители. С. 126. – Михаил Макаревский. Серафимо-Понетаевский монастырь. С. 130. – **IX. Литературный раздел:** Иеромонах Серафим Роуз. Бог есть Огонь. С. 137. – Владимир Ильин. Огонь пополюющий. С. 139. – Протоиерей Сергей Булгаков. Угль пламенеющий. С. 142. – Антон Карташев. Историческая рама образу преподобного Серафима. С. 148. – Михаил Лодыженский. Серафим Саровский и Франциск Ассизский. С. 152. – Михаил Меньшиков. Лев и Серафим. С. 162. – Протоиерей Георгий Флоровский. Подвиг и радость. С. 171. – Дмитрий Мережковский. На аршин от земли. С. 172. – Маргарита Сабашникова. Через духовное очищение. С. 175. – Сергей Нилус. Поездка в Саров. С. 178. – Евгений Поселянин. А Серафим? С. 199. – А. Трацевский. В Дивееве. С. 201. – Василий Розанов. По тихим обителям. С. 204. – Анатолий Попов. Воспоминания о Сарове. С. 224. – Александр Глинка-Волжский. В обители святого Серафима. С. 234. – Иван Шмелев. Милость преподобного Серафима. С. 239. – [Стихотворения]. С. 247. – Максимилиан Волошин. Поэма. С. 255. – Примечания. С. 293. – Указатель печатных источников и литературы о преподобном Серафиме. С. 303. – Список иллюстраций. С. 313. – Содержание. С. 314. – Спасо-Преображенский Валаамский ставропигиальный монастырь. С. 315–319).

1995

Духовная трагедия Льва Толстого. (Составление – А.Н. Стрижёв). Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М.: Издательство «Отчий дом». 1995. 320 с. (Содержание: Вместо предисловия. И.М. Концевич. Истоки душевной катастрофы Л.Н. Толстого. С. 3; Вокруг «Определения» Святейшего Синода: Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 года № 557, с посланием верным чадам Православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом. С. 71. – Письмо графини С.А. Толстой к митрополиту Антонию. С. 73. – Ответ митрополита Антония. С. 74. – По прочтении письма графини С.А. Толстой. С. 76. – Открытое письмо православного к графине С.А. Толстой. С. 78. – Лев Толстой. Ответ на постановление Синода от 20–22 февраля и на

полученные мною по этому поводу письма. С. 85. – По поводу ответа Св. Синоду графа Л.Н. Толстого. С. 93. – Отзыв епископа Ямбургского Сергия о новой исповеди графа Л. Толстого. С. 96. – Полемика: Отзыв святителя Феофана Затворника о графе Льве Толстом. С. 105. – Ответ о. Иоанна Кронштадтского на обращение гр. Л.Н. Толстого к духовенству. С. 106. – Из дневника о. Иоанна Кронштадтского: в обличение душепагубного еретичества Льва Толстого. С. 114. – *Протоиерей Иоанн Восторгов*. Знамения времен. С. 143. – *Архиепископ Никон [Рождественский]*. Смерть графа Л.Н. Толстого. С. 152. – *Он же*. Отповедь князю, глаголющему суетная. С. 177. – *Он же*. О тонком яде, проникающем в нашу духовную журналистику. С. 182. – *Он же*. Паки и паки о Толстом. С. 189. – *Он же*. Полемика продолжается. С. 199. – *Архимандрит Антоний [Храповицкий]*. Нравственное содержание догмата о Святом Духе [против Л. Толстого]. С. 203. – Отклики: *М.А. Новоселов*. Открытое письмо графу Л.Н. Толстому от бывшего его единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода. С. 213. – Открытое письмо болящему графу Льву Николаевичу Толстому от бывшего его поклонника. С. 224. – Открытые письма гр. Л.Н. Толстому из русской провинции. С. 231. – Открытое письмо Льву Николаевичу Толстому от крещеного еврея. С. 240. – Суждения о еретичестве гр. Л.Н. Толстого в католическом мире. С. 262. – Старообрядец о Л.Н. Толстом. С. 268. – Генерал Драгомиров о толстовской проповеди «непротивления злу». С. 271. – Английский писатель Кальдерон о гр. Толстом. С. 272; Приложение: *Н.А. Бердяев*. Л. Толстой в русской революции. С. 281. – *В.А. Никитин*. Творчество Л.Н. Толстого: истоки и влияния. С. 288; Примечания. С. 300. – Содержание. С. 319–320).

1996

Дивеевские предания. (*Составление, подготовка текста и примечания А.Н. Стрижёва*). М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря: Православный паломник. 1996. 464 с. (По благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II). (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. От составителя. С. 3–4. – Раздел I. **Обитель: Монахиня Серафима [Булгакова]**. Дивеевские предания. (Устройство и быт монастыря. – Что я слы-

шала от сестер и видела и слышала сама. – Из Саровской жизни. – Блаженный Онисим. – Блаженная Мария Ивановна. – В скорбях и печалях. – Схимонахиня Анатолия. – Об архиепископе Петре [Звереве]. С. 7. – *Иеромонах Дамаскин [Орловский]*. Блаженная Мария Ивановна. С. 124. – Мученицы села Пузово. С. 137. – *Схимонахиня Маргарита [Лахтионова]*. «Будет вам монастырь». С. 195. – *Монахиня Таисия [Арцыбушева]*. Записки. С. 199. – *Монахиня Серафима [Осоргина]*. Преподобный Серафим в жизни матушки Фамари. С. 248. – Раздел II. **Паломники: Протоиерей Стефан Ляшевский**. Дивеев монастырь в мятежные годы. С. 261. – *Игумен Серафим [Пуятин]*. Листки воспоминаний. С. 315. – *Зоя Пестова*. Поездка в Саров. – *Анатолий Тимофиевич*. В Дивееве летом 1926 года. С. 369. – *Профессор И.М. Андреевский*. Путешествие в Саров и в Дивеево в 1926 году. С. 398. – *Сергей Бехтеев*. Видение Дивеевской старицы. С. 417. – *Монахиня Антония [Берг]*. Подвиг старца Серафима. С. 420. – Из хроники Серафимо-Дивеевского монастыря. С. 422. – **А.Н. Стрижёв**. Примечания. С. 425. – Содержание. С. 462–463).

А.С. Пушкин: путь к православию: [Сборник статей]. (Составление, подготовка текста, примечания **А.Н. Стрижёва**). М.: Издательство «Отчий дом». 1996. 336 с. (Православная Церковь и русская литература). (Содержание: **А.Н. Стрижёв**. От составителя. С. 5–6. – *И.М. Андреев [Андреевский]*. А.С. Пушкин. [Основные особенности личности и творчества гениального поэта]. С. 7. – *Митрополит Анастасий [Грибановский]*. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. С. 66. – *Епископ Антоний [Храповицкий]*. Слово пред панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г. С. 130. – *Митрополит Антоний [Храповицкий]*. Пушкин как нравственная личность и православный христианин. С. 145. – *Протоиерей Иоанн Восторгов*. Вечное в творчестве поэта. С. 164. – *Архиепископ Никанор [Бровкович]*. Беседа в Неделю блудного сына, при поминовении раба божия Александра [поэта Пушкина], по истечении пятидесятилетия по смерти его. С. 183. – *Проф. И.А. Ильин*. Пророческое призвание Пушкина. С. 213. – *Валерий Лепяхин*. «Отцы пустынноики и жены непорочны...». [Опыт подстрочного комментария]. С. 243; Приложение: *В. Лигалев*. Пушкин и масоны. С. 260. – *Борис Башилов*.

[М.А. Поморцев]. Пушкин и масонство [главы из книги]. С. 270; Примечания. С. 300. – Библиография. С. 332. – Содержание. С. 333).

Угодник Божий Серафим. Второе издание. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1996. (*Составители: игумен Андроник Трубачёв, Александр Николаевич Стрижёв*). (По благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II). 464 с. (Содержание: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II при возвращении Церкви честных мощей преподобного Серафима Саровского в Казанском соборе 11 января 1991 года. С. 5. – **I. Житие:** Николай Мотовилов. Жизнь, подвиги и кончина Саровской пустыни иеромонаха и пустынножителя отца Серафима. С. 9. – *Иеромонах Сергей*. Из жизни старца Саровской пустыни. С. 22. – *Николай Елагин*. Душеспасительные беседы Старца. С. 31. – *Архимандрит Серафим [Чичагов]*. Кончина и погребение Старца. С. 36. – **II. Молитвенные правила преподобного Серафима Саровского.** С. 43. – **III. Духовные наставления преподобного Серафима Саровского мирянам и инокам и его беседа о цели христианской жизни.** С. 57. – **IV. Пророчества:** Об устройении Дивеевской Лавры. С. 117. – О прославлении мощей преподобного Серафима и приезде Царской Фамилии. С. 130. – О России. С. 132. – Об Антихристе. С. 145. – О нечестии духовных лиц и воскресении преподобного Серафима для проповеди всемирного покаяния. С. 153. – **V. Прославление:** Деяние Святейшего Синода 29 января 1903 года. С. 165. – Открытие и прославление мощей святого преподобного Серафима, Саровского чудотворца, в присутствии Их Императорских Величеств. С. 170. – *Князь Владимир Волконский*. Саровские торжества. С. 177. – Чудеса при открытии мощей преподобного Серафима Саровского. С. 182. – *Епископ Истринский Арсений*. Второе обретение мощей преподобного Серафима Саровского. С. 191. – Слово Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II перед общественностью Сарова 1 августа 1991 года. С. 196. – **VI. Дивеевские и саровские предания:** *Анна Тютчева*. Святой Серафим Саровский в Царской Семье. С. 203. – *Сергей Нилус*. Служка Божией Матери и Серафимов. С. 209. – *Монахиня Серафима [Булгакова]*. Дивеевские предания. С. 253. – *Схимонахиня Маргарита*. «Будет вам монастырь». С. 285. – *Монахиня Таисия*

[Арцыбушева]. Записки. С. 288. – **Литературный раздел:** Владимир Ильин. Огнь пополяющий. С. 317. – Протоиерей Сергей Булгаков. Угль пламенеющий. С. 320. – Антон Карташов. Историческая рама образу преподобного Серафима. С. 325. – Маргарита Сабашникова. Через духовное очищение. С. 329. – Сергей Нилус. Поездка в Саров. С. 332. – Евгений Поселянин. А Серафим? С. 352. – А. Трацевский. В Дивееве. С. 354. – Василий Розанов. По тихим обителям. С. 357. – Анатолий Попов. Воспоминания о Сарове. С. 377. – Александр Глинка-Волжский. В обители святого Серафима. С. 387. – Иван Шмелев. Милость преподобного Серафима. С. 392. – [Стихотворения]. С. 400. – Максимилиан Волошин. Поэма. С. 406. – Примечания. С. 435. – Содержание. С. 462–463).

Серафимово послушание: жизнь и труды Н.А. Мотовилова. [Сборник]. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря. 1996. 272 с.

1997

Белгородский Чудотворец. Житие, творения, чудеса и прославление святителя Иоасафа, епископа Белгородского. (Составление, подготовка текста и примечания А.Н. Стрижёва). М.: Белгородская и Старооскольская епархия; Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 1997. 288 с., ил. 16 с. (По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II). (Содержание: Слово святителя Иоасафа Белгородского о любви к Богу [1742]. С. 5. – **Житие:** Протоиерей А.И. Маляревский. Святитель Иоасаф, епископ Белгородский [1910]). С. 17. – Указ Святейшего Правительствующего Синода от 15 января 1755 года о погребении св. Иоасафа. С. 17. – Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа [Горленко]: Путешествие в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского. С. 38. – Предания о святителе Иоасафе Белгородском. С. 42. – Указы святителя Иоасафа Белгородского. С. 59. – Письма святителя Иоасафа Белгородского. С. 70. – **Чудотворения:** Чудотворения святителя Иоасафа Белгородского. С. 75. – **Прославление:** Послание Святейшего Синода возлюбленным о Господе чадам Православной Российской Церкви. С. 137. – Предстоящее торжество в Белгороде. С. 141. – К открытию святых

мощей святителя Иоасафа Белгородского. С. 143. – Об изображении святителя Иоасафа Белгородского на иконах. С. 147. – Рака и сень к мощам святителя Иоасафа Белгородского. С. 152. – *Протоиерей Петр Скубачевский*. Белгородские торжества. [Впечатления очевидца]. С. 154. – *Георгий Булгаков*. Белгородские торжества церковного прославления святителя и чудотворца Иоасафа 4 сентября 1911 года. [Воспоминания очевидца]. С. 163. – Речи участников торжественного собрания Всероссийского братства святителя Иоасафа 11 декабря 1913 г.: Речь протоиерея Философа Орнатского. С. 185. – Речь о. протопресвитера Георгия Шавельского. С. 187. – Речь высокопреосвященнейшего Владимира [Богоявленского], митрополита Санкт-Петербургского. С. 190. – Священник Иаков Тимофеев. Памятник во славу святителя Иоасафа [1915]. С. 192. – Надругательство над святыней: Свидетельствуют документы. С. 197. – **Свидельства очевидцев:** *Анастасия Цветаева*. О мощах святителя Иоасафа Белгородского [Горленко]. С. 205. – Рассказ Марьи Ивановны Сосниной. С. 206. – Свидетельство очевидца П.В. Максимова. С. 207. – **Второе прославление:** Второе обретение мощей святителя Иоасафа Белгородского. Документы и письма. С. 211. – **Александр Стрижёв**. Белгородские торжества 1991 года. С. 219. – Слово Святейшего Патриарха Алексия II в Преображенском соборе Белгорода в день памяти святителя Иоасафа 17 сентября 1991 года. С. 223. – **Литературный раздел:** *Надежда Кохановская*. Орлиная зоркость владыки [1864]. С. 229. – **Стихотворения:** *Семен Надсон*. Святитель [1882]. С. 239. – *Александра Платонова*. Святителю Иоасафу. С. 240. – *Александра Платонова*. Гимн святителю Иоасафу. С. 241. – *Екатерина Балясникова*. Святитель Иоасаф. С. 242. – *Екатерина Балясникова*. Чудо святителя Иоасафа. С. 243. – *Екатерина Балясникова*. Пред иконою святителя Иоасафа [1911]. С. 245. – *Священник П. Лебединский*. Два вечера в селе Киселеве. С. 246. – *Лидия Погожева*. Святитель Иоасаф. С. 248. – *Манефа Чоккой*. Памяти святителя Иоасафа [1911]. С. 250. – **А.Н. Стрижёв**. Примечания. С. 253. – **А.Н. Стрижёв**. Краткая летопись жизни святителя Иоасафа [Горленко]. С. 267. – **А.Н. Стрижёв**. Указатель печатных источников и литературы о святителе Иоасафе [Горленко]. С. 270. – Содержание. С. 282). [«В книге впервые за последние 80 лет с большой полнотой раскрывается жизненный путь Святителя, его творения и чудеса,

а также события, связанные с первым и вторым обретением нетленных мощей угодника Божия. В литературном разделе сборника представлены художественная проза и стихотворения, посвященные Белгородскому чудотворцу – целителю болящих, заступнику слабых и обездоленных»].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев: Сборник: [Посвящ. 90-летию со дня кончины]. (Составление, подготовка текста и комментарии А.Н. Стрижёва; Предисловие митрополита Вениамина (Федченкова)). М.: Отчий дом. 1997. 350, [1] с., [32] л. ил.

Ф.М. Достоевский и Православие. (Составление, примечания и библиография А.Н. Стрижёва). М.: Издательство «Отчий дом». 1997. (Православная Церковь и русская литература). 318 с. (Содержание: Митрополит Антоний [Храповицкий]. Краткие биографические сведения о Ф.М. Достоевском. С. 5. – Владимир Малагин. Достоевский и Церковь. С. 9; **Поминовение:** Протопресвитер Иоанн Янышев. Речь, сказанная во время отпевания Ф.М. Достоевского в Свято-Духовской церкви Александро-Невской Лавры, по прочтении Апостола и Евангелия. С. 33. – Архимандрит Иосиф. Речь, сказанная в Казанском соборе 5 февраля в присутствии членов Славянского благотворительного общества, пред панихидою в девятый день смерти Ф.М. Достоевского. С. 37. – Приват-доцент Иван Яхонтов. При поминовении Ф.М. Достоевского. С. 40. – Митрополит Антоний [Храповицкий]. В день памяти Достоевского. С. 45. – Протоиерей Философ Орнатский. О православии русского народа. С. 54; **Идеи и типы:** Митрополит Антоний [Храповицкий]. Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф.М. Достоевского. С. 67. – Митрополит Антоний [Храповицкий]. Ф.М. Достоевский как проповедник возрождения. [Главы из книги]. С. 104; **Мирозерцание:** Константин Мочульский. «Бесы». С. 177. – Николай Лосский. Достоевский и его христианское миропонимание. С. 217. – Сергей Фудель. Явление Христа в современности. С. 247; «Pro et contra»: Константин Леонтьев. О всемирной любви. [Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике]. С. 261. – Примечания. С. 298. – Библиография. С. 311. – Содержание. С. 317–318).

1998

Православная икона. Канон и стиль. К Богословскому рассмотрению образа. (А.Н. Стрижёв: *составление, подготовка текста, об авторах, библиография*). М.: Православный паломник: Глаголы жизни. 1998. 495 с. Рисунки священника Вячеслава Савиных. (Содержание: От составителя. С. 3. – **Иконопочитание**. Молитва перед началом иконописания. С. 7. – Догмат о иконопочитании. С. 8. – Посвящение. С. 10. – Како дом свой украсить Святыми образы и храм чист имети. С. 11. – Указ Царя Алексея Михайловича о запрете на неискusstное иконное художество. (1668 г.). С. 11. – *Преподобный Иосиф Волоцкий*. Почитая икону – почитаем первообраз. С. 13. – *Инок Григорий [Круг]*. О почитании икон. С. 18. – *Князь Евгений Трубецкой*. История русской иконы – история религиозной жизни России. С. 25. – *Протоиерей Сергей Булгаков*. Человек – живая икона Божества. С. 28. – *Князь Евгений Трубецкой*. Радость духовного рождения России. С. 28. – *Князь Евгений Трубецкой*. Духовная красота Русской земли. С. 30. – *Монахиня Иулиания [М.Н. Соколова]*. Икона – священный предмет. С. 31. – *Иван Снегирев*. Чудотворные, явленные, небошественные. С. 33. – *Монахиня Иулиания [М.Н. Соколова]*. Иконопись – искусство традиции. С. 36. – **Смысл и содержание иконы: Архимандрит Рафаил [Карелин]**. О языке православной иконы. С. 39. – *Леонид Успенский*. Смысл и содержание иконы. С. 88. – *Виктор Васнецов*. Божественный смысл икон. [I. О Русской иконописи. С. 121. – II. Иконопись в городских и сельских храмах. С. 136. – III. По поводу фабричной имитации образов. С. 139. – IV. Электричество в храмах. С. 140]. – *Князь Евгений Трубецкой*. Прообраз храмового человечества. С. 142. – *Протоиерей Сергей Булгаков*. Икона, ее содержание и границы. С. 143. – *Граф Владимир Комаровский*. Письмо об иконописи [о. Сергию Мечеву]. С. 150. – *Священник Павел Флоренский*. От образа – к первообразу. С. 160. – *Священник Павел Флоренский*. Канонический реализм иконы. С. 167. – *Леонид Денисов*. Каким требованиям должна удовлетворять православная икона? С. 176. – *Федор Буслаев*. Иконе чужда красота. С. 187. – *Князь Евгений Трубецкой*. Символика красок. С. 190. – *Князь Евгений Трубецкой*. Победа духа над беспросветной тьмой. С. 196. – *Священник Павел Флоренский*. Цвет и звук. С. 204. – *Священник*

Павел Флоренский. Потоки Божественного света. С. 207. – Священник Павел Флоренский. Смиренные и кроткие. С. 210. – Протоиерей Михаил Терпухов. О символических изображениях в иконографии. С. 213. – Монахиня Иулиания [М.Н. Соколова]. Одевание Пресвятой Богородицы. С. 214. – Монахиня Иулиания [М.Н. Соколова]. Символика изображений и одеяний ангелов. С. 215. – Священник Павел Флоренский. Иконные складки. С. 216. – **Икона и храм:** Князь Евгений Трубецкой. Икона и храм. С. 221. – Князь Евгений Трубецкой. Древнерусский храм. С. 223. – Князь Евгений Трубецкой. Храм – молитвенное горение к небесам. С. 224. – Леонид Успенский. Вопрос иконостаса. С. 228. – Священник Павел Флоренский. Иконостас – явление небесных свидетелей. С. 263. – **Мысли об отдельных иконах:** Преподобный Иосиф Волоцкий. Царский и ангельский образ Живоначальной Троицы. С. 267. – Инок Григорий [Круг]. Мысли о Святой Троице. С. 269. – Инок Григорий [Круг]. Мысли о боге Отце. С. 280. – Инок Григорий [Круг]. Об изображении Бога Отца в православной церкви. С. 283. – Инок Григорий [Круг]. И почи Бог в седьмой день. С. 291. – Инок Григорий [Круг]. Иисус Христос ветхий денми. С. 292. – Владимир Лосский. «Образ Бога и образ раба». С. 294. – Леонид Денисов. История подлинного Нерукотворенного образа Спасителя на основании свидетельства византийских писателей. С. 297. – Леонид Денисов. Нерукотворный образ Спасителя. С. 310. – Инок Григорий [Круг]. Нерукотворный образ. С. 314. – Инок Григорий [Круг]. Рождество Христово. С. 317. – Наталия Чугреева. «Слово плоть бысть» – икона Рождества Христова. С. 321. – Протоиерей Григорий Дробот. Фигура пастуха в иконе Рождества Христова. С. 329. – П. Павлович. Иконография Рождества Христова. С. 340. – Инок Григорий [Круг]. Крещение Господне. Богоявление. С. 346. – Инок Григорий [Круг]. Сретение Господне. С. 348. – Инок Григорий [Круг]. Вход Господень в Иерусалим. С. 351. – Наталия Чугреева. «Тридневен воскресл еси, Адама воздвиг от тли». С. 353. – Инок Григорий [Круг]. Об изобразимости Воскресения Христова. С. 360. – Инок Григорий [Круг]. Сошествие во ад. С. 361. – Ирина Шалина. Псковские иконы «Сошествие во ад». С. 362. – Инок Григорий [Круг]. Вознесение Господне. С. 366. – Инок Григорий [Круг]. Преображение Господне. С. 369. – Людмила Щенникова. О некоторых литературных источниках иконографии «Спас в Силах».

С. 373. – *Князь Евгений Трубецкой*. Иконопись Страшного Суда. С. 384. – *Н.В. Квливидзе*. Новгородская икона Софии Премудрости Божией. С. 387. – *Евгения Новосельская*. «Явилася еси Богородице...». С. 393. – *Инок Григорий [Круг]*. Иконы Матери Божией. С. 400. – *Князь Евгений Трубецкой*. Икона «О Тебе радуется, Обрадованная, всякая тварь». С. 401. – *Князь Евгений Трубецкой*. Всякое дыхание да славит Господа. С. 402. – *Инок Григорий [Круг]*. Рождество Пресвятой Богородицы. С. 407. – *Инок Григорий [Круг]*. Благовещение Пресвятой Богородицы. С. 409. – *Князь Евгений Трубецкой*. Икона «Покрова» Пресвятой Богородицы. С. 412. – *Инок Григорий [Круг]*. О двенадцятих праздниках. С. 413. – *Инок Григорий [Круг]*. День Святой Троицы. Пятидесятница. С. 415. – *Инок Григорий [Круг]*. Всемирное Воздвижение Креста Господня. С. 425. – *Инок Григорий [Круг]*. Стихира о Добром Пастыре. С. 427. – *Инок Григорий [Круг]*. Празднование всех святых. С. 428. – *Князь Евгений Трубецкой*. Роспись Царских врат. С. 430. – *Князь Евгений Трубецкой*. Икона Ильи Пророка. С. 437. – *Князь Евгений Трубецкой*. Святой Георгий Победоносец. С. 437. – *Князь Евгений Трубецкой*. Иконы Флора и Лавра. С. 438. – *Леонид Денисов*. Как писать икону Святого мученика Трифона? С. 440. – *Князь Евгений Трубецкой*. Икона Преподобного Сергия. С. 445. – *Князь Евгений Трубецкой*. Вселенная – как мир всей твари. С. 446. – **Приложение:** Словарь иконописца. С. 448. – Об авторах. С. 461. – Краткая библиография. С. 480. – Содержание. С. 489–495).

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (Составитель *А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 1998. 429 с.

Василий Акимович Никифоров-Волгин (1901–1941). Заутреня Святителей: Избранное. (Составитель *А. Стрижёв*). М.: Паломник: Глаголы жизни. 1998. 526 с., ил., портр. (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. Василий Акимович Никифоров-Волгин. Биографический очерк. С. 3–9. – *В.А. Никифоров-Волгин*. [Рассказы]: Заутреня Святителей. [Под Новый год]. С. 10. – Серебряная метель. С. 14. – Крещение. С. 23. – Канун Великого Поста. С. 29. – Великий Пост. С. 38. – Юродивый. С. 44. – «Торжество Православия». С. 52. – Зверь из бездны. С. 62. – Великая Суббота. С. 68. – Канун Пасхи. С. 74. – Плащаница. С. 80. – Двенадцать Евангелий.

С. 85. – В березовом лесу. С. 91. – Светлая заутреня. С. 97. – Солнце играет. С. 107. – Пасха на рубеже России. С. 114. – Иванушка. С. 116. – Радунца. С. 123. – Отдание Пасхи. С. 130. – Свет. С. 137. – Лесник Гордей. С. 140. – Алтарь затворенный. С. 145. – Причащение. С. 148. – Преждеосвященная. С. 154. – Крещение человека. С. 160. – Под колоколами. С. 168. – Весенний хлеб. С. 173. – Исповедь. С. 181. – Мати-пустыня. С. 188. – Молитва. С. 200. – Земля именинница. С. 207. – Вериги. С. 217. – Молнии слов светозарных. С. 222. – Сумерки. С. 228. – Архиерей. С. 236. – Тайнодействие. С. 250. – Странники. С. 257. – Икона. С. 264. – Яблоки. С. 271. – Певчий. С. 279. – Чаша. С. 287. – Древний свет. С. 291. – Гробница. С. 301. – На рубеже. С. 307. – Антихрист. С. 318. – Падающие звезды. С. 327. – Тревога. С. 336. – Святое святых. С. 342. – В школу. С. 350. – Митрошка. С. 357. – Родные огни. С. 367. – Ветер. С. 373. – Песня. С. 387. – Оскудение. С. 393. – Дорожный посох. С. 399. – **Приложение:** Литературные оценки произведений В. Никифорова-Волгина: *Сергей Нарышкин*. Певец Бога и земли. С. 469. – *Александр Перфильев*. В. Никифоров-Волгин. Земля именинница. С. 475. – Из письма Александра Амфитеатрова Вячеславу Иванову. С. 481. – *Александр Амфитеатров*. Тоска по Богу. С. 482. – *А.Н. Стрижёв*. Библиография. С. 499–524).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев: Сборник. [Посвящ. 90-летию со дня кончины]. (Составление, подготовка текста и комментарии *А.Н. Стрижёва*; Предисловие митр. Вениамина (Федченкова)). М., СПб.: Успенское подворье Оптиной пустыни (СПб.): Отчий дом. 1998. 350, [1] с., [32] л. ил. (Содержание: *Митр. Вениамин (Федченков)*). Вместо предисловия: Великий человек. Из книги «Отец Иоанн Кронштадтский». С. 5. – *Св. праведный Иоанн Кронштадтский. Отец Иоанн Кронштадтский о самом себе:* Автобиография. С. 14. – Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 г. С. 25. – **Воспоминания самовидцев:** *Игуменья Таисия [Солопова]*. Беседы о протоиерея Иоанна с настоятельницей Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумениею Таисиєю. С. 30. – *Священник Василий Шустин*. Из книги «Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах». Отец Иоанн Кронштадтский. С. 65. –

Епископ Михай [Алексеев]. К кончине отца протоиерея И.И. Сергиева. С. 74. – *Епископ Михай [Алексеев]*. Памяти отца Иоанна И. Сергиева [к 19 декабря 1910 года]. С. 76. – *Епископ Серафим [Чичагов]*. Слово перед панихидою в сороковой день кончины отца Иоанна Кронштадтского. С. 82. – *Протоиерей Павел Левитский*. Из книги «Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский». С. 92. – *Старец Силуан [Антонов]*. Из книги «Жизнь и поучения». Об отце Иоанне Кронштадтском. С. 108. – *Митрополит Нестор [Анисимов]*. Исцеление матушки. С. 109. – *Архиепископ Евдоким [Мещерский]*. Из книги «Два дня в Кронштадте». На литургии. С. 114. – *Н. Животов*. Из книги «Отец Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский, протоиерей Андреевского собора». Сила отца Иоанна Кронштадтского. С. 119. – *С. Животовский*. На Север с отцом Иоанном Кронштадтским. С. 127. – *В. Верховцева*. Воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском его духовной дочери. С. 205. – *Д. Озеров*. Отец Иоанн Кронштадтский. С. 227. – *А. Зыбин*. Из книги «Отец Иоанн Ильич Сергиев. Протоиерей, ключарь Кронштадтского Андреевского собора». День отца Иоанна. С. 224. – *Я. Зарницкий*. Путешествие о. Иоанна Кронштадтского по Шексне и Волге летом 1893 года. С. 257. – *Профессор И. Сикорский*. Отец Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский и его пребывание в Киеве. С. 278. – *С. Цветков*. Из книги «Отец Иоанн Ильич Сергиев [Кронштадтский] и чудодейственная сила его молитвы»: Поездка в Харьков. С. 291. – Исцеление пьяницы. С. 295. – Слепой певец. С. 309. – *С. Цветков*. Посещение отцом Иоанном Кронштадтским города Казани. С. 312. – *Р. Шемякина*. Светлой памяти почившей супруги отца Иоанна Елизаветы Константиновны Сергиевой. С. 320. – *А.Н. Стрижёв*. Комментарии. С. 327–335. – *А.Н. Стрижёв*. Библиография об отце Иоанне Кронштадтском. С. 336–348).

1999

Школа православного воспитания. (Составитель *А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 1999. 571, [4] с., ил., портр. (По благословию Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II). (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. Православная педагогика: страницы истории. С. 3–25. – Молитва перед уче́ньем. С. 26. – Молитва после уче́нья. С. 26. – Цветочки с духовного луга.

С. 27. – *Михайло Ломоносов*. Об узаконениях для гимназистов. С. 33. – *Александр Пушкин*. О народном воспитании. С. 37. – *Константин Победоносцев*. Народное просвещение. С. 47. – О преподавании Закона Божия. С. 59. – *Владимир Даль*. Письмо к издателю А.И. Кошелеву. С. 61. – *Алексей Кошелев*. Нечто о грамотности. [Письмо к В.И. Далю]. С. 87. – *Сергей Александрович Рачинский*. [Биографический очерк]. [На основе книги *Н.М. Горбова*]. С. 102. – *Сергей Рачинский*. Школьный поход в Нилову пустынь. С. 121. – *В. Пустошкин*. Педагогическая деятельность о. Иоанна Кронштадтского. С. 190. – Христианское воспитание детей. С. 233. – В чем лучшее наследство для детей. С. 293. – Как святитель Тихон обучал детей. С. 297. – Как старец Серафим Саровский любил и ласкал детей. С. 301. – *Митрополит Макарий [Невский]*. Ныне много знания, но мало воспитания. [Беседа в неделю 12-ю по Пятидесятнице]. С. 308. – *А. Кичигин, школьный учитель*. О религиозном воспитании детей в семье. С. 313. – *Митрополит Московский Иннокентий*. Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества. С. 340. – *Профессор П.И. Ковалевский*. Национальное воспитание [педагогические размышления]. С. 382. – *Протоиерей Сергей Четвериков*. О трудностях религиозной жизни. С. 430. – *Иван Ильин*. Русский учитель. С. 452. – *Архиепископ Лука [Войно-Ясенецкий]*. О воспитании детей. С. 455. – *Иеромонах Серафим [Роуз]*. Православное воспитание и окружающий мир. С. 468. – *Иван Шмелев*. Крест просвещения. С. 474. – *Поликсена Соловьева*. Димитрий Ростовский. Путь просвещения. С. 479. – *Надежда Манасеина*. Цветочный день. С. 494. – *Лев Модзалевский*. Приглашение в школу. С. 508. – *Аполлон Коринфский*. Детские годы. С. 509. – *Спиридон Дрозжин*. Первая борозда. С. 538. – В школе у дьячка. С. 540. – *Екатерина Тютчева*. Хвала Богу. С. 542. – *Надежда Веселовская*. Инициалы. С. 547. – *Антон Деникин*. Школа. С. 549. – Объяснительная записка к Программе преподавания Закона Божия в церковно-приходских школах. С. 560. – Молитвенное возношение сердца родителей за детей своих. С. 572. – Содержание. С. 574–575).

Подвиг старца Серафима: Житие. Воспоминания. Прославление. Образ Преподобного в поэзии. (Составитель сборника

Александр Стрижёв). М.: Паломник. 1999. 238, [1] с., ил., портр. [А.Н. Стрижёв. Дивеевская Пасха. С. 189–199].

А.С. Пушкин: путь к Православию. (*Составление, подготовка текстов, примечания А.Н. Стрижёва*). 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Отчий дом». 1999. 415 с., портр. (Православная церковь и русская литература). [Содержание: **А.Н. Стрижёв**. От составителя. С. 5–6; **И.М. Андреев**. [Андреевский]. А.С. Пушкин. [Основные особенности личности и творчества гениального поэта]. С. 7. – **В.А. Жуковский**. Письмо к С.Л. Пушкину [от 15 февраля 1837 г.] С. 69. – **Ф.М. Достоевский**. Пушкин. [Произнесено 8 июня 1880 г. в заседании Общества любителей российской словесности]. С. 86. – **Митрополит Анастасий [Грибановский]**. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. С. 114. – **Епископ Антоний [Храповицкий]**. Слово пред панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г. С. 183. – **Епископ Антоний [Храповицкий]**. Пушкин как нравственная личность и православный христианин. С. 198. – **Протоиерей Иоанн Восторгов**. Памяти А.С. Пушкина Вечное в творчестве поэта. С. 218. – **Архиепископ Никанор [Бровкович]**. Беседа в Неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра [поэта Пушкина], по истечении пятидесятилетия по смерти его. С. 238. – **Архимандрит Константин [Зайцев]**. Жив ли Пушкин? (1837–1962). С. 269. – **И.А. Ильин**. Пророческое призвание Пушкина. С. 281. – **В. Лепяхин**. «Отцы пустынноики и жены непорочны...». [Опыт построчного комментария]. С. 313. – **Борис Башилов**. [М.А. Поморцев]. Пушкин и масонство [главы из книги]. С. 331. – **А.Н. Стрижёв**. Примечания. С. 363–408; **А.Н. Стрижёв**. Библиография. С. 409–413).

О цели Христианской жизни: Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели Христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым: Из рукописных воспоминаний Н.А. Мотовилова: С приложением богословских толкований «Беседы». (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 1999. 254 с.

А.Н. Стрижёв, Д.П. Зуев, А.А. Кощеев и др. Большая книга леса: Календарь русской природы. Лесные травы. Дары русского леса. Лесная кулинария. Лесная косметика: [Сборник]. (Составитель **А.Н. Стрижёв**). М.: ОЛМА-Пресс. 1999. 831 с., [32] л. цв. ил., табл. (Природные секреты здоровья и красоты). (Содержание: **А.Н. Стрижёв**. Царство природы – ждет вас. С. 13. – **А.Н. Стрижёв**. Календарь русской природы. С. 16. – **А.Н. Стрижёв**. Лесные травы. С. 178. – **Д.П. Зуев**. Дары русского леса. С. 272. – **А.А. Кощеев, А.К. Кощеев**. Лесная кулинария. С. 432. – **Л.М. Молодожжникова, О.С. Панова, В.Ф. Сотник**. Лесная косметика. С. 644. – Приложения. С. 816–831).

Сергей Александрович Нилус. Полное собрание сочинений: в 6 томах. (Составление и общая редакция – **А.Н. Стрижёв**). М.: Паломник, 1999–2006. (**А.Н. Стрижёв**. [Аннотация]: «Полное собрание сочинений выдающегося духовного писателя Сергея Александровича Нилуса (1862–1929) в шести томах включает все его произведения, как выходившие отдельными изданиями, так и те, что рассыпаны в периодике. В приложениях к томам собраны материалы, дополняющие излагаемое автором, и наиболее важные толкования текстов. Заключительный шестой том будет содержать публикации биографического характера, раскрывающие уникальный жизненный путь С.А. Нилуса, а также характеристики людей из его окружения. Завершит том подробная библиография произведений писателя и литературы о нем. Все книги этого издания снабжены редкими снимками. Подобного собрания сочинений С.А. Нилуса еще не предпринималось, и наше начинание закладывает основание для всестороннего освоения наследия талантливого представителя отечественной духовной литературы»).

Том 1. Великое в малом. Записки православного. («Отцу Иоанну Кронштадтскому с чувством благоговейной признательности посвящает автор»). (Составление и общая редакция **А.Н. Стрижёва**). М.: Паломник. 1999. 800 с. (Содержание: **С.А. Нилус**. Великое в малом. С. 7–511; **Приложение**: Паша, Саровская юродивая. [Полное жизнеописание подвижницы]. С. 515. – **Священник Вл. Тенищев**. Из воспоминаний о Серафимо-Дивеевской старице Наталии. С. 533. – Беседа Преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни. [Предисловие и два послесловия С.А. Нилуса].

С. 551. – **Богословские толкования:** «Беседы преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни»: *Архиепископ Вениамин [Федченков]*. Откровение Преподобного Серафима. С. 607. – *Н.[П]. П[опов]*. Богословское рассмотрение «Беседы Преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни». С. 617. – *Преподобный Макарий Египетский*. О сокровище христиан, т.е. о Христе и о Духе Святом, различными способами ведущем их к достижению совершенства. С. 654. – *И.М. Концевич*. Стяжание благодати Божией. С. 661. – *М.А. Новоселов*. Свидетельства о Духе Святе. С. 668. – *Протоиерей Георгий Флоровский*. Подвиг и радость. С. 689. – *Преподобный Силуан Афонский*. О несозданном Божественном свете и образах созерцания его. – О Богоподобном бесстрастии. – Об органическом пути к бесстрастию. – О мраке совлечения. С. 692. – *Архиепископ Нафанаил [Лвов]*. Влияние Преподобного Серафима в Русской церковной истории. С. 707. – *Иеромонах Серафим Роуз*. Бог есть Огонь. С. 715. – *Протоиерей Валентин Свенцицкий*. Предречение о временах последних. С. 718. – *В.Н. Лосский*. Дары Святаго Духа. – Богословие света. С. 730. – *Епископ Варнава [Беляев]*. О святости. С. 753. – *Профессор И.М. Андреевский*. Заветы великого молитвенника Земли Русской. С. 769. – Письмо Н.А. Мотовилова Императору Николаю I. С. 775. – *Е.И. Мотовилова*. Из воспоминаний о муже Николае Александровиче. С. 787. – Содержание. С. 796–799).

А.Н. Муравьев. Русская Фиваида на Севере: (Об обителях, построенных учениками и последователями преп. Сергия Радонежского). (Публикация – *Стрижёв А.Н.*). М.: Паломник. 1999. 526 с., (16) л. ил. [*А.Н. Стрижёв*. Андрей Николаевич Муравьев: Биографический очерк. С. 5–20. – Библиография А.Н. Муравьева].

Леонид Федорович Зуров. Обитель. Повести, рассказы, очерки, воспоминания. (Составление, предисловие, библиография – *А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 1999. 624 с. (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. Леонид Федорович Зуров. Биографический очерк. С. 3. – Л.Ф. Зуров: Отчина. Повесть о древнем Пскове. С. 11. [Малая обитель. С. 11. – Игумен Корнилий. С. 25. – Осада Пскова. С. 51. – Послесловие. С. 83]. – Обитель. С. 91. – Смерть князя Даниила. С. 127. – Русская повесть. С. 146. – Кадет. Повесть.

С. 172. – Град. С. 317. – Ксана. С. 328. – Гуси-лебеди. С. 336. – Молодость. С. 352. – Первый, второй. С. 371. – Московское. С. 384. – Ванюшины волосы. С. 392. – Три горшка. С. 401. – Город. С. 404. – Последний поход. Памяти В.И. Аничкова. С. 423. – Выручка. С. 450. – Взгрустнулось. С. 469. – В соборе. – С. 476. – Молебен на передовой. С. 483. – На кургане. С. 490. – Зелень, солнце, облака. С. 501. – Тот уголок земли. С. 505. – О городе и крепостце Санктптербург. С. 514. – Воспоминания. С. 530. – Монах-иконописец Г.И. Круг. С. 548. – **Приложение:** Иван Бунин. Леонид Зуров. С. 561. – Николай Андреев. «Отчина» и ее автор. С. 563. – Тамара Величковская. О Леониде Федоровиче Зурове. С. 567. – В. Кудрявцев. Дома и в лодке с Леонидом Зуровым. С. 591. – **А.Н. Стрижёв.** Библиография Л.Ф. Зурова. С. 616. – Содержание. С. 622–623). [А.Н. Стрижёв: «В сборнике впервые объединены лучшие произведения замечательного русского православного писателя Леонида Федоровича Зурова (1902–1971), написанные им в изгнании и долгое время остававшиеся недоступными в России. Среди его творений особое место принадлежит циклу прозы, посвященному героическому прошлому Псково-Печерского монастыря. Повести, рассказы, очерки, воспоминания писателя талантливо поведают о людях, любящих свое Отечество и свою веру Православную. Эта книга придется по душе благочестивым и любознательным читателям. Рассчитана на всех, кто интересуется лучшими созданиями русских прозаиков XX века»].

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. М.: Паломник. 1999. (Составление – А.Н. Стрижёв). 432 с. (По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II). (Содержание: **Молитвы разные о детях: О счастливом браке:** Святым Петру и Февронии Муромским. С. 5. – Святому апостолу Симону Зилоту. С. 6. – **Акафист** святым мученикам и исповедникам Гурию, Самону и Авиву. С. 8. – **Акафист** святым и праведным Богоотцем Иоакиму и Анне. С. 28. – **О целомудрии и благополучном замужестве дочерей:** Святой великомученице Екатерине. С. 46. – Молитва святителю Николаю, архиепископу Мир Ликийских, Чудотворцу. С. 47. – Праведному Филарету Милостивому. С. 48. – **О рождении здоровых детей:** Молитва супругов при бракосочетании. С. 50. – Молитва супругов, детей не имеющих.

С. 51. – Молитвенное воздыхание жены во время беременности. С. 52. – Святым праведным Богоотцем Иоакиму и Анне. С. 54. – Молитва жене, егда извержет младенца. С. 55. – Молитва пред иконою Пресвятыя Богородицы, именуемую «Целительница». С. 56. – **Акафист** Пресвятой Владычице нашае Богородице явления ради чудотворной иконы Ея Феодоровской. С. 58. – **О здравии младенцев:** Ежедневные молитвы о чадах. С. 82. – Молитва Божией Матери Млекопитательнице. С. 83. – Молитва святому праведному Симеону Богоприимцу. С. 85. – Молитвы в первый день по рождению дитяти. С. 86. – Молитва при наречении имени дитяти в восьмой день по его рождении. С. 89. – Молитвы родительнице по прошествии сорока дней. С. 90. – Молитва матери отроchte. С. 91. – Молитва поименованному отроchte. С. 92. – Молитва о чадах. С. 94. – Молитва Ангелу Хранителю. С. 94. – Молитва иная Ангелу Хранителю. С. 95. – **В болезнях младенцев:** Молитва святой мученице Параскеве, нареченной Пятнице. С. 96. – **О покровительстве детям и об их исцелении:** Молитва праведному Симеону Богоприимцу. С. 98. – **При порче детей и об исцелении младенцев от «родимца»:** Великомученику Никите. С. 99. – **О просвещении разума:** Молитва перед началом обучения дитяти. С. 101. – Молитва перед учением. С. 102. – Молитва после учения. С. 102. – Молитва о детях, которым трудно дается учение. С. 103. – **Акафист** Пресвятой Богородице перед иконой Ея «Воспитание». С. 104. – Молитва преподобному Сергию Радонежскому. С. 118. – Молитва святой блаженной Ксении Петербургской. С. 119. – **Молитвы о развитии ума детей в учении:** Мученику Неофиту. С. 121. – Преподобному Сергию, игумену Радонежскому. С. 122. – Безсребреникам и чудотворцам Косме и Дамиану. С. 124. – Молитва об отроке неудобоучащемся. С. 126. – Молитва после окончания учения. С. 127. – **В печали родительского сердца о детях – Где они и живы ли?** Великомученику Евстафию Плакиде. С. 128. – Преподобным Ксенофонту и супруге его Марии. С. 129. – Молитва родителей о детях, находящихся на службе в армии. С. 129. – **Об охранении жизни воинов на поле брани:** Великомученику Георгию Победоносцу. С. 131. – Псалом 90-й. С. 133. – **Молитвы некоторым святым о путешествующих:** Святителю Николаю. С. 134. – Преподобным Кириллу и Марии, родителям преподобного Сергия Радонежского. С. 136. – Святому великомученику Проко-

пию. С. 137. – Святым сорока мученикам Севастийским. С. 138. – О путешествующих. С. 139. – Молитва ко Пресвятой Богородице «Скоропослушнице». С. 140. – **Об обращении заблудшего:** Молитва к Божией Матери (святителя Гавриила Новгородского). С. 142. – **О благосостоянии детей в обществе:** Воздыхание матери о своих детях. С. 143. – **Акафист благодарственный** «Слава Богу за все». С. 148. – Призывание помощи Духа Святого на всяко дело добро. С. 164. – Благодарение за всякое благодеяние Божие. С. 165. – Молитва святителю Митрофану, епископу Воронежскому. С. 166. – **Молитвы, чтимые в печали: Молитвы за ближних:** О умножении любви и искоренении ненависти и всякой злобы. С. 171. – Молитва о примирении враждующих. С. 172. – О ненавидящих и обидящих нас. С. 172. – Молитва за неверующих, гонителей и презрителей веры. С. 173. – **Акафист** Всемогущему Богу в нашествии печалей. С. 174. – **Молитвы за болящих:** Молитва святителю Спиридону Тримифунтскому. С. 192. – Молитва об исцелении больного. С. 194. – Молитва в болезни. С. 195. – Молитва болящей. С. 196. – Молитва об исцелении. С. 196. – Молитва во время повальной болезни. С. 197. – Молитва от недуга, скорби. С. 198. – Молитва благодарственная, святого Иоанна Кронштадтского. С. 199. – Молитва о том, чтобы ухаживать с любовью за болящими. С. 199. – **Канон, чтимый за болящего.** С. 201 – **Акафист** Пресвятой Богородице ради чудотворной Ея иконы «Всецарица» («Пантанасса») (имеющей особую благодать помогать страждущим от рака). С. 213. – Молитва пред иконою Пресвятыя Богородицы, именуемой «Взыскание погибших» или «Избавление от бед страждущих». С. 231. – Молитва святой великомученице Варваре. С. 233. – **От воздействия темной силы, исходящего через колдунов и экстрасенсов:** Священномученику Киприану и мученице Иустине. С. 235. – **Об исцелении от запоя: Акафист** святому мученику Вонифатию. С. 236. – **Акафист** Пресвятой Богородице ради чудотворной Ея иконы «Неупиваемая чаша». С. 263. – **Молитвы за усопших:** Молитва родителей за детей. С. 282. – Моление о упокоении православных воинов, за Веру и Отечество на брани убиенных. С. 285. – Святым Ксенофонту и Марии. С. 289. – Святым мученикам Евстафию Плакиде и Евфимии. С. 289. – Молитва за некрещеных младенцев. С. 291. – Домашняя молитва матерей за детей мертворожденных и некрещеных. С. 291. – **Акафист**

покаянный жен, загубивших младенцев во утробе своей. С. 292. – Молитва ко Пресвятой Владычице Богородице. С. 311. – Молитва верующей матери к Милосердному Господу о сознательно загубленных душах во утробе своей. С. 312. – Святому праведному Иоанну Кронштадтскому. С. 313. – **Наставления молящимся: Н.Е. Пестов.** Дети и родители – одно целое. С. 317. – Молитва. С. 323. – Ограждение детей от соблазнов мира. С. 341. – Ограничение развлечений. С. 348. – Молитва родителей о детях – залог успеха воспитания. С. 358. – Молитва о детях. С. 369. – *Святитель Игнатий [Брянчанинов].* О внимании при молитве. С. 370. – *Протоиерей Иаков Ктитареv.* Детство и храм. С. 374. – *Из писем Оптинского старца Амвросия.* О христианском воспитании детей. С. 385. – О разборчивом чтении духовных книг. С. 390. – Отношение чад к родителям. С. 397. – Уча детей, должно от них учиться. С. 400. – Содержание. С. 418).

С.А. Нилус. О цели христианской жизни: Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели христианской жизни с Н.А. Мотовиловым. Из его рукописных воспоминаний. (С приложением богословских толкований «Беседы»). М.: Паломник. 1999. 254 с.

Мefодий (Герасимов М.Л.), архиепископ. О знамении обновления святых икон. (Составитель А.Н. Стрижёв). М.: Паломник. 1999. 270 с.

2000

Схиигумен Савва [Остапенко Николай Михайлович, схиигумен Псково-Печерского монастыря (1898–1980)]. Опыт построения истинного мирозерцания. Жизнеописание. Проповеди. Поучения. Воспоминания духовных чад. (Составление, жизнеописание, подготовка текста, краткая библиография – А.Н. Стрижёв). М.: Паломник. 2000. 927 с. (Содержание: **Александр Стрижёв.** От составителя. С. 3. – **Жизнеописание Схиигумена Саввы, старца Псково-Печерской обители [Текст подготовил А.Н. Стрижёв]:** [Ранние годы. С. 6. – В мирском водовороте. – С. 10. – Троице-Сергиева Лавра. С. 17. – Приезд старца Псковско-Печерской Свято-

Успенской обители. С. 26. – Под державным покровом Богородицы. С. 36. – Продолжение подвигов спасения ближних. С. 47. – Последние годы жизни и кончина старца. С. 59]. – **Отделение I.** Путь к совершенной радости. С. 63. – Семена слова для нивы Божией. Поучения с амвона. С. 116. – **Отделение II.** Поучения на воскресные дни. С. 164. – **Отделение III.** Поучения на праздники Богородичные. С. 198. – **Отделение IV.** Поучения на дни святых. С. 226. – **Отделение V.** Поучения на святую Четыредесятницу. С. 310. – **Отделение VI.** Поучения на разные места Священного Писания. С. 362. – Краткое описание Псково-Печерского монастыря. С. 424. – Ответ на вопросы о монашестве. С. 472. – О главных христианских добродетелях и гордости. [Ответ другу Д. на его письмо. С. 517. – Предисловие. С. 518. – Гордость. С. 520. – Смирение. С. 536. – Любовь Христова. С. 563. – Милосердие. С. 597. – Путь к спасению. С. 644. – Плоды истинного покаяния. С. 671. – Правила христианской жизни. С. 737]. – Духовные завещания. С. 740. – Воспоминания о духовном отце схиигумене Савве. С. 748. – Краткая библиография изданных творений схиигумена Саввы. С. 919).

Лесные ягоды: Сборник. (Справочное издание). (Составитель А.Н. Стрижёв). М.: ОЛМА-Пресс. 2000. 160 с., цв. ил. (Энциклопедия в кармане). [Печатается по изданию: Д.П. Зув. Дары русского леса. 5-е изд. М.: ЛП. 1988].

Православное детство: Сборник душеполезных рассказов. (Составитель Александр Стрижёв). М.: Паломник. 2000. 383 с., ил. (Содержание: Софья Самуилова. Из детских лет. С. 3. – Протоиерей Леонид Архангельский. Летопись села Русалкина. С. 91. – Иустин Малеин. Устинушка. С. 117. – Сергей Нилус. Митроша-затворник. С. 263. – Монахиня Серафима [Осоргина]. Сережа Старк. С. 276. – Монахиня Варвара. Рождество Христово – детство золотое. С. 317. – Василий Никифоров-Волгин. Крещение. С. 325. – Сергей Аксаков. Солнышко играет! С. 330. – Сергей Бехтеев. Мое исцеление. С. 335. – Леонид Зуров. Град. – Александр Стрижёв. Церковный переулочок. С. 351–358. – Надежда Аксакова. Из детских воспоминаний о преподобном Серафиме. С. 359. – Содержание. С. 383).

Акафист преподобному Александру Свирскому. Житие. М.: Паломник. 2000. (*Составление – А.Н. Стрижёв*). 64 с. [*А.Н. Стрижёв*. Одушевленный столп Церкви Христовой. Житие св. Александра Свирского]. С. 3–13.

Записки и письма Леушинской игумении Таисии [Марии Васильевны Солоповой (1840–1915)]. (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2000. 432 с. (Содержание: *Протопресвитер Александр Дернов*. Предисловие к изданию Леушинского монастыря 1916 года. С. 5. – Записки игумении Таисии. С. 8. – Беседы святого праведного Иоанна Кронштадтского с настоятельницей Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря игуменией Таисией. С. 213. – Письма настоятельницы Леушинского монастыря игумении Таисии к новоначальной инокине о главнейших обязанностях иноческой жизни. С. 279. – Сурская женская обитель во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. С. 373. – Письма игумении Таисии к отцу Иоанну Кронштадтскому. С. 413–430).

С.А. Нилус. Полное собрание сочинений: в 6 томах. Том 2. Сила Божия и немощь человеческая. Записки игумена Феодосия и другие повести. (*Составление и общая редакция А.Н. Стрижёва*). М.: Паломник. 2000. 848 с. (Содержание: *С.А. Нилус*. Сила Божия и немощь человеческая. Записки игумена Феодосия и другие повести. С. 7–460. – Христос воскрес! С. 461. – Вражья сила. С. 473. – Марко Фраческий. С. 506. – Повесть о пяточисленных молитвах. С. 525–534. – *Игумен Мануил. [В схиме Серафим]*. Автобиография, составленная С.А. Нилусом по материалам, собранным послушником Саввою Буренком. С. 537–709. – Извлечение из келейных записок послушника Саввы Буренко. Приложение к автобиографии игумена Мануила. С. 710. – **Вместо послесловия:** В скиту Пречистая. Фрагменты из «Воспоминаний» кн. Н.Д. Жевахова. С. 734. – Для чего нужны православные монастыри? С. 763. – Записки монахини Иларионы Лихаревой. С. 777. – **Приложение:** [*А.Н. Стрижёв*]. От составителя. Биографическая справка: Даниил [Дмитрий Михайлович Болотов, 1837–1907] – иеромонах, живописец. С. 813–816. – *Иеромонах Даниил [Болотов]*. Дневниковые записки. С. 817–841. – Содержание. С. 842–847).

С.А. Нилус. Полное собрание сочинений: в 6 томах. Том 3. Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. (Составление и общая редакция А.Н. Стрижёва). М.: Паломник. 2000. 735 с. (Содержание: С.А. Нилус. Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. С. 7–400. – Корень зла: истинная болезнь России. С. 403–476. – Речь С.А. Нилуса в Мценском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности. С. 477. – Сказание о чудотворной Божией Матери Ея Иверского явления и о чудотворной Ея иконе Иверской, что в Богородичном Иверском Валдайском монастыре Новгородской епархии. [К 250-летию пребывания Святой Иконы в Валдайском монастыре, исполнившемуся 16 декабря 1906 года]. С. 509. – Звезды пустыни. Житие Святого Преподобного отца нашего Онуфрия Великого и с ним некоторых иных святых пустынножителей. [Память 12-го июня]. Повесть, записанная Преподобным Пафнутием, египетским пустынником. С. 545. – **Приложение:** Оптинские письма Святителя Игнатия Брянчанинова к разным лицам: А.Н. Стрижёв. От редактора. С. 589–597. – **Письма Святителя Игнатия:** [П.А. Брянчанинову. С. 598. – Н.Н. Муравьеву-Карскому. С. 605. – Батюшке о. Макарию Оптинскому. С. 614. – Батюшке о. Макарию Оптинскому. С. 616. – Желание переселиться в Оптину Пустынь из Сергиевой обители и другие вопросы. С. 617. – Батюшке о. Макарию Оптинскому. С. 618. – Варфоломею, игумену Белобережскому. С. 619. – О нравственной трудности в своей жизни, мнение о монастырях, Оптинском старце Макарии и о духе того времени. С. 620. – О вновь вышедшей книге: «Житие и Писания Молдавского Старца Паисия Величковского». О Иисусовой молитве. С. 623. – О книге Николая Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». С. 627. – О кончине о. Макария Оптинского. С. 629. – Об о. Макарии Оптинском. С. 630]. – О последних днях страданий, кончине и погребении Оптиной пустыни духовника и начальника Скита иеросхимонаха Илариона [Пономарева], в Бозе почившего 18 сентября 1873 года. Составлено для своих келейных воспоминаний о Старце очевидцем, монахом Порфирием. С. 633. – [Дни памяти почившего Старца. С. 675. – Надгробный плач. С. 676. – Прибавления. С. 683. – Письмо Н. Розен, духовной дочери Старца. С. 688]. – Иноку Святых Афонских Горы показано в бывшем ему видении, что молитвами Божией Матери души умерших переходят

свободно чрез пропасть, находящуюся пред входом в Небесныя Обители. С. 691. – Кончина праведника. Письмо Пилатовой жены Клавдии о Спасителе к бывшей ее подруге Фульвии. С. 709. – Содержание. С. 727–734).

Акафист блаженной старице Матроне. Житие. М.: Паломник. 2000. (*Составление – А.Н. Стрижёв*). 64 с. (По благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II). [*А.Н. Стрижёв*. Житие блаженной старицы Матроны. С. 3–29].

2001

Всероссийский батюшка Иоанн. Воспоминания о встречах и путешествиях со святым праведным Иоанном Кронштадтским, с прибавлением богословских рассмотрений его учения. (*Составление, текст – А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2001. 320 с., портр., ил. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. От составителя. С. 3–6. – *Д.А. Арапова*. Жизнь отца Иоанна Кронштадтского. С. 7. – *Мария Жеребцова*. У источника благодати, добра и милосердия. С. 54. – *Александр Круглов*. Всея России молитвенник. С. 79. – *Диакон Петр Орлов*. Под северным небом. С. 98. – *Александра Нарцизова*. Поездка в Горицы. С. 115. – *Е. Светова*. Из воспоминаний. С. 136. – *Сергей Бехтеев*. Мое исцеление. С. 141. – *Сергей Бехтеев*. «Бесноватая». С. 145. – *Священник Иоанн Ведринский*. Радостные дни в Софрониевой пустыни. С. 149. – *Екатерина Духонина*. На пути спасения. С. 164. – **Венок на могилу отца Иоанна: Александр Круглов**. Во дни скорби. С. 200. – *Сергей Бехтеев*. Памяти отца Иоанна Кронштадтского. С. 202. – *Сергей Бехтеев*. Скорбь России. С. 203. – *Протоиерей Иоанн Восторгов*. Светильник на всю Россию. С. 205. – *Игумен Константин [Зайцев]*. Духовный облик протоиерея отца Иоанна Кронштадтского. С. 216. – *Протоиерей Сергей Четвериков*. Пастырский облик отца Иоанна. С. 278. – *А.Н. Стрижёв*. Об авторах. С. 311–314. – *А.Н. Стрижёв*. Библиография. С. 315–317).

О цели христианской жизни: Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели христианской жизни

с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым: Из рукописных воспоминаний Н.А. Мотовилова: С приложением богословских толкований «Беседы». (Составитель А.Н. Стрижёв). М.: Паломник. 2001. 254 с.

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (Составитель А.Н. Стрижёв). М.: Паломник. 2001. 429 с.

Василий Акимович Никифоров-Волгин. Заутреня Святителей: Избранное. (Составитель А.Н. Стрижёв). М.: Паломник. 2001. 526, [1] с., ил., портр.

Серафимо-Дивеевские предания: Житие. Воспоминания. Письма. Церковные торжества. (Составление, подготовка текста и примечания А.Н. Стрижёва). М.: Паломник. 2001. 590, [1] с., [16] л. ил., портр.

Акафист святой преподобной благоверной Анне Кашинской; Житие. (Составитель А.Н. Стрижёв). М.: Паломник: Приход Покрова Пресв. Богородицы. 2001. 61, [2] с.

Сергей Нилус. Звезды пустыни. М.: Изд-во «Отчий дом». 2001. 255 с. (Составление, предисловие и примечания – А.Н. Стрижёв). (Содержание: **А.Н. Стрижёв**. Коротко о книге и ее авторе. С. 4–6; **Сергей Нилус**. Звезды пустыни. Разделы: Житие святого преподобного отца нашего Онуфрия Великого и с ним некоторых иных пустынножителей. С. 7. – Один из тех немногих, кого весь мир недостоин. Блаженный Христа ради юродивый священник отец Феофилакт Авдеев. С. 41. – Игумен Мануил [в схиме Серафим, основатель Рождество-Богородичного монастыря в Церковщине под Киевом и Свято-Георгиевского скита близ г. Умани Киевской губернии]. С. 73. – Примечания. С. 252–255).

Иван Сергеевич Шмелев. Душа Родины. Рассказы и воспоминания. (Составитель А.Н. Стрижёв, вступ. статья А.М. Любомудрова). М.: Паломник. 2000. 560 с. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (Содержание: **А.М. Любомудров**. Духовный путь Ивана Шмелева. С. 5. – **Иван**

Шмелев. Рассказы и воспоминания: Свет разума. С. 31. – Весенний плеск. С. 59. – Куликово поле. С. 66. – Крестный ход. С. 135. – Золотая книга. С. 140. – Город-призрак. С. 142. – Милость преп. Серафима. С. 150. – Старый Валаам. С. 168. – Душа Родины. С. 323. Русское дело. С. 341. – Небывалый обед. С. 349. – Лампадочка. С. 366. – Рождество в Москве. С. 381. – Свет. С. 404. – Еловые лапы. С. 414. – Угодники Соловецкие. С. 422. – Приятная прогулка. С. 433. – **Приложение:** *Серафим, архиепископ Чикагский и Детройтский*. Бытописатель русского благочестия. С. 457. – *Ксения Деникина*. Иван Сергеевич Шмелев. С. 465. – *А. Зернин*. У Шмелева в Женеве. С. 481. – *Владислав Маевский*. Шмелев в воспоминаниях. С. 483. – *М.С. Рославлев*. Из личных воспоминаний об И.С. Шмелеве. С. 504. – *Антон Карташев*. Религиозный путь И.С. Шмелева. С. 511. – *Елена Охотина-Маевская*. Шмелев и «Пути Небесные». С. 535. – **А.Н. Стрижёв**. Книги И.С. Шмелева, вышедшие за рубежом. [Краткая библиография]. С. 553–557).

2001–2007

Игнатий (Брянчанинов Дмитрий Александрович; епископ Кавказский и Черноморский; 1807–1867). Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова / (Составление и общая редакция – *А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2001. (Т. 1. 2001. (ПФ «Красный пролетарий»). 623 с., портр.; Т. 2. 2001. 639 с., портр.; Т. 3. 2002. 607 с., портр., факс.; Т. 4. 2002. 783 с., портр.; Т. 5. 2003 (Тип. АО «Молодая гвардия»). 718, [1] с., факс.; Т. 6. 2004. (ОАО «Яросл. полигр. комб.»). 799 с., факс.). (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (*Аннотация*. [Том 1]: «Творения святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867) – духовная сокровищница Русской Православной Церкви, любимое чтение благочестивых людей. За великие труды на Божией ниве Христовой этот знаменитый подвижник и писатель-аскет по праву назван Игнатием – Новым Богоносцем. Издательство “Паломник” взяло на себя ответственную инициативу по выпуску Полного собрания творений святителя Игнатия, в котором впервые с исчерпывающей полнотой будет представлено творческое наследие великого служителя Церкви и даровитейшего духовного писателя. В разделе “Приложение” читатели впервые познакомятся с новыми

текстами творений Святителя, с архивными документами, значительно дополняющими его жизнеописание, а также с большим числом неопубликованных писем Преосвященного к разным лицам, весьма важных и поучительных. Будут представлены здесь также ценные воспоминания современников о святителе Игнатии, в которых живо представлен образ этого смиренного и деятельного наставника монашествующих и всех православных. Все издание рассчитано на семь крупных томов. Срок их выпуска в свет – ближайшие два года»).

Том 1. Содержание: *А.Н. Стрижёв*. От составителя. С. 3–6. – Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками в 1881 году. С. 9. – *Игнатий (Брянчанинов)*: Аскетические опыты. С. 75. – **Приложение:** *Игнатий (Брянчанинов)*. Слово о человеке. (Подгот. к печати – иеросхимонах Исаия (Белов)). С. 531. – **Воспоминания о Святителе Игнатии:** Из рукописи Михаила Васильевича Чихачова. С. 595. – Из записок Михаила Васильевича Чихачова. С. 597. – *Александра Купреянова*. Из семейных воспоминаний. С. 602. –

Том 2. Аннотация: «Второй том Полного собрания творений святителя Игнатия содержит значительное количество впервые публикуемых текстов, что позволит благочестивым читателям полнее представить размеры его плодотворной епископской деятельности в труднейших условиях кавказской действительности. Несомненно, читательский интерес вызовут материалы, раскрывающие церковные взгляды епископа Игнатия на подготовку крестьянской реформы по отмене крепостной зависимости и возникшей в связи с этим полемической критикой радикалов. Историко-литературные разыскания показывают как твердо и решительно святитель Игнатий отстаивал истину в исключительно тяжелое для России время. В томе публикуются также документы, относящиеся к перемещению епископа Игнатия в Николо-Бабаевский монастырь. / Публикуется вторая часть капитального труда Святителя “Аскетические опыты”». **Содержание:** *Игнатий (Брянчанинов)*: Аскетические опыты. С. 3. – **Приложение:** Архипастырские воззвания по вопросу освобождения крестьян от крепостной зависимости. С. 393. – *А.М. Любомудров*. Святитель

Игнатий Брянчанинов в полемике с либеральной интеллигенцией о христианском понимании свободы. С. 446. – Святитель Игнатий на Кавказской кафедре. С. 465. – Кончина Святителя Игнатия. С. 613. –

Том 3. Аннотация: «Третий том Полного собрания творений святителя Игнатия включает его знаменитый богословский трактат “Слово о смерти” – труд по общему признанию выдающийся. В разделе “Приложение” впервые публикуются архивные тексты, созданные Святителем в пору служения его благочинным Санкт-Петербургской епархии, и созданы эти тексты были непосредственно в северных монастырях или сразу же после их посещения. Каждая страница, написанная рукою великого подвижника Божия и наконец-то извлеченная из архива и преданная гласности, – большое событие для верующего православного сердца. Без волнения нельзя читать эти оживающие страницы, и счетом их здесь много – целых 300! Столько лишь в настоящем томе, немало будет и в других. Все тексты сверены с автографами Святителя. / Порадуют читателей и другие открытия: в этом томе представлена первая публикация переписки святителя Игнатия с настоятелем Валаамского монастыря о. Дамаскином; книгу замыкает роспись рода Брянчаниновых, без которой не может обойтись ни одно жизнеописание епископа Игнатия. Все тексты даются полностью». *Содержание: Игнатий (Брянчанинов). Слово о смерти. (Слово о чувственном и духовном видении духов. – Слово о смерти). С. 3. – Прибавление к «Слову о смерти». (Взгляд на мнение западных о духах, аде и рае). С. 177. – Письмо епископа Игнатия к некоторому духовному лицу, спрашивавшему об основаниях его убеждений о существовании сотворенных духов и души человеческой, и почему он назвал человеческую душу – эфирною. С. 295. – Речь, произнесенная в Святейшем Синоде настоятелем Сергиевой пустыни архимандритом Игнатием при наречении его во Епископа Кавказского и Черноморского, октября 25 дня 1857 года. С. 296. – Приложение: А.Н. Стрижёв. От составителя. С. 301–302. – Записки и очерки о состоянии Санкт-Петербургского благочиния: Археологическое описание древностей, найденных в 1853 году в монастырях Санкт-Петербургской епархии. С. 303. – Краткий очерк современного состояния монастырей Санкт-Петербургской епархии,*

ноября 1856 года. С. 367. – Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем, составленное благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандритом Игнатием. С. 394. – Переписка Святителя Игнатия с игуменом Дамаскином: *Игорь Родченко*. Предисловие. С. 420. – Переписка. С. 427. – Замечания на Проект преобразования Морских учебных заведений. С. 506. – О необходимости Собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви. С. 518. – *Ольга Шафранова*. Предки, современники, потомки. К истории рода Святителя Игнатия Брянчанинова. С. 531. –

Том 4. Аннотация: «Настоящий том Полного собрания творений святителя Игнатия содержит капитальный богословский труд – “Аскетическая проповедь” и большой массив вновь публикуемых текстов, собранных в разделе “Приложение”. Здесь даны в полном составе художественные произведения Святителя – стихи, зарисовки, воспоминания, а также литературно-критические разборы, существенно дополняющие наше представление об этом выдающемся духовном писателе. Несомненный интерес вызовут языковедческие рассуждения епископа Игнатия, преподанные наставникам духовных заведений в виде уроков словесности. Впервые публикуется по рукописям полная переписка Святителя с игуменом Черемнецкого монастыря Антонием (Бочковым), с обширным очерком о характере их исторических взглядов на многие современные им явления в общественной и церковной жизни. Том замыкает полная библиография публикаций творений самого святителя Игнатия и литературы о нем». *Содержание: Игнатий (Брянчанинов)*. Аскетическая проповедь. С. 5. – Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери. С. 381. – **Приложение: А.Н. Стрижёв**. От составителя. С. 421. – *Игнатий (Брянчанинов)*. Агиографические и апологетические сочинения. (Жизнь схимонаха Феодора. – Лютеранизм. – Понятие о ереси и расколе). С. 430. – Литературно-поэтические сочинения. Заметки о творчестве. (Воспоминание о Бородинском монастыре. – Благополучный день. – Предисловие к повести «Иосиф». – Добавление к этюду «Сад во время зимы». – Молитва болящего. – Молитва о умершем. – О хранении сердца. – К земному страннику. – Убили сердце. – Жалоба. – Совет душе моей. – Думы затворника). С. 473. – Уроки

словесности, преподанные Преосвященнейшим епископом Игнатием. С. 490. – Христианский пастырь и христианин художник. С. 503. – Письмо по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. С. 509. – *А.М. Любомудров*. – Святитель Игнатий и проблема творчества. С. 513. – Достопримечательный сон жителя Санкт-Петербурга Н., записанный архимандритом Игнатием. С. 523. – Переписка Святителя Игнатия с игуменом Антонием (Бочковым). С. 526. – *Сергей Исаков*. Алексей Поликарпович Бочков. Биографический очерк. С. 565. – Дело о крестьянах помещика Страхова. С. 597. – *Т.Н. Семёнова*. Библиография трудов святителя Игнатия и литературы о нем (за 1847–2001 годы). С. 644. –

Том 5. Аннотация: «Пятый том Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова содержит капитальный труд Преосвященного “Приношение современному монашеству”, пользующийся огромным авторитетом как у монашествующих, так и у мирян. Это любимое назидательное чтение для всех, кто стяжает благодать Духа Святого и отдает себя на пользу ближнему. Чрезвычайный интерес у читателей, несомненно, вызовут материалы раздела “Приложение”. Здесь даны письма Преосвященного к его ближайшим друзьям: генералу Н.Н. Муравьеву-Карскому и духовной писательнице С.И. Снегосоревой. В письмах этих так много теплых, мудрых слов, что их невольно перечитываешь по многу раз – душа требует. Все помещенные тексты сопровождаются пояснениями и вступительными статьями, написанными известными знатоками жизни и творений великого Святителя. Завершается том богословским рассмотрением творений Игнатия, выполненным одним из первых специалистов, изучавших его писания, иеромонахом, впоследствии игуменом Марком (Лозинским). Текст дан применительно к изданию академического типа, какими являются наши выпуски. Впервые публикуемые тексты, важнейшие комментарии и сопроводительные статьи, выверенность писаний самого Святителя – все это ставит выходящие в свет тома на видное место, а наше издание становится уникальным, не имеющим аналогов. Издание рассчитано на самый широкий круг читателей». *Содержание: Игнатий (Брянчанинов)*. Приношение современному монашеству. (Предисловие. С. 5. – Правила наружного поведения для новоначальных иноков. С. 8. – Советы относительно душевного

иноческого делания. С. 29). – Плач инока о брате его, впадшем в искушение греховное. (Сочинено другом для друга и для брата братом, к взаимной пользе и сочинителя и читателя). С. 343. – **Приложение: А.Н. Стрижёв.** От составителя. С. 421–424. – Письма святителя Игнатия Брянчанинова к Н.Н. Муравьеву-Карскому. (Ольга Шафранова. Предисловие. С. 425. – Письма святителя Игнатия Брянчанинова к Н.Н. Муравьеву-Карскому. С. 436. – Три письма Андрея Николаевича Муравьева к Н.Н. Муравьеву-Карскому. С. 484). – Письма святителя Игнатия Брянчанинова к С.И. Снеессоревой. (Елена Аксененко. Предисловие. С. 487. – Письма святителя Игнатия Брянчанинова к С.И. Снеессоревой. С. 511. – С.И. Снеессорева. [Автобиографическая записка]. С. 539). – *Иеромонах Марк (Лозинский).* Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям епископа Игнатия Брянчанинова. С. 555. –

Том 6. Аннотация: «Шестой том Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова содержит выдающийся его труд “Отечник” – сокровищницу назидания и поучения святых Отцов. Книга учит страху Божию, умной внимательной молитве, сердечному безмолвию и преданности вере Православной; необходима монашествующим и мирянам. В обширном “Приложении” помещены письма святителя Игнатия к разным лицам, многие тексты впервые даны по автографам. В частности, публикуется переписка с Оптинскими старцами – Леонидом, Макарием, Анатолием и другими подвижниками, а также с монашествующими Угрешского монастыря, а из светских лиц – с обер-прокурором Святейшего Синода графом А.П. Толстым, А.С. Норовым и с художником К.П. Брюлловым. Все публикации предваряют обширные вступительные статьи, письма комментированы». *Содержание: Игнатий (Брянчанинов).* Отечник. С. 3. – **Приложение: А.Н. Стрижёв.** От составителя. С. 497–500. – *Ольга Шафранова.* Святитель Игнатий Брянчанинов и благословенная Оптина пустынь. С. 501. – Переписка святителя Игнатия с Оптинскими старцами. С. 535. – *Ольга Шафранова.* Угреша. С. 659. – Переписка святителя Игнатия с игуменом Иларию. С. 674. – Письмо игумена Илария к Оптинскому старцу преподобному Леониду (Наголкину). С. 690. – Письмо архимандрита Пимена (Мясникова) к Павлу Михайловичу Строеву. С. 692. – *Ольга Шафранова.* Преосвященный Леонид

(Краснопевков). С. 693. — *Преосвященный Леонид*. Рождественская ночь. На слова книги «Премудрость Соломона». С. 724. — Письма святителя Игнатия к Преосвященному Леониду (Краснопевкову). С. 726. — Письма к Преосвященному Леониду (Краснопевкову) от племянников святителя Игнатия. С. 745. — Письма святителя Игнатия к обер-прокурору Святейшего Синода графу А.П. Толстому. (*Владимир Воропаев*. Предисловие. С. 748. — Письма святителя Игнатия. С. 762). — *Алексей Любомудров*. «Искреннейший друг...». С. 763. — Письма святителя Игнатия к А.С. Норову. С. 772. — Письма святителя Игнатия к А.П. Башуцкому. С. 784. — Письмо святителя Игнатия к С.А. Танееву. С. 787. — Письмо святителя Игнатия к А.Ф. Львову. С. 789. — Письмо святителя Игнатия к художнику К.П. Брюллову. С. 791. —

Том 7. (*Составление — О.И. Шафранова. Общая редакция — А.Н. Стрижёв*). *Аннотация:* «Седьмой и восьмой тома Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова, завершающие настоящее издание, содержат несколько сот писем великого подвижника Божия к известным деятелям Русской православной церкви, а также к историческим деятелям нашего Отечества, к родным и близким. Многие письма Святителя печатаются впервые по автографам, хранящимся в архивах страны. Вновь публикуемые письма будут способствовать значительному пополнению имеющихся сведений о жизни и деятельности святителя Игнатия и позволят существенно обогатить его жизнеописание. Наши публикации серьезно прокомментированы авторитетными историками, филологами и архивистами. Каждому корпусу писем предпослано обширное вступление, в котором дается справка об адресатах и раскрывается характер их духовного общения со святителем. Письма святителя Игнатия Брянчанинова принадлежат к нетленным сокровищам православной мысли, и ценность их век от века только повышается. Потому что написаны они великим мыслителем, духоносцем и любящим Россию гражданином». *Содержание:* *Ольга Шафранова*. От составителя. С. 3. — Переписка святителя Игнатия Брянчанинова с архиереями церкви. С. 7. — Святитель Игнатий Брянчанинов и настоятели монастырей. С. 114. — Письма святителя Игнатия к монашествующим разных монастырей и монашествующих к святителю. С. 241. — *Ольга Шафранова*. Птенцы

гнезда Игнатиева. С. 286. – Переписка святителя Игнатия с учениками. С. 323. – Письма святителя Игнатия к сестрам Старо-Ладожского Успенского девичьего монастыря. С. 409. – Письма святителя Игнатия к игумении Вирсавии. С. 463. – Письма святителя Игнатия к некоему иноку Леониду, озаглавленные: «К брату, занимающемуся умною молитвою». С. 466. – *Ольга Шафранова*. Михаил Васильевич Чихачев. С. 514. – Письма святителя Игнатия к Михаилу Васильевичу Чихачеву (впоследствии – схимонаху Михаилу). С. 535. – Два письма М.В. Чихачева к оптинскому иеромонаху Леониду (Кавелину). С. 559. – Три письма М.В. Чихачева к Л.Н. Вакселю. С. 562. – Письмо М.В. Чихачева к архимандриту (бывшему казначею Сергиевой пустыни). С. 565. – *Ольга Шафранова*. Павел Петрович Яковлев. С. 567. – Переписка святителя Игнатия с Павлом Петровичем Яковлевым. С. 605. – Письмо П.П. Яковлева к А.С. Брянчанинову, отцу святителя Игнатия. С. 647. – Письмо Н.С. Брянчанинова, племянника святителя Игнатия, к П.П. Яковлеву. С. 648. – Письмо от письмоводителя святителя Игнатия – Каллиста к П.П. Яковлеву. С. 648. –

Том 8. (*Составление – О.И. Шафранова. Общая редакция – А.Н. Стрижёв*). *Содержание:* Переписка святителя Игнатия Брянчанинова с друзьями и знакомыми. С. 3. – *Ольга Шафранова*. Степан Дмитриевич Нечаев. С. 3. – Переписка святителя Игнатия с С.Д. Нечаевым. С. 7. – Переписка святителя Игнатия с графом Д.Н. Шереметевым. С. 51. – *Ольга Шафранова*. Федор Петрович Опочинин. С. 83. – Письма святителя Игнатия к Ф.П. Опочинину. С. 85. – Переписка святителя Игнатия с графом Павлом Матвеевичем Толстым-Голенищевым-Кутузовым, письма к его матери и сестрам. С. 94. – Письмо святителя Игнатия к П.П. Яковлеву. С. 102. – Письмо П.П. Яковлева к святителю Игнатию. С. 102. – Письмо святителя Игнатия к Алексею Александровичу Волоцкому. С. 103. – Письма святителя Игнатия к Плещеевым. С. 105. – Письма святителя Игнатия к Софии Павловне Титовой. С. 114. – Письмо С.П. Титовой к святителю Игнатию. С. 122. – *Ольга Шафранова*. Татьяна Борисовна Потемкина. С. 124. – Письмо святителя Игнатия к Т.Б. Потемкиной. С. 124. – Письма Т.Б. Потемкиной к святителю Игнатию. С. 129. – Письма святителя Игнатия к даме – приятельнице Т.Б. Потемкиной. С. 130. – Письма святителя Игнатия

к П.В. и С.Г. Энгельгардт. С. 133. – Письмо святителя Игнатия к статс-даме П.И. Мятевой. С. 137. – Письмо святителя Игнатия к Н.Н. Анненскому. С. 139. – Письмо святителя Игнатия к А.А. Кавелину. С. 140. – Письмо святителя Игнатия к А.М. Горчакову. С. 141. – Письмо святителя Игнатия к Н.В. Голоушевой. С. 142. – Письмо святителя Игнатия к К.В. Г.С. 143. – Письмо святителя Игнатия к Д.А. Мельникову. С. 145. – Письмо святителя Игнатия к Н.Н. Хемшиеву. С. 145. – Письмо святителя Игнатия к И.И. Глазуну. С. 146. – Письма святителя Игнатия к К.С. Сербиновичу. С. 148. – Письмо К.С. Сербиновича к святителю Игнатию. С. 151. – Письмо святителя Игнатия к Д.А. Милютину. С. 151. – Черновик ответа Д.А. Милютина. С. 152. – Письмо святителя Игнатия к князю М.Д. Волконскому. С. 152. – Письмо Н.Д. Зубова к святителю Игнатию. С. 153. – Письмо святителя Игнатия к Н.Д. Зубову. С. 154. – Письмо святителя Игнатия к В.И. Анненковой. С. 155. – Письмо святителя Игнатия к штабс-капитану С.И. Феодорову. С. 155. – Письмо святителя Игнатия к Д.В. Брюзгину. С. 155. – Письмо святителя Игнатия к девице Анне Дементьевне. С. 156. – Письма святителя Игнатия, ответ соблазняющимся на «Слово о Смерти». С. 157. – Письма святителя Игнатия без указания адресата. С. 160. – Письма разных лиц к святителю Игнатию. С. 243. – *Александр Нахимов*. Два письма. С. 251. – Письмо святителя Игнатия к Павлу Степановичу Нахимову. С. 254. – Ответ П.С. Нахимова святителю Игнатию. С. 255. – *Елена Аксененко*. Елизавета Никитична Шахова. С. 257. – Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой – монахини Марии (1822–1899). С. 280. – *А.Н. Стрижёв*. Деловая переписка святителя Игнатия Брянчанинова. С. 294. – Переписка святителя Игнатия с Министром Двора Его Императорского Величества князем П.М. Волконским. С. 295. – Письмо митрополита Серафима к князю П.М. Волконскому. С. 301. – Письмо князя П.М. Волконского к митрополиту Серафиму. С. 302. – Письмо святителя Игнатия к Министру Двора Ее Императорского Величества. С. 302. – Письмо святителя Игнатия к Министру Двора Его Императорского Величества графу В.Ф. Адлербергу. С. 303. – Письмо святителя Игнатия к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову. С. 308. – Письма святителя Игнатия к обер-прокурору Святейшего Синода графу А.П. Толстому. С. 309. – Письмо графа А.П. Толстого к князю Г.Д. Орбелиани.

С. 311. – Письма святителя Игнатия к Директору Департамента Государственных имуществ Н.П. Дубенскому. С. 311. – Письма к святителю Игнатию от секретаря митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Серафима А.И. Суслова. С. 313. – Письмо святителя Игнатия к Управляющему делами Комитета Министров Ф.П. Корнилову. С. 314. – Письмо к святителю Игнатию от статс-секретаря князя А.Н. Голицына. С. 316. – Письмо к святителю Игнатию от духовника Николая Музовского. С. 317. – Письмо святителя Игнатия к графу П.А. Клейнмихелю. С. 317. – Письмо святителя Игнатия к некоему высокопоставленному лицу. С. 318. – Размышления святителя Игнатия Брянчанинова о живописи церковной. С. 319. – Поэтические опыты святителя Игнатия Брянчанинова. С. 323. – *Ольга Шафранова*. Родители, братья и сестры. С. 328. – Письма святителя Игнатия к родителям – Софье Афанасьевне и Александру Семеновичу Брянчаниновым. С. 329. – Брат святителя Игнатия Петр Александрович Брянчанинов. С. 348. – Письма святителя Игнатия к брату Петру Александровичу Брянчанинову. С. 370. – Письма П.А. Брянчанинова к Н.Н. Муравьеву-Карскому. С. 452. – Письма игумении Усть-Медведицкого Преображенского монастыря Арсении (Себряковой) к П.А. Брянчанинову. С. 491. – Письмо Алексея Петровича Брянчанинова к Н.Н. Селифонову. С. 495. – Братья святителя Игнатия: Михаил, Александр, Семен Александровичи. С. 495. – Письмо М.А. Брянчанинова к святителю Игнатию. С. 497. – Письмо С.А. Брянчанинова к святителю Игнатию. С. 497. – Сестры святителя Игнатия. С. 498. – Письма святителя Игнатия к сестре Александре Александровне Жандр. С. 506. – Письма святителя Игнатия к племяннице своей, дочери А.А. Жандр, Александре Васильевне Жандр. С. 515. – Письмо святителя Игнатия к сестре Софии Александровне Боборькиной. С. 519. – Письма святителя Игнатия к сестре Елизавете Александровне и ее мужу Димитрию Тихоновичу Паренсовым. С. 520. – Письма Е.А. Паренсовой к святителю Игнатию. С. 595. – Письма святителя Игнатия к сестре Марии Александровне и ее мужу Николаю Филипповичу Купреяновым. С. 597. – Письма святителя Игнатия к Александру Александровичу Сухареву. С. 604. – Письма святителя Игнатия к родным (без указания кому именно). С. 606. – *Варвара Каширина*. Новонайденные ранние письма святителя Игнатия Брянчанинова. С. 615. – Письмо иеросхимонаха

Льва к Дмитрию А. [Брянчанинову]. С. 620. – Письмо послушника Димитрия [Брянчанинова] к собрату М.Т. С. 623. – Письмо послушника Димитрия [Брянчанинова] к о. Иоанникию (Бочарову). С. 624. – Письма преподобного оптинского старца Льва к игумену Иларию. С. 626. – **Приложение: Святитель Игнатий Брянчанинов.** Житие схимонаха Феодора (ранняя редакция): (Варвара Каширина. К публикации ранней редакции «Жития схимонаха Феодора» святителя Игнатия. С. 633. – Житие схимонаха Феодора. С. 636).

2002

Серафим Саровский: Задуманное слово о великом подвижнике земли русской. (Составление: руководитель А.Н. Стрижёв и др.). М.: Голос-Пресс, 2002. 523, [1] с., [9] л. ил. (Издано по благословению священника Тихона (Беспалова). К 100-летию со дня прославления угодника Божия Серафима. Попечитель издания Благотворительный фонд «Энциклопедия Серафима Саровского». (Содержание: А.Н. Стрижёв. Земли Российской украшение. С. 3–4. – **Молитвенные труды и дни старца Серафима: Протоиерей Димитрий Троицкий.** Житие преподобного Серафима Саровского. С. 7. – Святой Серафим о грядущих судьбах России. [Подборка А.Н. Стрижёва]. С. 75. **Саровское небо чудотворца: Василий Розанов.** По тихим обителям. С. 87. – **Дмитрий Мережковский.** На аршин от земли. С. 112. – **Евгений Поселянин.** А Серафим? С. 116. – **А. Трацевский.** В Дивееве. С. 118. – **Анатолий Попов.** Воспоминания о Сарове. С. 122. – **Александр Глинка-Волжский.** В обители Святого Серафима. С. 135. – **Владимир Ильин.** Огонь пополающий. С. 141. – **Протоиерей Сергей Булгаков.** Угль пламенеющий через сто лет. С. 144. – **Иеромонах Серафим Роуз.** Бог есть Огонь. С. 150. – **Антон Карташев.** Историческая рама образу преподобного Серафима. С. 152. – **Михаил Лодыженский.** Серафим Саровский и Франциск Ассизский. С. 156. – **Михаил Меньшиков.** Лев и Серафим. С. 168. – **Протоиерей Георгий Флоровский.** Подвиг и радость. С. 177. – **Маргарита Сабашникова.** Через духовное очищение. С. 178. – **Сергей Нилус.** Поездка в Саров. С. 181. – **Иван Шмелев.** Милость преподобного Серафима. С. 207. – **А.Н. Стрижёв.** Дивеевская пасха. С. 217–222. – **Поэтический**

венюк Святому Серафиму [Стихотворения]: Леонид Денисов. Памяти преподобного Серафима Саровского. С. 225. – Лидия Коллригова. Саровская пустынь. С. 227. – Сергей Бехтеев. Видение Дивеевской старицы. С. 229. – Угодник. С. 231. – Нина Карташова. «Саровской пустыни святыня и солнце...». С. 232. – Надежда Веселовская. В Серафимо-Дивеевском монастыре. С. 233. – «Во мгле настороженной русской...». С. 235. – Татьяна Шорыгина. Серафим Саровский. С. 236. – Андрей Белый. Св. Серафим. С. 237. – Прп. Варсонофий Оптинский. На богомолье. С. 238. – Василий Платонов. 19 июля 1903 года. С. 239. – Святому Серафиму. С. 239. – Александр Красницкий. Учительный Старец. С. 240. – Алексей Масаинов. Святой Серафим. С. 241. – Федор Сологуб. Погром обители. С. 242. – Иван Бунин. Кончина подвижника. С. 243. – А. Ладыгин. Серафим Саровский. С. 244. – О. Алексей [Царенков]. Святая Русь. С. 245. – В. Ануфриева. Серафиму Саровскому. С. 246. – Александр Щеколдин. «О, радость моя, ты послушай...». С. 247. – Алексей Широпаев. Возвращение Артура. С. 248. – Любовь Калмыкова. Едем во спасение. С. 249. – Монахиня Смарагда. Преподобный Серафим. С. 250. – Твое с любовью призываем имя. С. 251. – Лилия Кузнецова. Преподобному Серафиму Саровскому. С. 252. – Владимир Афанасьев. В Дивеев к Серафиму Саровскому. С. 253. – Надежда, вера и любовь. С. 253. – Лариса Кошмина. Мое Дивеево. С. 254. – Диакон Анатолий Трохин. Дивеево. С. 255. – Монахиня Антония [Берг]. Подвиг старца Серафима. С. 256. – **Стихи неизвестных авторов:** Преподобный Серафим Саровский. С. 257. – Шел Преподобный. С. 258. – Преподобный Серафим. С. 259. – Преподобному Серафиму Саровскому. С. 261. – У врат Саровской обители. С. 261. – Угодник Божий Серафим. С. 262. – Подвиг старца. С. 262. – Три версты очищения. С. 263. – **Поэмы:** Максимилиан Волошин. Святой Серафим. С. 265. – Александр Булдевич. Радость моя. С. 295. – Татьяна Шорыгина. Чудотворец. С. 321. – Виктор Мамонов. Канавка до небес. С. 335. – Владимир Волоцкой. Св. старец Серафим. С. 382. – **Приложение:** Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни. С. 438. – Письмо Н.А. Мотовилова Императору Николаю I. С. 465. – Н.С. Серегина. Пушкин и Саровская пустынь. С. 472. – В.А. Назаров. «Бывают странные сближения...». С. 506. – Л.А. Краваль. Пушкин и Святой

Серафим. С. 512. – Л.А. Краваль. «И в тихую обитель затвориться...». С. 516. – Содержание. С. 522–524).

Богословие образа. Икона и иконописцы: Антология. (Составление, подготовка текста – А.Н. Стрижёв). М.: Паломник. 2002. 463 с., ил. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (Содержание: А.Н. Стрижёв. От составителя. **Догматическое обоснование иконопочитания:** Святый Собор Вселенский седьмой. Первое послание святого отца нашего Григория, папы Римского, к императору Льву Исаврянину «О святых иконах». С. 7. – Второе послание святого отца нашего Григория, папы Римского. О святых иконах. С. 16. – **Иконопочитание и иконопись в богослужебной жизни церкви:** Введение. С. 21. – Храм – икона преображенного космоса. С. 24. – Икона в составе Священного Предания Православной Церкви. С. 27. – Догматическое обоснование иконопочитания. С. 32. – Изобразительные средства православной иконы и их символика. С. 50. – Пространство в православной иконе. С. 56. – Свет и цвет в иконе. С. 59. – Живописные изображения в алтаре. С. 75. – Иконостас, средняя часть храма. С. 84. – *Протоиерей Александр Салтыков*. Библейские основы иконопочитания. С. 100. – *Профессор Н.П. Кондаков*. Древнейшая иконопись Киевской Руси и Суздальской области. С. 112. – *Архимандрит Макарий [Веретенников]*. Первый образ в иконографии русских святых. С. 139. – **Истина и красота:** Д.А. Ровинский. Московские письма. С. 157. – *Профессор Н.П. Кондаков*. Московская иконопись XVII века. С. 161. – *Ф.И. Буслаев*. Подлинник по редакции XVIII века. С. 221. – *Священник Георгий Дробот*. Значение иконостаса. С. 254. – *Профессор Н.В. Покровский*. Новое церковное искусство и церковная старина. С. 263. – *Митрополит Антоний [Храповицкий]*. Главные отличительные черты русского народа в иконописи и в празднике Воскресения Христова. С. 274. – *Митрополит Антоний [Храповицкий]*. Иконописцам о коленопреклоненных фигурах. Предостережение художникам вообще и иконописцам в частности. С. 276. – *Наталья Шеффер*. Русская православная икона: 1. Размещение икон в церкви. 2. Церковное шитье. Украшение икон. С. 279. – *С.М. Прохоров, иконописец*. Об иконописи и ее технике. С. 289. – *Сергей Вашков*. Религиозное искусство. С. 304. – *Валентина Зандер*.

О символике иконы Троицы Андрея Рублёва. С. 310. – *Диакон Николай Чернышев*. Связь истины и красоты. С. 326. – *Владимир Вейдле*. Знак и символ. С. 331. – Преображение религией. С. 335. – Соборность и стиль. С. 336. – Распад искусства. С. 337. – **Иконы и иконописцы:** *Д.А. Ровинский*. Царские живописцы и Оружейная Палата. С. 341. – *Профессор Н.В. Покровский*. Роспись Ильинской церкви. С. 351. – *Профессор Н.В. Покровский*. Феодоровская чудотворная икона Богоматери в Костроме. С. 357. – *Н.И. Троицкий*. Икона Иисус Христос «Благое молчание». С. 365. – *Д.А. Ровинский*. Обзорение мастерства иконника. С. 386. – *Владимир Вейдле*. О религиозном корне русского искусства. С. 405. – *Архимандрит Киприан [Пыжов]*. К познанию православной иконописи. С. 417. – *Степан Рябушинский*. Заметки о реставрации икон. С. 424. – *А.В. Балов*. Золотобойный промысел в Пошехонском уезде. – *Граф Юрий Олсуфьев*. Иконы Троице-Сергиевой Лавры. С. 452. – Содержание. С. 460–463).

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (Составитель *А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2002. 429 с.

С.А. Нилус. Полное собрание сочинений: в 6 томах. Том 4. На берегу Божьей реки. Записки православного. (Составление и общая редакция *А.Н. Стрижёва*). М.: Паломник. 2002. 848 с. (Содержание: *С.А. Нилус*. На берегу Божьей реки. Записки православного. С. 7–788. – **Приложение:** *А.Н. Стрижёв*. Князь Николай Давыдович Жевахов. [Биографический очерк]. С. 791–792. – *Князь Николай Жевахов*. Отвергнутый себя. [Раб Божий Николай Николаевич Иваненко]. С. 793. – Письмо Оптинского скитона начальника Антония брату, Саровскому казначею Исае. С. 837. – Содержание. С. 846–847).

С.А. Нилус. Полное собрание сочинений: в 6 томах. Том 5. Близ есть, при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко. (Составление и общая редакция *А.Н. Стрижёва*). М.: Общество Святителя Василия Великого. 2002. 576 с.

2003

Акафист блаженной старице Матроне. Житие. (Сост. А.Н. Стрижёв). М.: Паломник. 2003. 62, [1] с., ил.

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (Составитель А.Н. Стрижёв). М.: Паломник. 2003 (Тип. АО «Молодая гвардия»). 429 с., ил.

Василий Акимович Никифоров-Волгин. Заутреня святителей: Избранное. (Составитель А.Н. Стрижёв). М.: Паломник. 2003. 526, [1] с., ил.

Серафимо-Дивеевские предания. Житие. Воспоминания. Письма. Церковные торжества. (Составление, подготовка текста и примечания А.Н. Стрижёва). М.: Паломник. 2003. 592 с. (По благословлению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II). (Содержание: **А.Н. Стрижёв**. От составителя. С. 3–7; **Раздел I. Обитель: Протоиерей Димитрий Троицкий**. Житие преподобного Серафима Саровского. С. 7. – Монахиня Серафима [Булгакова]. Дивеевские предания. С. 76. – Иеромонах Дамаскин [Орловский]. Блаженная Мария Ивановна. С. 158. – Мученицы села Пузово. С. 168. – Схимонахиня Маргарита [Лахтионова]. «Будет вам монастырь». С. 209. – Монахиня Таисия [Арцыбушева]. Записки. С. 212. – Монахиня Серафима [Осоргина]. Преподобный Серафим в жизни матушки Фамари. С. 247. – Блаженная Пелагея Ивановна. С. 255. – Священник Вл. Тенищев. Из воспоминаний о Серафимо-Дивеевской старице Наталии. С. 337. – Юродивая Паша Саровская, старица и подвижница Серафимо-Дивеевского монастыря. С. 347. – Алексей Любомудров. Праведница земли Казанской. С. 351; **Раздел II. Паломники: Сергей Нилус**. Служка Божией Матери и Серафимов. [Симбирский совестный судья Николай Александрович Мотовилов]. С. 361. – Письмо Н.А. Мотовилова Императору Николаю I. С. 418. – Е.И. Мотовилова. Из воспоминаний о муже Николае Александровиче. С. 441. – Протоиерей Стефан Ляшевский. Дивеев монастырь в мятежные годы. С. 447. – Игумен Серафим [Кузнецов]. Листки воспоминаний. С. 484. – Зоя Пестова. Поездка в Саров. С. 491. – Анатолий Тимофеевич. В Дивееве

летом 1926 года. С. 542. – *Сергей Бехтеев*. Видение Дивеевской старицы. С. 566. – Из хроники Серафимо-Дивеевского монастыря. С. 559. – Примечания. С. 561. – Оглавление. С. 590–591).

Блаженные старицы Дивеевского монастыря. (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2003. 399 с., 8 л. ил., портр. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. Взыскующие Града Небесного. С. 3–10; *Разделы*: Блаженная Пелагея Ивановна. С. 13. – Блаженная Наталия Ивановна. С. 201. – Блаженная Прасковия Ивановна. С. 227. – Блаженная Мария Ивановна. С. 277. – Письма монахини Дивеевского монастыря старцу протоиерею Владимиру Богданову. С. 318–394. – Содержание. С. 395–399).

Серафим Саровский: Житие. Пророчества. Беседы. Задушевное слово. (*Составитель А.Н. Стрижёв и др.*). 2-е изд., испр. и доп. М.: Голос-Пресс. 2003. (Архангельск: ИПП «Правда Севера»). 366 с.

С.А. Нилус. Полное собрание сочинений: в 6 томах. (*Сост. и общ. ред. А.Н. Стрижёва*). М.: Паломник. 2003. Т. 1. Великое в малом. Записки православного; Т. 2. Сила Божия и немощь человеческая. Записки игумена Феодосия и другие повести.

Василий Кириллович Тредиаковский: (К 300-летию ученого поэта). Указатель литературы. (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: **А.Н. Стрижёв**. 2003. 72 с.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. Венок на свежую могилу Кронштадтского пастыря. Проповеди и поучения, произнесенные в последний год жизни. (*Общая редакция А.Н. Стрижёва. Составители – Стрижёв А.Н., Иванова И.А.*). М.: Паломник. 2003. 352 с. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. Страдание за Россию. С. 3–6. – *Св. праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник: И.А. Иванова*. Предисловие. С. 9. – *Св. праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник*. С. 17. – *И.А. Иванова*. Примечания. С. 87. –

Венок на свежую могилу Кронштадтского пастыря протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. 148 кратких поучений-экспромтов, произнесенных покойным в последний год его жизни. С. 133–350).

2004

Яблочный Спас: книга для чтения в православной семье. (*Составитель Александр Стрижёв*). М.: Православный Паломник-М. 2004. (Тип. АО «Молодая гвардия»). 150, [1] с., ил.

Чудотворная икона Божией Матери Тихвинская: Сказание. Исследование. Акафист. (*Редактор-составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2004. 63, [1] с.

Блаженные старицы Дивеевского монастыря. (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2004. 398, [1] с., [8] л. ил.

С.А. Нилус. «Близ есть, при дверех». О том, чему не желают верить и что так близко. Изд. 5-е, переделанное и значительно дополненное позднейшими исследованиями и наблюдениями автора. (*Первая публикация полной рукописи С.А. Нилуса; публикатор А.Н. Стрижёв*). М.: Об-во свт. Василия Великого. 2004. (Тип. АО «Мол. гвардия»). 767 с., ил., портр.

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2004. 429 с.

2005

Отец Арсений. (*Ред. Александр Стрижёв, Александра Сыщикова*). М.: Паломник. 2005. 510, [1] с.

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2005. 429 с., ил.

Архимандрит Серафим (Леонид) Чичагов. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. (*Редактор А.Н. Стрижёв. Приложения – А.Н. Стрижёв*). (По благословению Святейшего Патри-

арха Московского и всея Руси Алексия II). М.: Паломник. 2005. (Тип. АО «Мол. гвардия»). 719, [1] с., [8] л. цв. ил., портр. [Приложения: *Стефан Ляшевский*. Дивеево. Мятежные годы. С. 643. – *А.Н. Стрижёв*. Дивеевская Пасха. С. 673. – Неизвестные страницы «Летописи». С. 677. – Следственное дело митрополита Серафима Чичагова. С. 683. – Указатель печатных источников и литературы о преподобном Серафиме Саровском. (*Библиографию составил А.Н. Стрижёв*). С. 695–715]. [Примечание: Издание «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» исправлено и дополнено архивными материалами **А.Н. Стрижёвым**].

С.А. Нилус. Полное собрание сочинений в шести томах. Том 6. Произведения разных лет. Материалы к жизнеописанию Сергея Нилуса. (*Составление и общая редакция А.Н. Стрижёва*). М.: Общество Святителя Василия Великого. 2005. 592 с. (Содержание: *С.А. Нилус*. **Произведения разных лет**: Блаженной памяти игуменнии Серафимо-Дивеевского женского монастыря Марии. С. 7. – Духовные очи: Из бесед со Старцами. С. 12. – Небесные пестуны. С. 16. – Один из немногих, кого весь мир недостоин. С. 21. – Письмо к иеродиакону Кириллу (Зленко). С. 56. – Письмо к Л.А. Орлову. С. 73. – Великая Дивеевская тайна. С. 93. – Посещение Рая преподобным Ионой Киевским. С. 99. – Тайна печати антихриста. (Письмо С.А. Нилуса). С. 143–155. – **Материалы к жизнеописанию: А.Н. Стрижёв**. Пророк в своем отечестве. (К 75-й годовщине кончины Сергея Александровича Нилуса). С. 159. – *А.Н. Стрижёв*. Сергей Александрович Нилус. Биографическая справка. С. 167. – *Е.Ю. Концевич*. Сергей Александрович Нилус. Краткое жизнеописание. С. 176. – *Михаэль фон Хагельмейстер*. Предки и родственники Сергея Александровича Нилуса. С. 242. – К биографии С.А. Нилуса. Архивные материалы. С. 260. – *Князь Н.Д. Жевахов*. Сергей Александрович Нилус. Краткий очерк жизни и деятельности. С. 277. – *А.Н. Стрижёв*. Князь Николай Давидович Жевахов. С. 387. – *А.Н. Стрижёв*. По следам Сергея Нилуса. С. 391–502. – *М.В. Смирнова-Орлова*. Памяти Сергея Александровича и Елены Александровны Нилус. С. 503. – *Граф Александр дю Шайла*. Воспоминания о С.А. Нилусе. С. 529. – *И.М. Концевич*. Пламенная любовь. С. 561. – Содержание. С. 590–591).

С.А. Нилус. Полное собрание сочинений: в 6 т. Произведения разных лет. Материалы к жизнеописанию Сергея Нилуса. (Сост. и общ. ред. А.Н. Стрижёва). М.: Паломник. 2005. Т. 6.

Сергей Нилус. «Близ есть, при дверех...». О том, чему не жа-
лают верить и что так близко. Посвящается малому стаду Христову.
(Первая публикация полной рукописи С.А. Нилуса). (Публикация
Александра Стрижёва). М.: Общество Святителя Василия Вели-
кого. 2006. 768 с. [Приложение: А.Н. Стрижёв. Из материалов
к пятому изданию этой книги. С. 595–658].

Сергей Нилус. Царство Антихриста. «Близ есть, при дверех...».
М.: Алгоритм. 2005. 528 с. (Русское сопротивление. Проект Олега
Платонова). [А.Н. Стрижёв. Приложение. Из материалов к 5-му
изданию этой книги. С. 478–519].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. О Боге-Творце и
Промыслителе міра: [Беседы]. (Составитель А.Н. Стрижёв). М.:
Паломник. 2005. 304 с. (По благословию архиепископа Терно-
польского и Кременецкого Сергия). (Печатается по изданию:
Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева.
Том 1. СПб. 1893). [А.Н. Стрижёв. Живое слово Великого под-
вижника. С. 3–12].

Граф Ю.А. Олсуфьев. Икона в музейном фонде: исследова-
ния и реставрация. Антология. (Составление, подготовка текста,
справки об авторах, библиография – А.Н. Стрижёв). М.: Палом-
ник. 2005. (По благословию архиепископа Тернопольского и
Кременецкого Сергия). 400 с. (Содержание: А.Н. Стрижёв. Под-
вижник национального достояния. С. 3–10. – Граф Юрий Алексан-
дрович Олсуфьев. Творения по иконографии: О встречах про-
белах. Доклад, читанный в комиссии по охране памятников
искусства бывшей Троице-Сергиевой Лавры. С. 13. – Черты ико-
нописного натурализма в памятниках XIII и XVII веков. Прокопий
и Симон Ушаков. [Доклад, читанный в Комиссии по охране па-
мятников искусства бывшей Троице-Сергиевой Лавры 11 ноября
1924 г.]; Три доклада по изучению памятников искусства бывшей
Троице-Сергиевой Лавры. С. 28. – Дополнение III к описи икон

Троице-Сергиевой Лавры (1920). С. 37. – Иконописные формы как формулы синтеза. [Доклад в связи с изучением памятников иконописи б. Троице-Сергиевой Лавры]. С. 60. – Вопросы форм древнерусской живописи. С. 76. – О линейных деформациях в иконе «Троица» Андрея Рублёва. [Иконологический опыт]. С. 139. – Иконопись. С. 158. – Параллельность и концентричность в древней иконе как признаки диатактической организованности. С. 171. – Структура пробелов. Историко-иконологический этюд по памятникам собрания б. Троице-Сергиевой Лавры. С. 181. – Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой Лавры. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. С. 203. – О церковном пении. С. 278. – **Приложение:** Ю.Г. Малков. К изучению «Троицы» Андрея Рублёва. С. 286. – Мих. Горев. Троицкая Лавра и Сергей Радонежский. С. 323. – Варвара Малахиева-Мирович. Отец Михаил Шик, каким я его знала. С. 339. – Графиня Антонина Владимировна Комаровская. Детство в Сергиевом Посаде. С. 344. – Из записной книжки Леонида Леонова. С. 360. – **А.Н. Стрижёв.** Краткие справочные сведения. С. 361–388. – Литература. С. 389–397).

А.Н. Муравьев. Письма с Востока (с 1849 по 1850 г.). Часть I. (Союз писателей России). (Подготовка текста к переизданию и послесловие А.Н. Стрижёва). М.: Информационно-издательская продюсерская компания «ИХТИОС». 2005. 280 с. (Памятники церковной письменности: Приложение к журналу «НКР»). [А.Н. Стрижёв. Духовный писатель (Андрей Николаевич Муравьев). С. 263–275].

2006

Икона Божией Матери «Неувядаемый Цвет». (Составитель Александр Стрижёв). М.: Паломник. 2006. 240 с., ил. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (Содержание: А.Н. Стрижёв. «Чистоты сокровище, радуйся...». С. 3–6. – Богословие образа. С. 7. – Л.П. Тарасенко. Иконы Богоматери «Неувядаемый Цвет» в России. С. 9. – Ю.Н. Звездина. Растительная символика в памятниках духовной культуры позднего времени: возможности интерпретации. С. 45. – Из творений святых

отцов. С. 94. – Почитание. С. 107. – Святыня Московского Алексеевского девичьего монастыря. С. 109. – Слово на Успение Пресвятой Богородицы *святителя Димитрия Ростовского*. С. 148. – Богослужение. С. 153. – Канон акафиста Пресвятой Богородице. С. 155. – Акафист Пресвятой Богородице в честь Ее иконы «Неувядаемый Цвет». С. 167. – **Литературные произведения:** *А.Н. Стрижёв*. Остатки Рая на земле. [Растения в русском церковном обиходе]. С. 191–221. – *Протоиерей Иоанн Слободской*. «Я сплел Тебе венок, Святая Дева...». С. 222. – *Иван Новгород-Северский*. Неувядаемый Цвет. Стихотворение. С. 231. – *Наталья Манасеевна*. Пояс Пресвятой Богородицы. [Пересказ народного предания]. – Содержание. С. 238–239).

Отец Арсений. (Ред. *А.Н. Стрижёв, А. Сыщикова*). М.: Паломник. 2006. (Типография АО «Молодая гвардия»). 510, [1] с.

Граф Ю.А. Олсуфьев. Икона в музейном фонде: исследование и реставрация: антология. (Составитель *А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2006. 399 с. [Выходные данные на обороте титула: 2005 год].

Серафимо-Дивеевские предания: Житие. Воспоминания. Письма. Церковные торжества: [Сборник]. (Сост., подгот. текста и примеч. *А.Н. Стрижёва*). М.: Паломник. 2006. (ПФ «Красный пролетарий»). 591 с., [8] л. ил.

Нилус С.А. «Близ есть, при дверех». О том, чему не желают верить и что так близко. (Первая публикация полной рукописи *С.А. Нилуса*; публикатор *А.Н. Стрижёв*). М.: Об-во святителя Василия Великого. 2006. 767 с., ил., портр. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого *Сергия*). [Приложение: *А.Н. Стрижёв*. Из материалов к пятому изданию этой книги. С. 594–658. На обложке – репродукция картины *В.М. Васнецова* «Архистратиг Михаил»].

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (Составитель *А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2006 (Типография АО «Молодая гвардия»). 429 с.

Шамов И.К. Наши певчие птицы. Их ловля и содержание в клетках. (Союз писателей России). (Послесловие и составление *А.Н. Стрижёва*). М.: Информационно-издательская продюсерская компания «ИХТИОС». 2006. 176 с. (О Русская земля: Приложение к журналу «НКР»). (Посвящение: «Многоуважаемому собрату Николаю Александровичу Дмитриеву посвящаю эти мои записки. *И. Шамов*»). [*А.Н. Стрижёв*. Натура с искрою поэзии. С. 167–173].

Нилус С.А. [Полное собрание сочинений: в 6 томах. Том 5]. Близ есть, при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко. Посвящается малому стаду Христову. (*Первая публикация полной рукописи С.А. Нилуса; публикатор – А.Н. Стрижёв*). М.: Об-во Святителя Василия Великого. 2006. [На обороте титула указан 2004 г.]. 768 с. (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (Содержание: *С.А. Нилус*. Близ есть, при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко. С. 5–592. – **Приложение: А.Н. Стрижёв**. Из материалов к пятому изданию этой книги. С. 594. – *Ю.К. Бегунов, доктор филологических наук*. О «Тайнах политики». [Из речей сионистов]. Варшавский перевод французского документа 1902 года. С. 661. – Тайны политики, способы ее действий и результаты, достигнутые ею при помощи науки и либерализма. [Выдержки из речей, произнесенных в собраниях заправил сионизма]. С. 675. – Тайный вожь Иудейский. Подлинность «Сионских Протоколов». [Перевод с французского]: *Ф. Винберг*. Предисловие переводчика. С. 709. – *Лесли Фрей-Шиммарёва*. О подлинности «Протоколов». С. 711. – Эпицентр Священной Войны. С. 753. – Содержание. С. 760–767).

Иоасаф (Толстошеев И.Т.), Стрижёв А.Н. Сказания о подвигах и событиях жизни старца Серафима. М.: Паломник. 2006. 382 с.

2007

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2007. 429 с.

Чудотворная икона Божией Матери Тихвинская: сказание. Исследование. Акафист. (*Редактор-составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2007. 64 с.

2008

Игнатий (Брянчанинов Дмитрий Александрович; еп. Кавказский и Черноморский; 1807–1867). Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. (*Составление и общая редакция – А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2008–. (Т. 1. 2008. 623 с.; Т. 2. 2008. 639 с., факс.).

Нилус С.А. «Близ есть, при дверех». О том, чему не желают верить и что так близко. (*Первая публикация полной рукописи С.А. Нилуса; публикатор – А.Н. Стрижёв*). М.: Об-во свт. Василия Великого. 2008. 767 с., ил., портр.

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник, 2008. 429 с.

Святой Праведный отец Иоанн Кронштадтский. В мире молитвы. [Сборник]. М.: Паломник. 2008. 335 с. (*Редактор – Александр Стрижёв*). (По благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия). (Печатается по изданию: *Св. праведный о. Иоанн Кронштадтский*. В мире молитвы. Нью-Йорк. 1987).

2009

Молитвы родителей о детях и семейном благополучии. (*Составитель А.Н. Стрижёв*). М.: Паломник. 2009. 398 с.

«Неупиваемая Чаша». (*Под редакцией А.Н. Стрижёва*). М.: Православный паломник-М. 2009. 57, [3] с.

2010

Е.Л. Милькеев. [Евгений Лукич Милькеев]. Стихотворения. Поэмы. Письма. (К 195-летию со дня рождения). (*Составление,*

вступительная статья, примечания и библиография А.Н. Стрижёва). Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». 2010. 264 с. [Содержание: **А.Н. Стрижёв**. Евгений Милькеев: жизнь и судьба. С. 5–22. – *Евгений Лукич Милькеев. Стихотворения*. 1843 г.: Письмо автора к Василию Андреевичу Жуковскому. – К солнцу. – Возрождение. – День и ночь. – Затворницы. – Сухарева башня. – Гроза. – Молитва. – Сон Ломоносова. – Колокол в Кремле. – Прекрасной. – Художник. – «И как светло, и как прекрасно...». – Покойница. – Кукушка. – Схимник. – «Куда летишь, сожженный пылом...». – Утешение. – Тройцын день. – Сирота. – Луна. – Сонет. – Свет и мрак. – «Разыгралось сине море...». – Воспоминание. – Демон. – Молитва Иверской. – Светлое Воскресенье. – Абалак. Часть первая; Часть вторая. – Мой домик. – Город. – Павлин и Пава. – Беспокойство. – Дума. – Титан. – К луне. – «С туч, беременных дождями...». – Кладбище. – Вавилон. – «День рассеянный, день нестройный...». – Свет. – Звездочка. – Воспоминанье. – Свидание. – К.К. П[авло]вой. – «Как ветер закрутит мгновенно прах летучий...». – Смертному. – Слезы. – Пробуждение. – Обращение. – Русское вино. – Поэт. – К.К. П[авло]вой. – Буря. – Вечер. – Примирение. – Иван Великий. – Из Гейне. – Пристань. – **Переложения из Библии**: Премудрость. – Оборона. – Наитие. – Сетование. – Свидетель. – «Бог нас проводит чрез горнило...». – Псалом на Голиафа. – Псалом 8. – Из Соломона. – Из Моисея. – Из Иова. – **Стихотворения**, не вошедшие в сборник 1843 года: На прибытие в Тобольск Государя Наследника. – Прощание с родиною. – Сибирские клады. – Воробьёвы горы. – Останкинские кедр. – Обращение. – Образ Богоматери. – К портрету Пушкина. – На сооружение памятника Ермаку. – «Под сенью девственных акаций...». – Утро. – Русское слово. – Зима. – Поэту. – Воспоминание. – Приглашение. – Лилия. – Сцена канцелярная. – Каролине Карловне (по случаю жизни в Сокольниках). – К.К. П[авло]вой. – Рекрут. – Участь. – **Переписка**: Е.Л. Милькеев Н.Я. Зимовскому 3 января 1839 г., Тобольск. – Е.Л. Милькеев П.А. Плетневу 22 февраля 1839 г., Тобольск. – Из письма Е.Л. Милькеева П.А. Плетневу от 22 мая 1839 г., Москва. – Из письма П.А. Плетневу от 18 июля 1839 г., Москва. – Письмо П.А. Плетневу от 7 сентября 1840 г., Москва. – Из письма Е.А. Милькеева Плетневу от 6 марта 1841 г.,

Москва. – Письмо П.А. Плетневу от 19 июня 1841 г., Москва. – Е.А. Милькеев П.А. Плетневу 22 марта 1843 г., Москва. – Е.Л. Милькеев М.П. Погодину 25 августа 1844 г. – **Критика:** *Степан Шевырёв*. О выходе в свет стихов Милькеева. – *Петр Плетнев*. Стихотворения Е. Милькеева. – *Осип Сенковский*. Стихотворения Е. Милькеева. – *Марк Азадовский*. Неизвестный поэт-сибиряк (Е. Милькеев). – **А.Н. Стрижёв**. Примечания. С. 255–258. – **А.Н. Стрижёв**. Библиография. С. 259–260].

Александр Семёнович Шишков (09.03.1754–09.04.1841). Материалы к библиографии. (*Составитель А.Н. Стрижёв. При участии В.Л. Коровина*). М.: Тип. «Арбат». 2010. 42 с.

2013

Подвиг старца Серафима: Житие. Воспоминания. Прославление. Образ Преподобного в поэзии. (*Составитель Александр Стрижёв*). М.: Паломник. 2013. 238, [9] с., ил., портр. [Содержание: *В. Зандер (Калашикова)*. Житие преподобного Серафима Саровского. С. 3. – *Н. Аксакова*. Из детских воспоминаний о преподобном Серафиме Саровском. С. 82. – *Е. Поселянин*. Светлые дни в Сарове. С. 109. – *И. Шмелёв*. Милость преподобного Серафима. С. 172. – **А.Н. Стрижёв**. Дивеевская Пасха. С. 189. – Саровскому пустыннику о Серафиму. (Стихотв. [Б. п.]). С. 200. – *Л. Денисов*. Памяти преподобного Серафима Саровского. (Стихотв.). С. 203. – *Л. Кологривова*. Саровская пустынь. (Стихотв.). С. 206. – *В. Платонов*. 19 июля 1903 года. (Памяти святого Серафима Саровского). (Стихотв.). С. 208. – *А. Белый*. Святой Серафим. (Стихотв.). С. 209. – *А. Масаинов*. Святой Серафим. (Стихотв.). С. 210. – *А. Красницкий*. Учительный Старец. (Стихотв.). С. 211. – *И. Бунин*. Кончина подвижника. (Стихотв.). С. 212. – *О. Алексей (Царенков)*. Святая Русь. (Стихотв.). С. 213. – *Ф. Сологуб*. Погром обители. (Стихотв.). С. 214. – *С. Бехтеев*. Видение Дивеевской старицы. (Зима лихолетья 1917 года). (Стихотв.). С. 215. – Угодник. (Памяти преподобного Серафима Саровского). (Стихотв.). С. 219. – *А. Ладыгин*. Серафим Саровский. (Стихотв.). С. 220. – *Т. Шорыгина*. Святой целитель. (Стихотв.). С. 221. – *Н. Карташева*. Саровской пустыни святыня... (Стихотв.). С. 231. – *В. Ануфриева*.

Серафиму Саровскому. (Стихотв.). С. 232. – *Н. Веселовская*. В Серафимо-Дивеевском монастыре. С. 233. – *Диакон Анатолий Трохин*. Дивеево. (Стихотв.). С. 235. – *Монахиня Антония (Берг)*. Подвиг старца Серафима. С. 237].

С.А. Нилус. Полное собрание сочинений: в 5 томах. (Под общ. ред. *А.Н. Стрижёва*). М.: Винруд, 2013–.

2014

Игнатий (Брянчанинов Дмитрий Александрович; еп. Кавказский и Черноморский; 1807–1867). Полное собрание творений святого Игнатия Брянчанинова. (Составление и общая редакция – *А.Н. Стрижёв*). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Паломник. 2014. (Т. 1. 2014. 655 с., [1] л. цв. ил.; Т. 2. 2014. 704 с.; Т. 3. 2014. 560 с.; Т. 4. 2014. 622 с.; Т. 5. 2014. 622 с.).

Сергей Александрович Нилус. Полное собрание сочинений: в 5 томах. (Под общ. ред. *А.Н. Стрижёва*). Изд.: Великий Град. 2014.

2017

Сергей Александрович Нилус. Близ есть, при дверех. (Составление и предисловие – *А.Н. Стрижёв*). 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации: Родная страна. 2017. 568 с., ил., портр., факс. (Русская цивилизация).

Цевница. Усадебная лира. 1790–1820. (Составители *А.Н. Стрижёв, М.А. Бирюкова*). Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска». 2017. 239 с., ил. (Содержание: *А.Н. Стрижёв*. В уединении творится дух высокий. С. 9. – **И. Сельская жизнь. Природа**. [Стихотворения]; *Херасков М.М.* Сельская Муза. С. 17. – *Станевич Е.И.* Мои желания к уединению. С. 27. – *Жихарев С.П.* К моей родине. С. 33. – *Волкова А.А.* Утро. С. 35. – *Мартынов И.И.* К цветам. С. 39. – *Салтыков Г.С.* Чувствования мои зимою в деревне. С. 41. – *Долгоруков А.А.* Летний вечер. С. 43. – *Долгоруков А.А.* К приятелю в столицу из деревни. С. 45. – *Магницкий М.Л.*

Соловей. С. 47. — *Дмитриев М.А.* Воспоминания. С. 49. — *Вельяшев-Волынцев Д.И.* Палемон. С. 53. — *Хвостов Д.И.* Человек, довольный собою. С. 57. — *Сен-Ламбер Ж.-Ф.* Торжество весны. С. 61. — *Сен-Ламбер Ж.-Ф.* Времена года. С. 63. — *Норов А.С.* Весна. [Подражание Сен-Ламберу]. С. 70. — *Делиль Ж.* Природные климаты. С. 71. — *Лезай-Марнезий К.-Ф.-А.* Ландшафтный сад. С. 75. — *Великопольский И.Е.* Срубленная роща. [Подражание Ш.-Ю. Мильвуа]. С. 87. — **II. Патриотика.** [Стихотворения]: *Тургенев А.И.* К Отчеству. С. 91. — *Шишков А.С.* Стихи для начертания на гробнице Суворова. С. 92. — *Глинка С.Н.* На переход Российских войск через Ботнический залив. С. 95. — *Илличевский А.Д.* Трубка. С. 97. — *Муравьев М.Н.* Богине Невы. С. 100. — **III. Философические размышления. Просвещение.** [Стихотворения]: *Херасков М.М.* Время. С. 105. — *Херасков М.М.* Просвещение. С. 108. — *Пнин И.П.* Время. С. 111. — *Дмитриев И.И.* Тибуллова элегия. С. 113. — **IV. Анакреонтика. Досуг.** [Стихотворения]: *Сомов О.М.* Спутники Улиссы. С. 119. — *Туманский В.И.* Монастырь. С. 124. — *Писарев А.А.* Различие. С. 127. — *Булнина А.П.* Майская прогулка болящей. С. 128. — *Дмитриев И.И.* Чиж и Зяблица. С. 131. — *Аксаков С.Т.* Роза и Пчела. С. 133. — *Пушкин В.Л.* Голубка и бабочка. С. 135. — *Панаев В.И.* Милон. С. 137. — *Федоров Б.М.* Песня. С. 139. — **V. Поэзия природы в прозе:** *Линь Ш.-Ж.* Взор на сады. С. 143. — *Болотов А.Т.* Живописатель натуры. С. 165. — **Приложение: Стрижёв А.Н.** Остатки Рая на земле. С. 203. — *Перминов Ю.П.* И время, и жизнь, и Бог. С. 221. — Список литературы. С. 235).

2018

Преподобный Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого. (Составление и примечания А.Н. Стрижёва. Отв. ред. О.А. Платонов). М.: Институт русской цивилизации: Родная страна. 2018. 480 с. (Содержание: **Раздел I.** Жизнь и труды Преподобного Серафима Саровского: *Протоиерей Димитрий Троицкий.* Житие преподобного Серафима Саровского. С. 5. — Из старинной рукописи. Жизнь, подвиги и кончина Саровской пустыни иеромонаха и пустынножителя отца Серафима. С. 92. — Житие старца Серафима. [Современный извод]. С. 115. — **Раздел II.** О цели христианской жизни: Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском,

в беседе его о цели Христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым. С приложением богословских толкований «Беседы». С. 161. — *Архиепископ Вениамин [Федченков]*. Откровение преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни. С. 205. — *Н.П. Попов*. Богословское рассмотрение «Беседы преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни». С. 211. — *И.М. Концевич*. Стяжание благодати Божией. С. 241. — *М.А. Новоселов*. Свидетельство о Духе Святе. С. 247. — *Протоиерей Георгий Флоровский*. Подвиг и радость. С. 261. — *Преподобный Силуан Афонский*. О несозданном Божественном свете и образах созерцания его. С. 262. — *Архиепископ Нафанаил [Львов]*. Влияние преподобного Серафима в русской церковной истории. С. 274. — *Иеромонах Серафим [Роуз]*. Бог есть Огонь. С. 280. — *Протоиерей Валентин Свенцицкий*. Предречение о временах последних. С. 282. — *В.Н. Лосский*. Дары Святого Духа. С. 288. — **Раздел III**. Письменные наставления старца Серафима. С. 306. — **Раздел IV**. Паломники: *С. Нилус*. Служка Божией Матери и Серафимов. [Симбирский совестный судья Николай Александрович Мотовилов]. С. 346. — Письма Н.А. Мотовилова императорам Николаю I и Александру II. С. 417. — Письмо Н.А. Мотовилова Императору Николаю I. С. 417. — Письмо Императору Николаю I. [Слово великого старца Серафима]. С. 427. — Докладная записка Императору Александру II. С. 433. — Из пророчеств Преподобного Серафима Саровского. С. 446. — Великая Дивеевская тайна. С. 448. — Приложение к «Великой Дивеевской тайне». [Из семейного архива Флоренских]. С. 450. — Антихрист и Россия. С. 451. — **А.Н. Стрижёв**. Примечания. С. 455. — Содержание. С. 471–472).

(Окончание следует.)

*Составление и вступительная заметка
М.А. Бирюковой*

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 821.161.1

А.Н. Стрижёв

**СВОИМИ ПУТЯМИ-ДОРОГАМИ:
(Из воспоминаний)**

О себе повествую сам

Свою повесть «Из малых лет» (1971) я, может быть, слишком густо оснастил говорами и речениями родного села Тарадей – Шацкий уезд Рязанщины, искони Тамбовской губернии по этнокультурному облику крестьян. Там среди них и родился, рос и возростал. Потому и язык родной для меня, не привозной, а свойский, «туземный». Сельская улица, речистая, приметливая и улыбочивая в радости, а в горести – немногословная, напряженная в крестьянских буднях. Ребяшня пробавлялась, чем могла, зато сторонилась казенных прозваний, обходясь просторечиями, кличками и прозвищами, впрочем совсем необидными, просто для удобства. А подробности житейские западали в душу из разговоров взрослых, от них же и старина, и былая жизнь, исповедальность и такт в пределах совести. Запаса впечатлений хватило на всю жизнь.

Когда приехал в Москву к родителям (1950), село родное еще живо говорило во мне и согревало фантазию, несмотря на предстоящие тяготы, обрабатывая познанием «дикий камень». И еще книги – мои наставники с малолетства. С возрастом ими только и держалась мечта. Собирал поначалу, что приглянется, а с годами вырабатывался вкус к избранному чтению. За классиками потянулся к изысканным поэтам: Федору Тютчеву, Иннокентию Анненскому, литераторам Серебряного века. Собирательство редких и запрещенных книг навсегда стало моей страстью. Знако-

мился и дружил с такими же книжниками, только и радовался находкам. А когда учился в Редакционно-издательском институте (1957), собирательство изданий приобретало некоторую цель – возможная полнота источников для библиографий, публикаций поэтов и прозаиков. Круг имен суживался, постепенно серьезные разыскания определились двумя-тремя темами: Тютчев и его время, а из прозаиков – Евгений Замятин с его исканиями новаторского мастерства. Жизнь этого писателя, полностью вычеркнутого из литературного обихода, составлял по крупицам – на его Родине в Лебедяни, в расспросах рассеянных по стране уцелевших родственников и уездников. Всё делал для себя, надежды на востребованность имени – никакой. Отпугивало непонимание в литературных слоях общества да чванливость среди пустопорожних писателей. И с какой теплотой вспоминаю людей неравнодушных к судьбе словесников – и прежде всего вспоминаю скрытных и честных библиофилов, архивистов и краеведов. Мои занятия были нужны, прежде всего, мне самому. Раздвигал горизонты поиска, усваивал источники, вживался в эпоху, постигал действительность.

И всё же крестьянская доля настойчиво напоминала о прежних обидах и радостях, хотелось поярче и подостовернее рассказать о жизни русского села. А жило село, придерживаясь старозаветных привычек, мудростью накопленного опыта. С остатками сельского населения мудрость сеятеля еще как-то держалась. Требовалось заняться сбором хозяйственных пословиц, поговорок и примет, опираясь на записи этнографов, фольклористов и краеведов, включив в этот свод и собственные записи, слышанные от старых сеятелей, пастухов и скотников. Копились мудрые выражения исподволь, и вот подошел срок разбирать накопленный массив записок. Повторы и формальные записи – в сторону, а которые в лад говору, поэтической зоркости земледельца – в основной фонд. Вникнув в ученые труды агрономов, сверил и в этом измерении выводы практиков, собственные наблюдения за процессами труда, за сменой времен года на Русской равнине и, конкретнее, в пределах своего уезда. Ощущение признаков смены сезонов года, одушевленных поэтических картин природы и живое движение впечатлений – всё подтверждало достоверность образного строя очерков.

Народный календарь представлял собой дневник православных и трудовых святцев, и это было так необычно после стольких лет гонений на русскую традиционную жизнь. В пяти номерах замечательного журнала «Наука и жизнь» (1968 г.), в моих очерках, посвященных народным знаниям о временах года, было опубликовано 3 тыс. афоризмов, народных выражений – примет, пословиц и загадок, и весь этот свод вековой мудрости наложен на календарную сетку с пояснениями в той же тональности поэтического сказа. Трехмиллионный тираж журнала практически читала вся страна. И мешки отзывов тому свидетельство. В следующем, 1969 г. здесь же стали публиковать продолжение моих очерков – научное рассмотрение каждого месяца на основе климатических и метеорологических сведений, полученных учеными по данным инструментальной науки. Чтобы не «засушить» поднятую тему, в очерки включались живые сцены из мира природы. В 12 номерах журнала, таким образом, был описан облик каждого месяца, а в целом – и всего круглого года. Далее предстояло оформить последовательность фенологических фаз и их наступление в том или ином году. За 100 лет накоплены сведения по 200 аспектам наблюдений, собранные доброхотами, а когда появились метеорологические станции – то и профессиональными фенологами, взаимодействующими с широким кругом добровольных помощников, объединенных наставниками в составе Русского географического общества. Сведения, публикуемые в «Календаре русской природы», учитывали отклонения дат наступления фенологических фаз по годам, но выводилась также медиана, средняя за все исследуемые годы, рассчитанная как статистически взвешенная. Оставалось определить подсезоны года. И это было сделано и даже графически изображено в особом спектре сезонов (1973), в котором показана продолжительность в днях каждого подсезона и признака наступления явлений. Народная мудрость, таким образом, проверяется учеными, и добытые разными путями сведения совпадают. Тут автору в полную меру пригодились знания, полученные в сельскохозяйственном институте, и то, что подсказывал личный опыт наблюдений в живой природе.

Этот же опыт востребовался при создании нового цикла «Русское разнотравье».

Публикации продолжались непрерывно десять лет (1971–1981), всего 120 очерков о самых обыкновенных наших травянистых растениях, обитающих на лугах, в полях и вдоль рек. «Не сеяно, не полото зеленое золото» – так говорится в русской загадке об этом народном достоянии, названном одним словом – «разнотравье». Выговорить-то легко, а выразить непросто. Надо было так описать ботанический облик вида, чтобы был узнаваем и назван понятно. Кроме закрепленного научного названия, желательно представить широкий ряд местных прозвищ, таящий целый кладезь понятий о лекарственном и хозяйственном применении конкретной травы. Синонимические ряды просторечных, диалектных названий открывают в говорах копилку народных сведений о живом опыте наших предков, непосредственном общении с природой своего края. Потомки усвоили и обогатили эти знания, соблюдая завет: беречь и множить благодатное достояние, укреплять и украшать жизнь.

Сквозь очерки хотелось проявить еще и эстетическую связь человека и окружающей его красоты. Деловой хозяин знает, когда лучше заготавливать впрок корма, где их лучше всего заготавливать и как хранить. Еще с большим искусством травознай приступает к запасам лекарственных растений и к их применению. Книга «Русское разнотравье» обо всем этом поведает ненавязчиво и достоверно. Не упущен и занимательный интерес – приводятся легенды и предания, строчки из литературной классики тоже приурочены кстати. Эти научно-художественные публикации в журнале «Наука и жизнь», возможно, напомнили нашим беллетристам по-своему развернуть поставленные темы. Во всяком случае, Василий Белов следом создает свой деревенский эпос «Лад», а писатель Владимир Солоухин – обширный очерк «Трава», делая в нем упор «сугубо» на личные впечатления. Смыкались лишь аспекты наблюдения, а рассуждения делались свои.

Проходя версты родными просторами, бывая в лесу, в лугах, а то и шагая полевыми дорогами, частенько вспоминал словечко моей сторонки, говор села Тарадеи Шацкого уезда. Ну а облик слова – это одушевленный образ односельчан, оттого и запал в душу. Хожу, бывало, и перебираю слова-самоцветы, возникают знакомые образы, а то и деревенские сцены.

Постепенно своих слов накопилось изрядно. Глянул в записи, подсчитал. Так это же целый словарь! С толкованиями 400 единиц. Решил послать свои находки в Институт русского языка, где всю разворачивалось многотомное издание «Словаря русских говоров». Очень скоро получил письмо академика Федота Петровича Филина, директора этого академического учреждения. Благодарит за присылку тамбовских говоров, слышанных мною за время проживания в своем селе с рождения в 1934-м и по год убийства – в 1950-м. Пишет, что по Тамбовщине в институте имеется мало лексических материалов и записанные мною говоры войдут в академический словарь. И вправду, уже начиная с девятого (1972) тома словаря мои записи с пояснениями стали печататься в статьях этого издания.

Но подступил знаменательный срок – 50-летие Александра Исаевича Солженицына (1968). Какой сделать писателю подарок, чтобы пришелся к месту, не был бы лишним? Вот записи тамбовских говоров как раз игодились; ведь Классик в то время разворачивал «Красное колесо» – на действительность октября 1916 г.

И среди персонажей его книги тамбовский выходец Воротынцев, для его речевой характеристики и потребовались «туземные» слова и местные прозвища.

Не обошлось тут, правда, без казуса. В нашем селе, где собирал слова, мне привелось вставить в говоры одно слово, слышанное мальчишкой от деревенского старика, по прозвищу Дед Масло. Садясь за стол, он говорил «поштофкаю», «поем» значит. Не знал я тогда, что это выражение степенного старика заносное, не наше. Крестьянин носил его с тюремных лет, тех, когда отбывал каторгу, и долгое время затем не выронил из своего скудного запаса: дед неразговорчив был.

Александр Исаевич сразу же заметил мой промах, сказал только, что всё по делу. Хорошо, но есть и замечания. Какие – не сказал, мол, думай сам. И я кумекал, думал, да ответа не находил. Проходили годы, десятилетия, и вот великий мыслитель вернулся из Вермонта на Родину, и снова встреча. Зашла речь всё о тех же тамбовских говорах, о моей повести «Из малых лет», написанной для него же, до депортации... И если мне всё раньше сходило с рук, то теперь требовательного писателя расстраивали некоторые мои непристойные выражения и физиология поведения персонажей.

Лепил я образы «один к одному», как было в жизни, и если бы получилась вмятина при лепке, она так и осталась бы незаглаженной. В целом записка получилась: такая деревня, незнакомая писателю в подлиннике, талантливейшему творцу литературных произведений, исследователю-труженику – не была безразлична, ежели ему доставили в изгнание и за рубеж, и там он читал те мои скоропалительные страницы, что возникли сокровенно и прикровенно. Может быть, более удачными получились вещи, исполненные в другом регистре? Помню, как похвалил Александр Исаевич радиопередачи цикла «Русский календарь и народная песня», где мой текст читает славный Юрий Яковлев, актер театра Вахтангова, в сопровождении народного хора с колоритными голосами Марии Мордасовой, Валентины Кладниной и восходящей в зенит Шуры Стрельченко. Передачи длились целый 1970 год, с переходом на следующий месяц, да вмешались бесы – претила русская нота. Тогда на популярном радио закрыли редакцию «Русская песня»; и гайку подкрутили – еще на одну винтку.

Коснувшись содержания своей автобиографической повести «Из малых лет», должен бы дать и некоторые пояснения. Дело в том, что спустя два десятилетия, когда она вышла в свет, кое-кто стал меня упрекать в упрощении имен, замене их прозвищами, а то и кличками. Умышленно ли это, или верность традиции? Ведь в повести, написанной от лица ребенка, говорит сельская улица, а там не принято кого-либо величать по имени-отчеству. А как принято? Устоявшимся прозвищем. Словесный жаргон вмещался властями – им претила воздержанность совестливого человека. Впрочем, в семьях не принято сквернословить и безобразить – терять образ воспитанного мальчика, тихого и сосредоточенного; к тому настраивал и труд, в него впрягались все от мала до велика, слышанное от взрослых не забывалось, особенно что связано с событиями или случаями. Быт крестьянской жизни перекрывался весточками с фронта, ими-то и жили, а бедствовали как могли. Одним словом, панорама смятенных и страждущих душ того сельского лихолетья представлена в повести начистоту, без утайки. Не без натурализма, без него было бы лучше и обойтись в повести.

В ту же пору мне вздумалось прояснить для себя глубоко упрятанные, запрещенные у нас иные темы. Не страшился проявлять их с юных лет: занимаясь ими опять же для самого себя.

К примеру, увлекался творчеством Замятина, Солженицына, а вскоре заинтересовал меня духовный феномен Сергея Нилуса.

О поисках следов его жизни уже мною рассказывалось, а тут разве что поясню, как попали ко мне в руки автографы его сакраментального труда «Близ есть, при дверех...» с протоколами и толкованием к ним. О подлинной рукописи этой книги и не мечталось – сама привалила. А было так: занимался печатными произведениями этого автора наравне со всеми, кого знал: выступал перед публикой в 1990 г. вместе с философом Сергеем Половинкиным в кинотеатре «Меридиан» – полторы тысячи зрителей! Посещал с друзьями Оптину пустынь и так далее. Да ведь, наверное, так самому Господу было угодно. Заметили меня за океаном православные. Нашли в Первопрестольной и положили на стол толстый пакет, а в нем автограф рукописи, прежние издания – книги 1916 г., наполовину урезанные духовником писателя архиепископом Никоном (Рождественским), другие рабочие экземпляры этого издания, рисунки ко всем разделам, собранные и подписанные самим Сергеем Александровичем, и аккуратно написанный перечень материалам и их последовательность в содержании. Были в том пакете и сопутствующие материалы: рецензии, письма, важные публикации в периодике и собрание теософских брошюр. В целом весь архив этой последней книги С.А. Нилуса. Мне предстояло научиться читать рукопись, усвоить до тонкостей характер его письма, дать адекватный перевод иноязычных текстов (привлекал для этого верных знатоков), а подготовить рукопись к набору – вот тут-то и потребовалась осторожность. Пробовал снять ксерокопию – не пошло, наборщик не читал авторскую скоропись. Решил переписать от руки новые рукописные страницы, старался делать это не торопясь, одновременно выверяя тексты цитат, уточняя написание неизвестных мне фамилий и разного рода названий. Так и чувствовал, что Нилус знал, кто будет публиковать его рукопись, и мы сошлись в творческом редакционном процессе. Доверенный наборщик обналичивал печатным образом переписанные мною с оригинала тексты, я выверял их, вносил правку. Ни одна страница Сергея Александровича не пропала, всё хранилось у меня. Так создавался массив исследования. Ничто не потерялось: что было доверено мне, то через полтора года и вернул монаху Герману (Подмошенскому), истинному подвижнику Православного Слова.

Я сподобился знать отца Германа и насладиться его беседою. А о Серафиме Роузе мне посчастливилось написать отдельный очерк, помещен как предисловие к его книге «Душа после смерти». Впоследствии мне удалось издать полное собрание творений Сергея Александровича Нилуса в шести томах, с архивными разысканиями и специальными статьями, посвященными его биографии.

Но главное, что утешало меня, – хотелось поработать на духовную пользу наших людей, во славу нашей веры отеческой. Как же тут не рассказать о водителях совести, преподобных русских святых? И в первом ряду национальных подвижников – Серафим Саровский. Стал собирать о нем материалы, житийные, богослужебные и литературные, оставленные светскими людьми. Оказалось, таких текстов сохранилось изобильно. Особенно много их появилось в разных жанрах накануне и после Саровских торжеств 1903 г., когда на прославление Батюшки Серафима собралась в Сарове вся крещеная Русь во главе с Царем и его Императорской Фамилией. Молитвословия, задушевные рассказы и очерки, поэзия талантливо слетали с благочестных уст. Стал кое-что печатать из Серафимовой сокровищницы еще при прежнем строе в журнале «Литературная учеба». Ездили на поклонение в Саровскую обитель, был на встрече цельбоносных мощей в Дивееве, ликовал вместе с людьми столь отрадному событию. В 1993 г. вышел в свет двухтомник «Угодник Божий Серафим», составленный совместно с игуменом Андроником, внуком священника П.А. Флоренского. Церковная жизнь так близка была душе, что литературное дело – возратить моему народу отторгнутый пласт духовной культуры самобытной – стало делом жизни, призванием.

Памятным церковным событием стало празднество Святителя Иоасафа Белгородского в Белгороде, где возрождался и монастырь его имени, и его почитание. Надо было мне крепко посидеть, разыскивая источники для книги о Святителе. Всё важное, что накоплено со времени первого прославления, должно было войти в состав жизнеописания. Художественная часть и библиография публикаций по возможности разыскивались заново. Святитель Иоасаф и культура его времени – программа обширная, и необходимо представить ее хотя бы в общих чертах. Отныне библиографическая база публикаций об Иоасафе Белгородском приняла

окончательный вид благодаря усилиям М.А. Бирюковой, трудолюбивой и владеющей профессиональным навыком.

Как литератору, мне, по совести, вменялось в обязанность возвращать людям отчужденные по идеологическим причинам достойные имена писателей, оказавшихся за рубежом. Только так быть вместе всему талантливому и даровитому. Русские мыслители тоже должны вернуться в Отечество и послужить национальной цивилизации.

Разворачивался широкий фронт объединения интеллектуальных сил для создания полноценной жизни.

В ряду видных прозаиков, влачивших в эмиграции оковы изгнания и служивших верно русской словесности, был Леонид Федорович Зуров, чье творчество меня и привлекло. В своих повестях, очерках и воспоминаниях он предстает продолжателем бунинской традиции, собирателем фактов боевых будней, недавних или давно прошедших. А в лирических зарисовках Зуров проявился в полную меру как мастер русского простора и художник пейзажа настроения. Известны его этнографические исследования в древних Печорах. Благодаря трудам филолога Ирины Белобровцевой (Эстония) ожили и заговорили новые архивные тексты Леонида Зурова, оказавшиеся в Англии, этнографические исследования переиздал Андрей Пономарёв (Москва). И всё же первый и пока единственный однотомник писателя удалось издать мне еще в конце 90-х годов прошлого века в Москве, где была мною принята попытка представить и библиографию его работ.

Из крупных прибалтийских беллетристов русского направления остановился на творчестве Василия Никифорова-Волгина. Его уже вводили в круг чтения в довоенные годы. Но то было в тогдашнем зарубежье, а во внутренней России он оставался почти неизвестен. Нужно было переиздать его книжки с добавлением новых текстов его и о нем, требовалась также и критическая оценка современников и сочинения погромщиков и властей, приведшие к аресту и мученической кончине в сибирском лагере. Василий Никифоров-Волгин – талантливый православный писатель, изобразивший жестокую богоборческую порчу и поставивший в своих рассказах судьбы людей, не утративших стойкость духа верующих сердец, крепко держащихся правды, наперекор лютой действительности. Сборник «Заутреша Святителей» благочестивого прозаика

мною снабжен обширным перечнем его публикаций. Жаль, что многие из его творений пока недоступны и покоятся в архивах Нарвы и Таллина. Но начало положено, его рассказы полюбились и прочно вошли в литературный обиход чутких читателей.

Подошел срок издавать детский православный журнал. Назывался он «Купель». Эту благодать принимаем от рождения и всю жизнь вмещаем ее. Мы все, крещенные, носим эти дары, сопричастность к спасительной воле Святого Духа. Так что журнал должен состояться особенный, душепитательный. При мне редакция «Купели» закраивала второй номер. И он не должен походить на первый номер, напоминающий «Пионер» недавнего времени. Вместе с литератором Петром Паламарчуком придумывали, что коренным образом следует менять. Он формировал церковно-богословскую часть публикаций, а аз грешный – литературную. Нужны были добротные стихи и проза, да не те, что навязли на зубах, давно известные. Детская проза благочестивых писателей русского рассеяния привлекала задушевностью и мастерством. Тексты изучал, присматривался к тому, что сделано вдохновенно. Думал: раз понравилось самому, то подойдет и другому. Детские литературные вещи должны быть особенные – добрые по настроению, мягкие по талантливому исполнению, мудрые в поучениях. Довоенная детская периодика русского зарубежья сначала существовала и в Европе, и в Китае, где проживали изгнанники первой волны и среди них несомненные художники слова, видные церковные писатели и тонкие искусствоведы. Всё живое для детей – то наше! Впрочем, перепечаток в меру, упор надо делать на создание новых этюдов, познавательных повествований и звучных стихов. Оформитель «Купели» художник Ольга Стацевич нашла свой, ладный подход к подаче произведений разных жанров. Получился журнал привлекательный внешне и живой в содержательной части. В семье периодических изданий, а их возникло и потухло в разных местах немало, наша «Купель» держалась ряд лет. И всего вышло в свет 27 номеров. Что ни номер, то гостинец ребенку. О том и пеклись литературные дяди. И «Купель» – моя скромная издательская метка.

Надо было озаботиться выпуском педагогической книги, полезной взрослым и детям. Для этого подбирал тексты разных

благочестивых наставников, чьи тексты взаимодействовали бы в стремлении быть интересными и полезными. Каждый, кто раскроет страницы «Школы православного воспитания», убедится, что все они обращены на пользу тем, кто работает на ниве национальной культуры, познает и сохраняет национальные традиции. Учащимся предложены литературные тексты – стихотворения, рассказы и познавательные очерки, созданные даровитыми писателями, чуткими к движениям чувств юношества, наполненных идеалом прекрасного и благородного. На 600 страницах учащиеся и педагоги найдут редкие портреты, иллюстрации и картины из жизни старой русской школы, слова признательности людей, прошедших обучение в классах. Широкому кругу читателей предназначен наш сборник «Молитвы родителей о детях и о семейном благополучии».

В творениях великого духоносца Иоанна Кронштадтского найдется немало педагогических мыслей, ведь Всероссийский батюшка четверть века преподавал в городской гимназии и обладал огромным опытом наставничества. А его спасительные молитвословия легко обнаружить в проповедях и дневниках. Общаясь с учениками, он непременно приводил примеры молитвенного обращения к святым о подаче помощи в нуждах и призывал к благоразумию. Яркой обличительной речью отмечен его «Предсмертный дневник» последних месяцев жизни 1908 г., издан мною полностью в «Паломнике». Была также составлена «Летопись жизни и творений» великого труженика и патриота России, разработана база источников к его биографии.

Старался участливо отнестись к проблемам церковного искусствоведения, возвращая людям погубленных безбожниками деятелей православной культуры, исследователей иконографии и письменности. Были изданы изъятые труды искусствоведа князя Юрия Александровича Олсуфьева, собранные в книге «Икона в музейном фонде» (2006). В антологии «Православная икона. Канон и стиль» были представлены редкие высказывания русских искусствоведов относительно отдельных святых образов и дан свод печатных источников публикаций.

Открылась возможность вести в Интернете свою страницу. За последние семь лет в «Библио-Бюро» в содружестве с библиографом Маргаритой Бирюковой мы разыскали и пояснили десятки

имен писателей и критиков, отодвинутых и преданных забвению по идеологическим причинам. Без этих имен история Отечественной словесности неполна, ущербна. Возможностью воспользовались в меру своих сил.

Так проходят годы жизни исследователей, преданных Русскому Слову, ставящих превыше всего совесть и справедливость.

На спуске догмы: размышления самовидца

Наша школа рабочей молодежи на улице Образцова в Марьиной роще считалась нетипичной и старомодной, а по внешнему виду – далеко не стандартное строение. До революции в нем помещалась гимназия, потому-то и архитектурные украшения того времени, и даже школьный двор с его глубоким и тенистым проходом ничего общего со стандартными общеобразовательными заведениями не имели. Одним словом, всё старомодно, нетипично по тогдашним представлениям. И возникли занятия здесь лишь в 1950 г., так что наш выпуск десятого класса будет первым. Дотянуло до него человек 20 с небольшим, а поступало в три раза больше. В основном учились dobroхоты вроде меня или дети репрессированных родителей, за что и как – здесь никто никого не расспрашивал. Дружим внешне, но с кем-то сближались по интересам. Девушки держались особняком.

А товарищем моим в классе был Геннадий Овдин, говорун, ухажеристый. Любил он слегка поэзию, немного рисовал. Но в свои 26 лет ни в чем не преуспел и не собирался ни во что углубляться, лишь бы быть на поверхности. И всё же с ним можно было о чем-то потолковать и перекинуться на уроках самодельными стихами. А стихи серьезные, заправские я искренно любил. Из живых поэтов увлекался Пастернаком и стихотворцами его круга. И вот глубокой осенью 1952 г. мы сговорились с Геннадием сходить домой к Борису Леонидовичу на Лаврушинский, где жили тогдашние светила. Выбрали подходящий день и пустились в литературное путешествие. Сперва зашли на Телеграф, взяли лежавший там «гроссбух» с телефонами и адресами всех москвичей. Нашли номер Пастернака и на всякий случай домашний телефон и адрес Владимира Луговского, поэта, известного по его сборникам 20-х годов; «Мускул» и «Страдания моих друзей» прихватил

у букиниста. Думаю, пригодится: если Пастернак нас не примет, пойдем к Владимиру Луговскому, в том же подъезде.

И вот пришли. Поднялись на шестой, позвонили. Отворил дверь кто-то из домашних, спрашиваем Бориса Леонидовича. Нам вежливо отвечают: поэт в Переделкине и тут неизвестно когда будет. Пошли ни с чем на четвертый этаж к Луговскому. Опять звонок, выходит сторбленная старушка с просветленным лицом. Дала знать поэту, что к нему пришли. Он важно вышел, мы смущенно сказали, что любим его читать и кое-что свое принесли. Не раздевая нас, так в пальто и в калошах проводит нас в свой кабинет. Живой поэт, в свою литературную мастерскую ведет, это ль не событие? Оглядываю кабинет: вижу черкасское седло, фигурки Будды – как же, ведь «усмирял» басмачей в 30-х и даже сборник об этом выпустил «Большевикам пустыни и весны». И вообще много писал разного. На столе его вижу только что изданные три тома В. Стасова и стопку необыкновенных записных книжек. Все они сделаны по заказу и переплетены в шелковые ткани женских расцветок. Позже слышал, что это из кофточек возлюбленных женщин, собирав и увековечивал.

Владимир Александрович – человек представительный. Встретил почитателей ухоженным, в дорогом костюме, пошитом по его фигуре из ткани «метро», в лацкане металлическая «божья коровка». Движения мягкие, речь властная. «Ну, читайте», – это к нам. Овдин ожимается, толкает меня – начинай. А с чего начинать, соображаю на ходу. Ведь Луговской входил когда-то в группу конструктивистов, стало быть формалист по призванию. Прочту ему мое стихотворение «Бессонница», написанное в крайне тревожном состоянии. В своем летнем домике никак заснуть не мог – всё мечтал и бредил лишь одной особой, Багрий. Так, в горячке, и сложились полубредовые строки. Читайте.

Падают звезды в прозрачную синь,
Месяц в кустарник пускает зайчик,
Длинные тени от спящих осин
Густо сползают в овражный ящик.

Человек мечется, его душит спазма,
Кто-то сапожищами бьет у крыльца,

Зрачок запрятал на поверхность глаза,
Руки откинулись в два кольца.

Мягкая в душу сочится тоска,
Словно в дырявую лодку волны.
Чувствует: крошатся звезды –
И с высока, прямым ударом
Тысяча молний выстрелом глушат
Больное сознание.

Где-то деревни покорней слуги,
Свадебный поезд лошажьим ржаньем
Рвет колокольчик с горящей дуги.

Человек мечется,
Его душит спазма.
И нет его боли конца,
Бронхи наполнились до отказа
Раскаленной лавой свинца.

Поглядываю на мэтра. Молчит, сдвинул свои знаменитые брови, «Бровеносец», сделал знак – продолжай. О чем же еще? Думаю: раз не тронула его моя боль, надо прочесть что-нибудь о природе родной, другой моей первоизданной радости. Самый раз «Предвесенье», написанное в том же 52-м.

Рыхлый снег обласкан солнцем,
Жарок яркий луч.
Под бугром блестит оконце
Первых капель с круч.
Облака, светлей эмали,
Взор отвыкший
Вновь спят.
И раздвинутые дали
Вновь бескрайностью манят.
Где-то жаворонка трели
Радость славят с высоты.
По лощинам запотели

Вербные кусты.
Зима укрылась на пороге
За ледяной косяк,
А на обочине дороги
Ныряет пепельный русак.

«Пиши о русаках», – наставляет «Бровеносец». По душе мне
пришлась его подсказка. Дорожил ею, холил. Овдин вызвался про-
честь несколько строк Луговского самому автору.

Луна стоит на капитанской вахте,
На сотни верст раскинулся прибой.
И, словно белая трепещущая яхта,
Уходит женщина, любимая тобой.

Литературщиной отдавало, впрочем совсем не противной,
почти как поглаживание.

В проеме растворенной двери проплыла важная особа в
шелковом халате. Мне потом называли ее – Грудцовой. И поэт на-
мекнул Овдину прочесть что-либо свое, но тот отказался, дескать
еще не дописано. Тогда Владимир Александрович взял с полки
журнал «Знамя», в редколлегию которого входил, и стал читать из
него свои последние стихотворения, посвященные середине века.
Взволновать они не могли, но ритм чувствовался. На прощание
велел прийти к нему в следующем месяце. Так, телефонный спра-
вочник познакомил нас. Тогда всё делалось просто.

Всё делалось просто и понятно. И многое делалось надолго.
О сталинских градостроительных планах уже упоминалось в связи
с возникновением капитально отстроенных, добротных городских
домов. Высотки подчеркивали целеустремленный стиль динамич-
ного десятилетия. В какой цивилизационный облик ни погляди –
всюду заметишь высокий стиль тех лет, выражающий, в соответ-
ствии с потребностями жизни, развитие самобытного таланта лю-
дей, еще не выпрямленных после гнета прежних догм. Развернулась
программа возврата людей к истокам русской классики, научной
и литературной. Готовились к изданию многотомные труды Мен-
делеева, полный Ломоносов в десяти академических томах, педа-
гогические труды Ушинского и публицистика Чернышевского.

Задумывалось, а вскоре и осуществилось 30-томное Собрание сочинений Герцена. Это лишь малая толика того, что делалось за каких-нибудь 15 лет эпохи высокого стиля, которую для краткости величают «сталинской». А в музыке что? И, если шире взять, в искусстве что? К юбилею Вождя, говорят, было написано 3 тыс. кантат, и среди них совершенно исключительное произведение великого Прокофьева. Даже в затхлой литературной среде встрепенулись, казалось бы, давно заснувшие авторы. Взять, к слову, замолчавшего до поры до времени наставника начинающих литераторов, переводчика первой руки Георгия Шенгели. Не сдержал выдоха старый словесник и выдохнул талантливое слово хвалы Вождю. И кто только не клялся тогда в хвалебных песнопениях в верности ему? Точь-в-точь богатырский эпос в былинном обличье!

Теперь, по прошествии стольких десятилетий, лично спрашиваю свою совесть: «Как же ты, десятиклассник, обладающий хоть каким-то жизненным опытом, мог написать такое скоропальчатное стихотворение, посвященное смерти Сталина?» Вот оно.

Лишь закрою глаза перед сном,
Слышу: ветер поет за окном.
Песня звонко гудит по ладам:
Смерть тирану, свободу рабам!
Кто же, ветер, тебя научил
Петь так дерзко в кромешной ночи?
Кто в тебя эту злобу вселил,
Гневной силой тебя напоил?
— Четко слышу: страданья твои!

Злые те строки сложены очевидцем разорения родного края, обильного от природы дарами земли, сильного людьми крепкими и не обделенными от рождения талантами, смекалкой и пригоже-ством. Словом, народ как народ, этнос, устремленный в живое будущее. А его-то и не получалось — под большевиками, окруженными живоглотами и лихоимцами. Комитеты бедноты — сборище душителей самодостаточных крестьян; в прямом смысле они были разорителями уклада и растлителями быта сельской общины, верховоды греха. Эти-то горлопаны, опекаемые сверху, пресекали живые корни семьи выверкой личного клочка земли, пересчитывали

и переписывали по семь раз каждого ягненка и каждого куренка. Кто держал корову, тот обязывался на все лето сдать по госпоставке 260 литров свежего молока на пункт, с жирностью «три и восемь». Травинки на обочине дороги не могли скосить. Чем кормить скотину, выкручивайся сам. Вся надежда на сор при прополке борозд да на картофельную ботву, срезанную и высушенную, – вот и весь буренкин паск на зиму. Жнивья не дадут скосить, осоку на болоте – за всем догляд «активистов». А те клянутся перед образом Вождя, что верно исполняют его волю, и ни на шаг не отступают на послабление. И получалось так, что, проклиная окаянство, замордованная, подневольная деревня видела во всем этом злую волю «Светоча». Его-то и проклинала русская душа. И как разобраться труженице, что колхозный гнет во многом держался на своеволии горлохватов и оторвяжников из комитета бедноты, оседлавших совестливого крестьянина с помощью своего партийного кружка. Местные выдвиженцы подыгрывали верховным человеконенавистникам, были там и такие с избытком. Время от времени их осаживал сам Вождь, но и он порой поддавался порыву верного служения догме. Одумается вполне лишь в годы, когда «вареный кочет клонул» и апокалипсическая беда подкатила к порогу Кремлевской палаты. Тогда спасай, русский мужичок! Беда потерять всё «отучила пса возвращаться на свою блевотину». Глоток живительного воздуха прочистил зараженные сосуды, и «Светоч» предстал перед людьми в новом облике и в новом величии. И тогда заняла все мыслимые просторы аллилуйщина и глорификация с ее обожествлением любого периода жизни Вождя. За всем этим терялся исторический образ времени и стирались подлинные черты облика властного человека, укрупнялись до вселенских размеров его волевые импульсы. И прозвище ему дано в простонародье – «Анчутка, анчихрист». То, разумеется, не подлинный Вождь, а собирательная личина супостата, дорисованная его прихвостнями, они же божились и клялись его именем. Поди разберись! Натурального Вождя никто из черносошных крестьян не видел и не представлял. А он оказался Мудрым и Отечестволюбивым в окружении ничтожных расхитителей его державных мыслей. Все с замиранием сердца ждали решений XIX съезда в конце 1952 г.

Помнится, как разочаровали меня, юношу, эти решения. Мистические формулы, отлитые в металле, искривлялись, теряли

смысловой вес. Обжигающие понятия – «Оргбюро», ВКП(б) – превратились в лапидарные словосочетания: Президиум ЦК (теперь там вместо восьми засело 20 человек), а потом, что за новость неприличная – КПСС? Сакральный стержень ослаблен, пошатнулся, а с ним пошатнулась и вся догма. Народу-то она и прежде не была нужна – стояла поперек горла, но, умягченную, ее заглатывали партийные заводы. И они растащили теоретическое наследство «Светоча» по своим красным углам и там ущербно мусолили отлитые в металле сталинские формулы. Назревал скат догмы Высокого стиля, сползание, потеря устойчивости. Пассионарные усилия и взлет сдвинулись на спад, как и сам Вождь, еле дошедший от стола к трибуне съезда... Его преемником оказался «размазня», Маленков. Но и при нем казенное воодушевление в рядах единомышленников пыталось закрепиться на освоенной высоте. Лишь крестьянин – станова я жила этноса – держался в стороне, попинаемый отовсюду за старожильческий быт. Вот его-то внутренний диалог со стихией и старался я выразить в стихотворном отклике на смерть Вождя. Масштаб личности не усваивался вблизи, проступали одни гримасы века. Их было вдоволь, куда ни повернись.

Пора немного остановиться и на жизни нашего школьного товарищества. Мы уже третий год вместе учимся и набираемся ума-разума. Впрочем, некоторые «вечерники» давненько занимаются службой либо работают на предприятии. И серьезными были все как один. Бывало, придешь на Делегатскую к Фроловым и наглотался московского коммунального духа. А то усядемся на кровлю деревянного дома долбить учебную программу, а внизу на матрацах, прямо во дворе, спят жильцы – в перенаселенной квартире душно. Слышу выкрики медника: «Лужу, паяю, ведра подбиваю!» А то стекольщик комканно скажет: «Клей стукла» – поди разберись, чем займется? Догадаешься наконец: «Вклеиваю стекла»; заметил разбитую раночку, вот и кричит, предлагая услугу вставить стекло. А то придет с корзиной горячих пирогов маковница, и ее желанный голос слышится.

Но раз нам пришлось забраться на кровлю повыше, чтобы поглядеть, как по Садовому погонят пленных немцев. В оборванных кителях «штурмбаннфюреры», а за ними понурое поголовье солдат. Мы сидим на краю кровли, как и многие, а Валя Штейн-

шнайдер даже свесила ноги через край и аплодирует при виде конников, сопровождающих колонну «немчуры». Вдоль проезжей части Садового протянут канат, отграничивающий обывателя от пленников. Гонят их в сторону Белорусского вокзала, оттуда повезут в Восточную Германию. Уроженцы западной части страны еще посидят лет с пять, и кто выживет, тех отпустят по соглашению.

Но вообще-то на кровле никто в нашей компании унижению пленных не радовался, разве что повизгивала Штейншнайдер, самая смазливая из наших девушек. Живет она в общей квартире с Фроловыми, но дружбу водит лишь с Анатолием Масленниковым, служащим за сценой Театра Армии. Человек он замечательный, радушный, и Вале подходил. Ее отец тчец на радио, с хорошо поставленным голосом, но вот невидаль: отталкивает непривлекательной внешностью. Из-за этого на сцену он не выходит – стесняется, а вот на радио самое то. Включишь утром черную тарелку и услышишь его голос – читает «Пусть светит» Ванды Василевской. На наших школьных вечерах выразительно читал поэтов казенного образца, рассказывал веселые историйки. Валентина его, пока училась, вышла замуж за Масленникова и не пожалела до поры до времени. А потом расстались. Агриппина Семеновна Воробьёва, директор нашей школы, уникальная по своей доброте и педагогическому опыту. Мы все искренно ее любили и почитали, а она, бывало, по-матерински погладит тебя по голове и скажет несколько нужных слов. И все педагоги школы заряжены таким же духом дружелюбия и разумной требовательности. Спасибо всем! Думаю, что благоприятная атмосфера заведения несколько приподняла пригнетенных потерей близких людей, – пропали в чистках. Конечно, молодость и работа сглаживали многое в обидах. Один Овдин был ровнехонько всем доволен и внешне сиял счастьем. Подомнет какую юбку – доволен, забежит в гостиничный буфет освежиться – тем более. В свое удовольствие живет, фантазия у него неумная, вот опять встрапилося ему сходить послушать, как читает стихи поэт. Мне вроде бы ни к чему громогласная лира, но соглашаюсь наведаться на Лаврушинский. Опять нам отворит дверь «конек-горбунок» – так Луговской ласково называл горбатую старушку, жившую у него домработницей. Слушаем его с почтением. Овдин назвался не Геннадием, а Генрихом – так, на его взгляд, литературнее.

Облизывается от предвкушения «Генрих», а Владимир Александрович молчит, сделал знак в мою сторону: читай! Смекнул я, ведь о природе надо было, что ли? Но нет подходящего, попробую вот это. И начал:

Глухая ночь в объятиях сна,
Лишь звезды смотрят с небосвода;
Живительным лучом одна
Горит у яркого восхода.
В такую ночь мне страшно жить,
Как-то особенно опасно:
Звезда горит, как луч, алмазно,
И время вечностью бежит.

Помолчал поэт, взял с полки свежую «огоньковскую» книжку и сделал мне дарственную надпись «на доброе знакомство». То был январь 1953 г., время моего влюбления в поэзию, осторожного общения: удержусь ли на спуске? Уж больно громко вслух разглагольствовал с книжным Яковом Мордковичем, упрямым читателем и человеком, верным на слово. Провожал он меня до третьего троллейбуса на Пушкинскую улицу. И ехал я, мечтая о ком-то или заглядывая в стихи Эмиля Верхарна, переводчик Георгий Шенгели. Бельгийцев обожал читать – и стихи, и прозу. Но в душе между тем на первом месте она, Нелли Багрий, моя Дульсинья Тобосская. И, как свихнувшийся Дон Кихот, только и мечтаю о ней, несравненной. Вспоминаю, как третьего дня она вошла в институт в обнове – на плечах мантия из каракульчи, с подкладки слегка повеяло тонкими духами, несколько равнодушная, в деловом настроении, и на мое обыкновенное «Здравствуйте» ответила сдержанной улыбкой – проглотила всего. Какой же я никудышный, ничем достойно ответить не могу – боюсь вмешательством повредить, ведь и так перебивают наши косточки. Впрочем, в научно-производственном учреждении тогда старались все держать себя чинно и шашнями не занимались. Институт разрабатывал проекты комбинатов по выпуску текстильной продукции – располагались в городах ткачей. А художественной росписью тканей, изготовлением состава несмываемых красок приятного запаха занимались в лаборатории при фабрике – филиале института. И мы, сотрудники его отдела, ходили туда

изучать процессы набивки рисунков, прислушивались к производственникам, важные их пожелания все брались в расчет без особого промедления.

Моя конечная остановка 50-го трамвая – «Военная академия». Иду я возле нее, поглядываю на давно знакомую надпись, выбитую чуть не через всю каменную стену: «Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. Сталин». Надпись выдолбили в 30-е годы, тогда же по концам академического здания на постаментах поставили грозные танки. Часовые с отомкнутыми штыками возле дверей. От этой остановки надо мне пройти до клуба «Каучук», свернуть в короткий Тружеников переулок и выйти на Большой Саввинский, к своим дверям проходной (дом 12). Всё отлажено, делалось почти автоматически. Человек-автомат – чем не идеал!

Но, видно, Господь насылает испытания. Вскоре после рядовых дней службы меня привлекла по дороге кучка людей возле расклеенной «Правды». В газете читают экстренное сообщение Правительства о болезни И.В. Сталина, слов на бумаге немного, а весь мир будто от удара покатился по спуску. Тяжелое предчувствие.

На утро 5 марта радио тревожно передало: Сталин умер. Оделся – и в институт. По дороге вижу скорбных людей, хмуро переживающих страшную весть. В чертежном зале слышны женские всхлипы, ведущие конструкторы уткнули лица в ладони, а у Кудряшова, моего провожатого по святыням Новодевичьего, проступили крупные слезы и падают в ладони, как чурки. Горюем молча. Собрался ехать в школу – что там? Переезжаю на трамвае Тверскую, поразился множеству людей, шествующих к центру столицы. Живая река опечаленных и сосредоточенных горожан. А в школе кипение голосов вокруг вопроса: как пойдем прощаться? Перебивая друг друга соображениями, наконец договорились при Агриппине Семеновне: от нашего класса выберем двоих – меня и Овдина. Когда стало известно, сколько времени отведено на прощание с Вождем, – у меня сплошное недоумение. Пять ночей и дней оплакивала Ильича племянница Троцкого Вера Инбер, а тут всего-то трое суток. И кого хороним!

Венки, панихидное пение Большого театра, лафет с соратниками по бокам, конное сопровождение – всё это будет немного

позже, а накануне похорон главное – пробиться в Колонный зал, взглянуть на «черты портрета дорогого» – строчка из придворного Твардовского. Но какое там «взглянуть» – на пушечный выстрел не подойти. Пытались с Генкой Овдиным поближе к центру приблизиться, но дальше котловины Трубной площади не продвинулись. Она от нашей школы, почитай, в одном околотке, вот и пошли туда. Но уже на подходе столкнулись с почти неодолимой преградой. Все переулки перекрыты броневиками и грузовыми машинами, сомкнутым строем держится конная милиция. Толпы скорбных людей не шли, их обезумевшая живая сила выносила куда придется. Стараюсь, как и все на ближнем подходе к «Трубе», переползти под лошадью или под машиной, чтоб отдалиться от разъяренной толпы. Надо переулками пробиваться к Сретенке, а там бульварами, может, удастся на Пушкинскую улицу попасть, а там и в Колонный зал. Овдин не стал прикидывать, где лучше приблизиться к самому Центру, и с размаху рванулся к Трубе, смешался с потоком и исчез с глаз. Никто тут никого в ужасной толчее не найдет, приливы людей колышутся, нажимают, стремясь вырваться на продух. Но не вырваться из этих схлестнувшихся потоков, одна волна перекрывает другую, и тут же подваливают более мощные волны. Людей затапывают такие же или кто по сильнее. На Тверском в давке расшибает людей о гранитные тумбы и фонарные столбы. Горе смертью оборачивалось, удушьем и костоломом, если повезет.

Овдин попал на Трубной в самое пекло. Он как мог спасался, и его не щадили: карабкались на плечи, валили с ног, но устоял. А кто оказался под ногами, тех затапывали. Не помогали ни спортивная выучка, ни рост, ни сила приличная, – подминает свалка, и кто внизу – обречен. С ожесточением пробился Овдин к обочине Трубной, и там его босиком, в разорванных штанах (лезли-то на него в подкованных ботинках, подбитых гвоздями) еле живого вытеснили на Рождественский бульвар. Тут-то хоть в подъезде спрятаться. В открытую дверь вошел, а внутри никого, только мертвецы – их с площади в подъезды стаскивали. Гробовая тишина, только часы на руках у задавленных продолжают тикать: тик-так, тик-так. Так не так, перетакивать не будем! С тем и вышел наш Гена Овдин на бульвар. И горько заплакал. Может быть, от мертвого подъезда? Меня толпа кружила переулками и вынесла на

Колымажный двор, к Музею изящных искусств, где недавно побывал на постоянной «Выставке подарков Сталину» – занимала весь второй этаж музея. С Колымажного добирался домой и лишь затемно добрел до Бутырского хутора.

В школе рассказов о московских похоронах уйма. Поползли слухи о тысяче людей, задавленных на Трубе, и как самосвалами вывозили сдернутые калоши и скинутую обувь, кучи пуговиц и обрывки одежды. Печаль о погубленных жизнях – вот что скорбило. Не продумали временщики, как такое всенародное шествие организовать, чтоб провести с умом, чинно. А они дележкой заняты, некому думать на спуске державы. Срыв с высоты на спуск – послесталинская реальность.

Своими путями-дорогами

Сразу по переезде в Москву в 1950 г. потянуло меня записаться в ближайшую библиотеку, чтобы читать книги по своему выбору. Такие библиотеки были поблизости. Одна из них, наша районная, находилась на углу Новослободской и Лесной улиц и считалась представительной. Чем плохо посидеть там в тиши и брать, что выберу? Во всех районных, где побывал до этого, обыкновенно находил что-то желанное, а в этой мне по нутру была неплохая подборка книг поэтов-модернистов начала XX в. Вот сижу и читаю Велимира Хлебникова и, тоном задиристей, Василия Каменского. Зачем нужно? Да ни за чем, просто для себя. Ведь в городе живу и от всего простодушного, приземленного начинаю отвыкать. Вот и копаюсь тут в старье 20-х годов. И публика тут подходящая к месту – испытанные в неволе неопределенного возраста старички в пристегнутых булавками лохмотьях будто поясняют выражение: «Не гляди, что обтрепаны рукава, да ухватка какова!» А она у этих читателей проявлена четко на фоне того, что вижу в окно... А вижу одно и то же: стену кирпичную, отделяющую Бутырскую тюрьму от города с его улицами и людьми. Стена ставлена в старое время, но исправно служит и в наши дни. С Лесной сюда въезд воронок, и из окна читального зала мне видно, как они въезжают и выезжают. Иногда по дороге к тюрьме воронок забарахлит, не «хочет» ехать, тогда к нему подъезжает другой, и надзиратели переводят заключенных из одной машины в другую.

Всё, что происходит за зубцами высоченной стены, обывателю неведомо. Читаешь себе, ну и читай!

И всё же подобрал себе другую библиотеку. Расположена она на Суцевской улице, в особняке художника Боголюбова. Видно, справно жил в старое время живописец сей, изобразитель батальных и морских сцен, если сумел поставить тут весьма симпатичный каменный дом с широкими итальянскими окнами и коваными дорогами воротами, при собственном вишневом садике, обнесенном основательным каменным заплотом. Всё здесь чисто, по возможности ухожено, под приглядом сторожа. Правда, никакой сторожевой охраны в усадьбе теперь нет, и пустая сторожка сиротливо виднеется для порядка. А в самом доме, при подъеме на второй этаж, вдоволь налюбуешься избранными классиками в кожаных переплетах с золотым тиснением. Тут тебе и Шекспир, и Мольер, и Пушкин; впрочем, больше всего меня привлекал Байрон: любил его в русских переводах и даже заучивал. Сам читальный зал светлый. Сквозь протертые зеркальные стекла льется тихий благодатный свет. Дубовые столы поместительны – всё располагает к внимательному усвоению прежней словесности. А для углубленных занятий в библиотеке отведен отдельный кабинет с набором словарей и справочников. Из всех доступных книжных уютов нашего районного околотка эта библиотека больше других устраивала меня в 1950, 1951 гг., и как ни скудно было со свободным временем, каждый перерыв в занятиях старался урвать для себя именно здесь. Классики на выбор получалось достаточно, а современной окололитературы сторонился.

Никакой штатной работы у меня тогда не было. После неудачи с поступлением в Школу циркового искусства мы с другом Ваней Якуниным пошли временно потрудиться к своим отцам – рядом с жильем. Тут всюю громыхала лесопилка, да и в столярной мастерской найдется дело. В столярку-то нас и устроили, а вечером будем ходить в школу рабочей молодежи, что тоже нам подходило. Научиться чему-то реальному, пусть и в столярке, привлекало началом овладения ремеслом. А начинается оно с заточки инструмента. Ближе к вечеру мастеровой правит, затачивает и наводит на оселке режущую кромку рубанков, стамесок и долот. Топор, само собой, должен быть наострен и прочно сидеть на рукоятке. Наводят лезвия на точильном бруске, у заправского мастера

должен быть свой камень. Ходят за ним на Пресню, к мосту Шмидта. Только там и есть настоящий природный точильный камень, брусчатка им выложена. Нужен-то тебе всего один брусок, но с дороги не возьмешь, а надо поискать по обочинам, может и повезет. Это мелкопесчаный известняк, крепкий и въедчивый в сталь лезвия, только смачивать не забывай. Хорошо отточенный топор потягается с бритвой – так остер. Говорят, можешь бриться топором, да ведь скоблить на скулах еще нечего. На первый день задание простое, для себя. Мастер наставляет: сделаешь книжную полку, а назавтра займешься табуреткой, и тоже для себя. Крепкая должна получиться, не шататься, чтоб сидеть твердо всю жизнь. И запомни: столяр с гвоздями не работает, всё делает на клею. Вон клеянка, а в ней застывший клей, разогрей и смазывай заготовки. Покажу, что и как делать. Половину зарплаты будешь отдавать мне за научение, половину тебе. А сейчас сходи на пилораму, к отцу своему, погляди, чем там занимаются. Дядя Сергей, отец Вани Якунина, человек строгий и рассуждать долго не любит.

Что там, на лесопилке, делается, я уже усвоил почти досконально – ходил туда не раз. Еще на подходе к огромному сараю слышно, как ухает и визжит пилорама. Огромный еловый кряж, взваленный ломами на низкие вагонетки, подкатывают к зеву пилы, и когда комель бревна оказывался слишком широк и в раму не входил, его выступы, превышающие размер, срубают топором, чтобы просунуть в зев рамы. Зубчатые вальцы подхватят лесную уроженку и прямехонько потащат к стоящим в ряд полотнищам пил (по-старинному – к поставам), а те, вгрызаясь стальными зубьями, распустят бревно на доски, толщиной как задумано: на тес – двадцатку – одно дело, на половую плаху – шестидесятку – другое, распиловка на брус – самое легкое для пил движение. Ведь пропилил бревна на несколько досок делается одновременно, и протянуть поставы мотору было бы невмочь. Ему на помощь на раме приделан тяжелейший противовес, который, сбрасываясь, облегчает мотору протаскать все поставы на сантиметр пропила цельного бревна. Ухает противовес, визжат пилы, отмечая своим грохотом каждый пройденный лаг. Бывает, что и неладное случится. Вдруг зуб пилы наскочил на пулю – застряла в стволе, ведь дерево стояло в лесу и «воевало» в ту или иную войну. Сорванный зуб пилы, с полпальца длиной, с такой скоростью отлетает, что убьет наповал

любое существо, если б не защитный колпак, привинченный над пилами. Так, сантиметр за сантиметром, и пройдет сквозь всё шестиметровое бревно. Необрезные доски годятся разве что на обрешетку, а обрезные из бруса – тес – самый востребованный товар, зато и в отход сбрасывается много.

Тес свозит к штабелю татарин Бабай на своей упитанной и вычищенной черной кобыле по прозвищу Цыганка. Добрый и всегда благожелательный этот старик. При лошади, да на телеге – куда как привычно отвозить опилки! Семья Сигбатуллиных – наши соседи по жилью. И всегда здесь все ладят и внимательны друг к другу. Отец мой, Николай Яковлевич, мастер по наладке ленточных и циркулярных пил. Он и над разводкой зубьев поставов хлопочет, и за ходом вагонеток следит, и бревна с помощником к раме подкатывает, и тяжелые свежие доски помогает оттащить к стене сарая. Не курит, не пьет, всегда в деле.

Затачивать ножи для строгального станка – тоже его работа. Станок не только выглаживает доски, но выбирает и четверть, и шпунт, только наладь покрепче, кабы из деталей что не сорвалось. В столярке же всё новое, привезли из Германии. У немцев взяли и универсальный станок для столярных работ. На нем всё делают: и пилят, и режут, и строгают, и даже без долота, цепью с режущими зубцами, всевозможные долбежные работы выполняют. Вот только что занимался я своей табуреткой и, не отходя от станка, всё по-ученически старательно сделал: бруски для ножек построгал, заглабления для шипов поперечных планок подготовил, дощатое сиденье собрал. Осталось клеем мездряным заготовки смазать. И всё готово, без единого гвоздя. Столярному искусству учусь с примитива. Да и придется ли мне до тонкостей доходить, ведь работу для себя, более подходящую нашей мечте, мы всё равно будем подыскивать; еще не знаем, какую именно, главное, чтобы была поближе к литературе. Но пока с охотой беремся за всё, что предлагает строительно-монтажное предприятие, где трудятся наши отцы.

Вот совсем простое дело – обнести плотным забором будущий молочный комбинат. Его пока нет, и он только помечен фундаментом довоенной поры. За бетонными стенами колышется во всю ширь глубокий бассейн, в нем мы постоянно могли плескаться и, ныряя с открытыми глазами, наблюдать за плавающими рыбеш-

ками. Откуда они взялись, ведь сюда ничто не впадает – бассейн замкнут стенами? Потом сообразили. Этих рыбешек тут развели... чайки. Вот они летят с озера Киёво на Лобне (от нас недалеко), и на лапках перенесли икринки карасей. А на озере том, кроме карасей, чаек и другой летающей живности, ничего нет. За чаечьими яйцами туда мальчишки ходили в голодную пору. Так-то и дознались о зарыблении этого пустынного бассейна.

Мы с Ваней Якуниным еще не весь длиннейший забор приколотили, как тут загромыхала стройка. Появилась камнедробилка – разбивает и перетирает дикие камни, добывая цементную муку. Насосом слили бассейн, обнажив на дне целый слой золотых и серебряных карасей. Ведрами таскали наши соседки даровую рыбу, – неплохо ведь?

Книжная полка, изготовленная в столярке мною для себя, оказалась добрым знаком, сопутствующим мне всю жизнь. Этот знак положил начало захватывающей страсти собирать и любить избранные книги, что помогают постигать дух затронутого времени, оживлять образы замечательных людей и наблюдать смену литературных вкусов. Библиофильство сдружит меня с такими ж пылкими разыскателями сокровенной словесности. Но это станет потребностью только потом, спустя годы. А пока лишь подступы к самостоятельному видению. И лишь через труд и самоограничения можно протолчить тропинку к этому кладезю мудрости. Предстоит мучительная обработка «дикого камня души», а он у меня первобытный, не тронутый познанием. Всё свободное время провожу в библиотеках, пока районных, главным образом в той, что в особняке художника Боголюбова на Суцесвской трамвайной улице. И к собственному собранию книг только приступаю, этому периоду предстоит продлиться и десять, и пятнадцать лет. Но главное – книжная полка, изготовленная своим ремеслом, начинает пополняться книгами. И первым закладным камнем на этой полке будет томик стихотворений Федора Ивановича Тютчева, так-то и должно было быть. Тютчев – вселенная отечественной изящнотворной словесности, с него мне и начинать. Собирал всё, что попадалось, а было этого совсем мало. После узнал – под запретом вся его публицистика. А стихотворения издавались хрестоматийные, без новых разысканий. Старая филологическая школа какое-то время им еще занималась, но и ее подвижничество

исчезало и держалось на прежних разысканиях, да и до них мне еще надо дотянуться, дорасти. Пока, в самый почин 50-х, твержу как молитвослов томик, составленный правнуком поэта Кириллом Васильевичем Пигарёвым. И любуюсь картинами сезонных явлений в роще и даже у себя на участке. Дали 15 соток на месте, где будем строить Останкинский молочный комбинат. И уже строим. Старик Бабай еле успевает отвозить тес, его мы с Ваней подаем со штабеля и укладываем в телегу. Один подает сверху, другой укладывает. Цыганка только фыркает от удовольствия возить такую поклажу. Начинают наши мужички выкладывать опалубку над осушенным бассейном. Скоро тут закипит большая стройка.

Но новшество не без потерь. Пока вокруг была тишина и уют, на участках в этих местах выращивали картофель, пасли живность, в основном коз. А как надвинулась стройка, с нею и беда приспела. Тетя Тоня Навесова как-то собралась серпом нажать сочной травы для своей козочки, пришла на свою делянку, а там какая-то проволока под ногами мешает. Ну-ка, думает, откину ее. И только прикоснулась – сама упала замертво. Пустились наши поднимать ее, и кто-то толкует вслух: «Током долбануло, взялась голый рукой вон за ту проволоку». Надо, говорит, слегка прикрыть тетю Тоню землей, так скорее из нее электричество выйдет. Попробовали прикопать под рев ее детишек, да и соседи все взголчались – заголосили, запричитали. Не помогла земля попорченная, отступились люди.

Всю вторую половину 1950 г. провел днем на стройке, а вечером в школе. Выходные в полном моем распоряжении. Тут уж я сделался прилежным читателем самой крупной московской государственной библиотеки, Румянцевской по-старинному.

Прохладным вечером молодые мужики кучкуются в играх за столом. Либо режутся в карты в «подкидного», либо в лото. У заводилы мешочек с деревянными фишками, картонные карточки с цифрами, с единицы до 90. Кричит громко, везде с одинаковыми причитаниями. Числа здесь выкрикивают под условными названиями. Вот и доносится: «утята» – значит 22, «туда-сюда» – 69, «жиды» – 33, «дед» – 90. Все числа переберут, пока кто-то не завопит: «Фатера!» – квартира. Осталось последнюю фишку поставить, и кону конец. Играют без денег, просто так, отдыхают. Наших людей за играми мало, больше чужих из соседних жилищ и

общежитий. А наши всё больше в скотном дворике, где у каждого семьянина с десятков кур и поросят, а то и два. С ними не до игр. А потом, и воды надо натаскать, и дров назавтра наколоть, ведь варим-то в духовке, керосинок и самодельных электроплиток избегаем. Свободный разве что Минёк Царьков. Он сидит на заваulinке и «Тёркина» малышне читает, а те переживают военные сцены.

Приладилась я ходить в Некрасовскую библиотеку на Арбате. Просторно там на втором этаже, и выбор книг для чтения обширный. Беру поэтов, в числе заветных Александр Блок и воспоминания о нем. Для себя даже надпись составил в тетрадке: «Блок — головокружительно высок!» Пробую полюбить персидских поэтов — Саади, Низами, Омара Хайама. Ведь переводческая отечественная школа стояла на высоте и восточных классиков перелагала истово, чтобы не заниматься сомнительным сочинительством. Всё больше втягивался читать книжки о жизни композиторов, подтолкнула на это монография, посвященная Ф. Шуберту, его песенки легко входили в душу, трогали. И мотивы были сродни душевному подъему. В Некрасовке снова вернулся к персам: за несколько походов одолел все восемь томов сказок «Тысячи и одной ночи», изданных в академическом варианте. Увлекательное чтение подвигало взяться за русское сказочное наследие, но к нему надо подготовиться заранее, а сейчас времени и знаний не доставало. Отложил на потом.

Проснулась охота творить самому. Уверовал в то, что личный опыт позволит полнее воспринимать мастерство избранных литераторов. Технология чтения сродни технологии стихосложения. Скрепляется она образностью и развитием сюжета. Вот и взялись рождаться и множиться самодельные мои строки, набросанные наскоро на последних страницах школьной тетрадки, на клочках бумаги, всунутых в карман. Развернешь лоскут, а там записанная строфа:

Опять моя сторона
Рядами тополей.
Взлетает стая звонко
Точёных голубей.

И сразу вспомнится родное село и плачущая моя Бабушка. Всегда провожает в слезах, с просьбой к Господу, «чтоб остался Груздочек мой жив». Тут уж прибавляю от себя, как тошно расставаться.

Час последний к концу истекает,
Остывает на лбу поцелуй.
И моя уж слеза орошает
Щеки жаркие в несколько струй.

Важно было исторгнуть из души печаль разлуки, не совсем брошенности и потерянности в омуте городских ощущений. Отчаянность утихает, как только блеснет хоть краешком нетускнеющая картинка живой природы, усвоенная с детства. Пробую изобразить в словах.

Дождь прошел –
Роса в колено.
В лужах бродят облака,
Дышат влагой упоенно
Освежённые луга.

Иногда под пером возникают как бы целостные картинки, еще не проработанные духом, зато искренние по настрою и выверенные на слух.

Вот одна из них.

Легко мне в поле дышится,
Когда кругом колышется
Рожь в человечесий рост.
А в небе заливаются
И камнем вниз бросаются
Пернатые певцы.
Цветет гречиха белая,
Медовым воздух делая,
Манит пчелиный рой.
Всё гордым счастьем полнится,
Всё поле морем волнится,
И заиграл улыбкою
Мой край родной!

Разумеется, родной край, как и в прежние годы, одолели туга и горе, но всё же достояние Божие в краю, где родился и рос, – мое. И небо, и воды, и зелень приволья – всё мое, от пращуров.

А я их сын.
И в мудрый храм
Хочу свою поставить долю...
И тяжкий плуг сердечных ран
Тащить по умственному полю!

Так и ташу, напрягаясь. Родина в душе живет, впрочем в действительности ее уже, по существу, нет, и повержится, предстанет разве что в остатках памяти да в нетленном величии нашего степного неба, озаряемого порой молниями и оглашаемого яростными ударами грома. Печально молчат пустынные улицы, дичают. Вот уж истинно: туга и горе одолели. Необорим и тлен в человеках, род взывает воскресения.

У нашей столярки спешный заказ – надо делать оконные рамы и двери, вот и заняты все наши заготовкой брусков и планок для перемычек, выстругиванием фасок на немецком универсальном станке, долбежными работами и подгонкой филенок. И мне досталось подвигаться и не робеть. В свободные часы собираю для любопытства образцы разной древесины, стараюсь запомнить текстуру – характерные признаки породы. Уже есть у меня небольшая коллекция древесины лесных пород – ясеня, старого дуба и вызревшей ели. Ну и, конечно, представлены клен, лещина, вяз и рябина. Издавна люблю присматриваться к естественному облику древесины, раскрытому рукою мастера резцом и рубанком. И даже как-то пробовал в сельские годы смастерить балалайку. С клена срезал зимою толстый сук – будет гриф. С замета снял широкую доску, выстругаю, отполирую – чем не дека? А клинья для кузова буду вырезать из того же клена. Со струнами проблем нет, возле механического двора вдоволь кусков провода в оплетке. В них жилки стальные, для звонкой балалайки надобны струны тонкие и чуть потолще – голосовые и басовые. Всё отыщется.

Клинья вырезаны, подогнаны, склеены и прилажены к грифу. Осталось сделать колки, врезать в гриф лады из расклепанной

медной проволоки и напоследок изготовить кобылку для подъема натянутых струн. И вот он, твой струнный музыкальный инструмент! Конечно, смастерил неважно, зато своими руками. Гудит как заправская, с переливами. Размечталось вдруг: вот буду в Москве, пойду в Консерваторию, поглядеть бы в мастерской на умелых мастеров, делающих настоящие, высокого класса музыкальные инструменты. Пишут, что в Московской консерватории есть такая мастерская, и при ней – лучшие умельцы раскрывать и освобождать волшебные звуки, до времени спрятанные в древесине. Только бы поглядеть, если допустят. Но мечты мечтами, как бы пылки они ни были, а всё же о будничном надо печься. Помогаю Великим постом добывать кормочек корове и овцам. А где взять? Одна надежда на остатки свезенных скирд. Смерзшиеся ковриги соломы раздергиваю и горсточкой на веревку порядком укладываю, чтоб вязанкой припереть ко двору. Хорошо, что убираем хлебостой с сорняками – пойдут вместе с обмалом в корм овцам. С окончанием сельского житья-бытья всё это уходило для меня в прошлое. Стишки свои изначальные свернул в трубочку и сунул под застреху в сених. Балалайку велел себе порешить, вынес к погребнице и хряснул об угол так, что струны испустили звон, похожий на плач. И на этом и прости-прощай, деревня! В столице будут другие голоса, будут другие мечты...

А реальность там вторглась другая: одной рукою паши, другой сей. Возводят Останкинский молочный комбинат не быстро, но уверенно. Уже перекрытием второго этажа люди заняты, и среди них несколько моих односельчан. Бывают и несчастья. Так, наш тарадеевский старательный мужик Миколя Журавлёв осмыгнулся на лесах и свалился с высоты и расшибся насмерть, ударившись головою о штырь арматуры нижнего перекрытия. Горе, да и только. А нам вдвойне его жалко – приходился недалёким родственником. Когда жили в селе, знали и продолжали знаться и в Москве. А город исподволь пожирал людей, калечит.

Единственная моя отрада и настоящая радость – Румянцевская библиотека. Сразу записали в общий читальный зал, хотя по возрасту я подходил лишь в юношеский – 18 лет не исполнилось. А поскольку у меня трудовая книжка есть, работаю и учусь, таких оформляли как достигших совершеннолетия. Паспорт, прописку, трудовую книжку получил – теперь ты самостоятельный

человек. Гордо я прошел в раздевалку, снял калоши и прошел на контроль, показал свой читательский билет, получил входной листок. Пошел наверх читать. На лестнице обратил внимание на мраморный горельеф с выпуклым изображением Румянцева-Задунайского, чье имя искони носит это общественное заведение. А на подступах к залу вижу вазу яшмовую. Отчekanена надпись. Сработана в Колывани. Стоило выяснить для себя, где Колывань и что за важная яшма такой величины.

На многие вопросы в своей жизни, вскипавшие именно в этом прекрасном зале, находил ответы. Шел 1951 год. Искал и не находил ответы на другие вопросы. Но в блокноте уже вывел заглавное слово «Поэзия», само стихотворение напишется позже, когда одумаюсь и настрадаюсь в душе. Только через страдание и боль сердечную познается поэзия, а она еще не опробована внутренним опытом, не сложилась в музыкальном строе. Начертал лишь тему, а выразить чувства пока никак не удалось. Но заглавие не дает забыться и через какое-то время заговорит строфами.

Мне от счастья нечего терять,
Разве только тяжесть сладкой боли:
Я устал без трепета шагать
С мыслями по клеверному полю.
Я устал сметать росинки слез
Со стихов своих немногословных.
Сколько было песен, сколько грез
На дорогах, от ненастья черных.
Всё покрылось дымкою годов,
Всё откинулось в туман воспоминаний,
Только лишь по-прежнему любовь
Мне диктует музыку страданий!
Где ж слова для лепки наших чувств?
Или кто-нибудь давно их пропил?
От рожденья я во тьме искусств
Сердцем выстрадал твой тонкий профиль.

Так с одним заглавием и ходил по залам, знакомился, полный восторга и умиления. Предстояла жизнь в других измерениях.

Мой друг Воронов

Разумный и содержательный, такой был Олег Воронов, мой старинный и добрый приятель. И умелец во всем, а всего в нем было много. За что ни возьмется, сделает тихо, на совесть. Была у меня с ним неожиданная встреча через много лет и даже десятилетий. Было это в 70-е годы, в редакции скромненького издания «Человек и природа»: выпускались издательством «Знание» тематическими подборками. Каждую серию вел один человек. За год скапливалась целая стопка выпусков, некоторые целиком составлялись мною. Сдружились все, и каждый новый автор мог войти в этот круг, ежели увлечен родной природой. Олег Воронов пришел в редакцию с охотничьим рассказом, вполне зрелым и убедительным в деталях. Пригляделись мы друг к другу. Ба, да это тот самый Воронов, с кем четверть века назад поступал в Школу циркового искусства. Было то в 1950 г., в пору нашей ранней юности, тогда я только что приехал из родного села на шестнадцатом году, переполненный разными мечтами, совсем наивный. Мой сельский одноклассник Ваня Якунин, постарше меня года на полтора, придумал стать циркачом и уже начал готовиться к поступлению: ходил в Останкино, в парк, и там на траве кувыркался, ходил на руках, изображал «солнышко», поворачиваясь в прыжке. Сманил и меня попробовать, да вот гимнастика такая занимала мало, но уж очень любопытно поглядеть, как этому учат. Итак, в Школу циркового искусства пойдем... Любопытство раздрает, и необычного хочется, не того, что вокруг у нас, на Бутырском хуторе.

И вот мы пришли в Школу циркового искусства, что на Пятой улице Ямского поля, недалеко от нас. Входим, ожимаемся – и сразу к директору Брусиловичу, мол, так и так, хотим сделаться артистами цирка. Таких желающих мальцов немало дожидалось беседы. А он с нами задерживается, спрашивает по-озорному: а что умеете, где побывали? Якунин рассказывает о своих упражнениях на турнике и о выкрутасах на лужайке. А у меня и этого ничего нет, промямлил смущенно, что в школе ходил на физкультуру, любил подтягиваться на турнике, делал «уголок», читал стихи. «Хорош, хорош, – говорит Брусилович, – нам не нужны подготовленные, их переучивать сложно. А неумехи “зеленые” – в самый раз. Научим, а пока на манеж, побудьте со всеми. Заявление принять

учиться пишите сейчас. И под купол смелей!» Вошел, уселся в рядах за ареной. Вглядываюсь в публику, воображая, с кем буду и кто я. Оторопь берет, но стараюсь не отвлекаться. Такие же все, кто-то чуть постарше и более нагловатый.

С пяток человечков-лилипутов расселись впереди – их тогда еще принимали на выучку, для экзотики сцен. Покидая манеж, устремился со всеми читать список допущенных к конкурсу. Себя и Якунина нашел в списке. Всю дорогу домой латошили, бодро и озоровато. А на душе беспокойно: зачем сцена, в деревне лучше...

Предстоит первый тур конкурсных испытаний. Прием в училище строгий – 14 к одному, на каждое место в училище – 14 претендентов. Отборочные испытания в два тура, нужных оставят, а другие отсеются. Надо 22 юноши, все остальные лишние. На подготовку к первому туру три дня; физкультурничать ходил с Якуниным в парки, в Останкинский и Центральный. Побывали и на аттракционах. Там для публики показывали популярный номер: пилот-мотоциклист на бешеной скорости вскакивает на стену емкости в виде огромного дубового чана и, пригибаясь, мчится под рев мотора по вертикальной стене устройства, только круги отсчитывают. Понятно, ревущая скорость прижимает мотоцикл к стене, и ротозеи, обступив устройство, переживают: кабы не расшибся, вмиг не станет. А пилот в кожанке и крагах заглушил мотор и из чана вылез, как ни в чем не бывало. Прямо молодец. Другие аттракционы – на обывателя, и его подкидывают, пристегнутого, вниз головой, и он вопит истошно...

И вот настал первый отборочный тур испытаний. Толпятся у дверей манежа парнишки, волнуются. Как-то будет? Входят понемногу, поочередно. Наконец и мой черед. Стараюсь держаться твердо, но какое там равнодушие – внутри все кипит! Дан сигнал тронуться, идти к столу в конце зала, где и сидят оценщики из приемной комиссии. В расчет берут первым делом внешность – экстерьер, психологическую уравновешенность и немного самых простых упражнений на турнике. Длинная дорожка к столу, легкое приветствие, и тут же к снаряду. Подтянулся, прыгнул и долой. А за столом кумекают – годится для дальнейшего отбора или нет. Вернулся в фойе, к таким же возбужденным, как и я. В конце сеанса нашей группы объявили результат, выходило: Ваня Якунин завалился, а мне повезло – прошел. Шли с ним домой невесело – при-

шлось утешать товарища, мол, еще покажешь себя в другом месте, а без Школы циркового искусства обойдется, характером не подошел. Смирился, серьезным стал. Невесело было и мне, ведь пошел за компанию, а теперь рядом никого – один как перст.

Назавтра надо быть в Школе циркового искусства для врачебного осмотра. Продолжался он долго, старая бесцеремонная врачаха ощупывала меня так и сяк, залезала глубоко внутрь. И с тем отпустила.

Ко второму туру испытаний «романтиков успеха» уполовинилось. Входим на манеж по вызову. Слышу свою фамилию. Пора! Заиграла музыка, туш. Взбодрился – и прямо по ковровой дорожке к столу судей. Знак – начинать упражнение. Прикоснулся ладонями к магнезии, чтобы не скользили, и на турник махнул. Подтянулся, сделал «уголок» полусогнутой рукой и, отойдя чуть в сторону, встал. Теперь художественное чтение, оно тут входило в программу. Читаю из Пушкина «Зимнее утро», в такт декламации – жесты, подчеркиваю интонациями характерные выражения. Всё, к выходу. Ждем результат. Первым выскочил в фойе Олег Воронов. Счастливый, ловкий, представительный юноша в спортивном костюме, высокий, на голову выше нас всех, вззирающих у дверей. Свой успех Воронов отметил прыжком. А мы, мальчишек 30 нашей группы, ждем. Счастливчиков набралось совсем чуть, остальным надо было «отваливать» восояси. Среди них я.

Шли опечаленные. Развеселился разве встречей с Енгибаровым, моим одноклассником из давних лет. Ведь с Леней учился в четвертом классе, и было это в 1946 г., в школе 241 в Марьиной Роще. Война только что отошла, но кругом следы и находки. Наша Шереметьевская улица усеяна шрапнелью. Возят ее на завод цветных металлов, а он вблизи церкви Нечаянной Радости, куда малышня изредка сбегается и получает в протянутые ладошки по щепотке поминальной кутьи. На завод мы проникали за значками, их, забракованных, тоже свозили в старом грузовике. И пока он въезжает в растворенные ворота, надо проскочить в промежуток. И быстро к вороху значков, ухватить горсть – и в карман. Сторож, стягивая распахнутые створки ворот, не сразу очухается, да хоть поймает, вреда не сделает, лишь обдаст бранью. Интереснее бывал набег школьников на авиационную свалку. Разобранные на утиль самолеты, наши и чужие, шли на переплавку всё на тот же завод

цветных металлов. Горы пластин обшивки, а внизу эверестов лома кучи гильз и деталей моторов. Везде мальчишкам хочется всё посмотреть и покопаться. А как залезешь на эверест алюминиевого лома, высматриваешь охранника с ружьем и скатываешься вниз на чемоданчике с учебниками, как придется, поскорей, лишь бы не попасться под злую руку охранника. В классе похвалялись потом, что нового нашли.

И слышалось в классе одно и то же. Учительница кричит: «Енгибаров, ты опять по столам носишься! Что за озорник такой, хоть кол на голове теши – не поймет!» Журят Леню все учителя, отругают и жалеют, любят его больше других одноклассников. А тихонями тут были и Клименко, и Буров, и Якунин, и я. Нам бы только слушать и понимать, но учился и соображал Леня не хуже. И даже бывал внимательным и дружелюбным. Не раз приходилось бывать у него в доме. Ютилась семья неподалеку от нашей 241-й школы, в одном из бесчисленных проездов Марьиной Рощи, может быть в 16-м по счету. Старый домишко, с печкой и керосинкой. Жилье, обжитое по-московски, и доброта в людях старозаветная.

И забылись проделки Енгибарова в школе. Бывало, торопишься в класс с тарелкой пюре, котлетой и баранкой – на большой перемене нас подкармливали в голодном 46-м – так вот, торопишься в класс, чтобы поесть. А он подвернется в коридоре и как бы нечаянно – подножку. Упадешь, тарелку выронишь, котлета и пюре на полу, баранка откатится. Собирай и неси в класс. Но вообще-то он не был злым, балагурить любил.

Всё это вспомнилось, когда мы, отсеченные, возвращались с Тверской-Ямской, обескураженные неудачей. К слову, Леня Енгибаров поступал в Школу циркового искусства не раз и только на третий год прошел и был принят. Артистический талант комика и мима в нем проявился большой, чем и запомнился московской публике.

Всё рассказываю так дотошно о далеком-далеком детстве, чтобы вернуться к необыкновенному Воронову четверть века спустя. И тот первый взглас: «Вот это да!» – произнесенный в редакции «Человека и природы», сразу вернул нас в реальность той поры. Встреча была столь неожиданной, что не сразу и поверилось, что мы вместе, как и тогда, в той самой Школе циркового

искусства, где Воронов, счастливый и успешный после сдачи на отлично приемного экзамена, и я в артели жаждущих решения жюри. Он был замечен и счастлив, потому и запомнился больше он мне, чем я ему. Но стоило мне только сказать несколько слов, как это происходило, его память как бы выхватила и осветила этот час его жизни. Он задумался, довольный, и мы расцеловались. «Ну, здравствуй, Олежек», – теперь уж и не растащить нас ни четвертью века, ни веком, будем вместе... Порассуждали чуть с письменниками и договорились с Вороновым встретиться либо у него, либо у меня. Он звал к себе.

И вот я у него в гостях. Расспрашиваю осторожно, жена его не располагает к откровенным излияниям. Нина Васильевна – чиновница, широко известная в узком кругу. Чурались таких. Зато сам Олег скромн, обаятельно прямодушен, дружелюбен и весел. Как сложилась его судьба, расспрашивать не стал. Лучше об увлечениях. Охота занимает, да не трофеями, а картинами на вольном просторе. Пробует писать рассказы из жизни природы, о встречах с людьми находчивыми, степенными. Чувствую: да он сам такой, смелый и находчивый. Летом живет в тверской деревне, в доме на отшибе. Называет, где именно. Так это же место мне знакомо! У Филипповского там бывал, селяков тамошних знаю. Называю: оказывается, там-то и его домишко. Приглашает побывать. А чего бы? К Воронову всей душой, к Филипповскому зайду, его книжечки «Человека и природы» сподобили нас повстречаться вновь.

А сперва – ко мне давай. И вот Олежек в Тарасовке. Показываю, как живу, чем увлекаюсь. А увлечение у меня самое простое: воссоздаю крестьянский обиход, всё, что мужик для избы делал сам, необходимое в селе, то повторяю и я. Режу из кряжа ступу, мастерю ткацкий стан, сею лен и получаю чистое волокно, выдалбливаю из дерева емкости: кадки, кадочки и ушаты. Замыслил я обзавестись ручной мельницей, уже и рожь посеял – зерно получу. И камни под жернова приглядел в Москве, да привезти как – не соображу. Старинные инструменты ишу на базаре. Туда стаскивают старый скарб из разбираемых домов. Набралось на целую артель рубанков, отборников, стамесок и долот. Топоры, колуны, пилы – всего изрядно. Амбар с полками и полатами вмещает всё, найду место и ручной мельнице. Олег всем этим живо заинтересовался, подсказывает, как чище работать, чувствуется умение и вкус к ладу.

Обедали по-деревенски, обильно. Потом к Клязьме подошли, на поемный луг поглядели. Помечтали погулять просто так, не считаясь со временем. А ведь сейчас за полдень, и остается лишь посидеть у камелька. И послушать его артистическую историю. Вот она.

Потрескивают дровишки сосновые, пускают запахи смолистые. А мы сидим, наслаждаемся уютом и дружеским разговором. Олежек весел, речист:

– Прошел конкурс, и я зачислен стать гимнастом. Тренировка главное, общеобразовательные занятия не главные, но были. Три курса позади, остался четвертый, выпускной. – Далее Воронов с монолога перешел к эскизному повествованию, – видать, исповедаться ни к чему.

В общем, дело продолжалось так. Его гимнастические номера разрабатывались им самим и наставниками. Одобрялись всеми, выдвигались для показа на Цветном, в цирке. Номер готовят под куполом у самой вершины. Софиты мягко разливают свет, а гимнаст Воронов и его напарница стоят в качалке на высоте 60 метров. Девушка должна стремительно вскочить на его плечи и, показав несколько акробатических номеров, оказаться на его протянутой ладони. Он держит артистку легко, а она, смеясь, посылает публике поцелуй. На манеже, когда разучивают номер, публики нет. Сверху заметен один страховщик. Страховка не бывает видна, да и служитель вроде не «торчит». Воронов и гимнастка спустились в качалку, где она, в порыве благодарности за смелую и сильную поддержку, жарко поцеловала его. Он ответил тем же. Ничего более под куполом не происходило. Но страховщику показалось, что там, в качалке на высоте, что-то было, и он подал рапорт в дирекцию. Впрочем, в пересказе точности не бывает. Да и нужна ли она кому?

Оказалось, нужна. Начальство посчитало это случаем чрезвычайным. И подававшего большие надежды гимнаста исключили с последнего, четвертого курса училища. Воронов знал – теперь армия. Пойду служить, как служили предки. В начале 50-х наших парней брали для пополнения частей в Восточной Германии. Там как бы западный рубеж страны и чуть ли не миллион служащих. Так вот, в Германии Олег Воронов и хлебнул казарменного быта, познал солдатскую дружбу, передумал свои мечты и, как воин-

спортсмен, считался во взводе человеком образцовым. В хрущёвские послабления части уменьшались; кто служил по призыву, мог вернуться домой. И Воронов вернулся. Надо работать, а вузовскую специальность добывать вечером, как это делали все из его поколения. И в пору нашей столь неожиданной для обоих встречи Олег Алексеевич Воронов не только инженерил, да к тому же выдвинулся в писатели. Его проза, бесхитростная и прозрачная как протертое стекло, посвящена охоте, родной природе и людям простодушным, цельным натурам. Каким и был сам Воронов, а увлечение охотой давало ему возможность побыть наедине со своими думами в окружении родных картин, помечтать о творческих дерзновениях. А они сводились к ладному слову и живописи. Перо и кисть не отдаляли Воронова от дел обыденных. В деревенской его избе я увидел потом хозяйственные устройства. В сенях он держит ульи – чем не омшаник: пчелы защищены и вылетают на волю без препятствий; в досках стены напротив каждого улья проделаны дырочки-летки. В апреле, когда я попал к нему, крылатые затворницы совершали свой ранний облет, теряя на снегу крупинки экскрементов. Скоро оживет пчелиное пастбище: на усадьбе и вблизи заранее посеяны Олегом медоносные растения: люцерна, фацелия и синяк.

А в самой избе главное – тепло. Несмотря на еще ранние весенние дни, продуманное в деталях устройство подтопки помогло ей не только быстро согреть промороженный дом, а еще позабавить нас живым огоньком, мелькавшим в печке при распахнутой дверке. От подтопки до дымохода через всё помещение протянуты жестяные трубы, подвешенные на безопасном расстоянии к потолку. Трубы быстро раскаляются – и вот уж в избе поселилось тепло, а с ним и еще большее радушие. А Воронов и на морозе радужен, а тут уж и вовсе мы уселись налегке за стол – перекусить. Воронов, как бывалый спортсмен, не пил, разве что рюмку-другую «утешеньица», зато в готовке еды толк знал. Вот и теперь, на ходу, разогрел прихваченное, вскипятил чай, нарезал ломтями хлеб и сыр – ну чем не довольствие! Едим и поглядываем друг на друга. Одним словом, старые друзья за разговором. Наутро выберемся на охоту.

Сразу скажу, Воронов охотник по страсти, но привык смирять себя и ко всему относился раздумно, рассудительно. Одним

словом, писатель-натуралист, ему не трофеи давай, а впечатления, эстетическое свидание с природой. Когда мы подходили к Нерли – здесь она узкая, в глушинке, – издалека заметили возбужденную стайку журавлей – токуют, самцы похваляются перед самками, а те выбирают кавалеров. Птица весьма сторожкая, ближе 800 метров человека, а тем более с ружьем, не подпускает. А мы продолжаем идти, и они мигом слетели. Остались утки, самые рядовые обитательницы водоема. Здесь их много, и речной ландшафт украшен прилично. Олег вскинул ружье и снял с лета одну, больше не надо. В избе охотники отобедали по-трофейному. Воронов упомянул о своем любимом чтении живых охотничьих журналов прошлого времени и о том, как веселится сердце в мечтах создать что-то новое из охотничьей практики. Да вот, практики обширной, и рассказов, написанных натуральным языком, ему пока явно недостает. Гляжу на своего друга и думаю: с такой чуткостью и природной строгостью добьешься всего – помечен талантом неспроста, только успевай делать.

А сам-то чем занимаюсь, что делаю? Рассказал Олегу, как загорелся поставить ручную мельницу. И уж подходящие камни вязкого мелкого песчаника, самого «жернового», приглядел в заброшенном дворе, дожидаются вывоза на свалку. А когда-то камень служил бордюром вдоль лужайки. Нашел, да вот переправить на дачу не могу. Таксист не возьмется поднимать и везти. Посокрушался. И Олег промолчал. Через некоторое время приехал ко мне и говорит: «Ну, где твои камни, поедem на дачу». Погрузил тяжести, а я ничем и помочь не могу, смотрю только: камни в его руках, как мячики прыгучие, будто сами и запрыгнули в машину. Через какое-то время, невзирая на зимнюю погоду, в мороз, самая пора обтесывать камни. Далеко раздается мой стук молотка. Зубилом сравниваю край «плывуна» – верхнего жернова, проделываю с кулак отверстие в середине, чтоб подсыпать зерно. А проделать его непросто, никаким победитовым сверлом не воспользуешься – отскакивает без следа. Поможет только шлямбур: постукиваешь по нему молотком и поворачиваешь вправо-влево, постепенно зубья инструмента вгрызаются в камень, оставляя заметный след. Так и ведешь, не торопясь. Вот и продолблено отверстие. Засыпай зерно для помола, крути верхний жернов-плывун. Осталось на камне проделать бороздки, они как зубы будут перетирать ржицу в муку.

Всё готово, нет только стана для мельницы. Нужны крепкие брусья, а где их взять, ведь на лесоскладе ничего не было, пришлось ждать. А тем временем подоспели другие дела. И уже собранная по источникам «Крестьянская энциклопедия» тоже дожидается своего часа для завершения. Так и лежит, дожидаясь. Воронову показал свои заготовки, понимает, сочувствует. Всё, связанное с жизнью нашего простого народа, его касается и явно интересует. Человек он письменный, пускай у него есть хоть и чемпионские награды, завоеванные на цирковых конкурсах и в армейских показательных состязаниях, но зов предков он слышит и на все доброе живо откликается.

Живется Воронову, как и всем нам, при Горбачеве особенно трудно. Заносчивая жена его, Нина Васильевна, поселившись в цеховском доме на Больших Каменщиках, взбеленилась, клянет мужа. «Я, — говорит, — тебя из барака вытащила». Махнул Олег рукой на эту трепку нервов, лучше развестись и начать по-новому.

Так и сделал. Нашел себе пару по сердцу, правда с разницей в возрасте лет в 15, и зажил с доброй, порядочной женой душа в душу. Был я у них в гостях и от неожиданности замер. Со стены на меня как бы глянула родная Русь — это картины Воронова, написанные маслом на холсте, да так умело, будто создавал большой мастер. А Олег в свободное время не расстается с этюдником, всё наброски делает, колорит подбирает, художественные лица стариков запоминает в набросках. Как уюта, и художества жаждала душа, долго мыкалась, и наконец отлегло.

Деревенского двора теперь у Воронова нет: разведенная жена отсудила. Он один все хозяйственные постройки держал, усадьбу облагородил, — а тут, кроме упертости и черного расчета, ничего нет. Только избушки на краю разоренного села Олегу и жалко, остальное отвалилось само собою. Тосковал иногда по бывалым новоселам, пришедшим, но внимательным. Даже отнятых пчел не хватало, этих неутомонных Божьих работниц. Всё было у Воронова в хозяйстве, что любил и что требовало точности, собранности и воли, — всем этим обладал он. Расстраивала разве поспешность в других. Помню, мой друг слегка упрекнул меня за неаккуратно сделанный стеллаж для книг. Когда грузили в его машину столярную самоделку, Олег, посмотрев на сколоченные полки, заметил: «Надо бы плотнее, чище на спилах». Оправдываюсь: ножовка

у меня грубая, шершавая, а лучковая пила не налажена. Только это не оправдание. Когда прибили на место у нас дома и разложили книги, вроде бы ничего получилось.

Книги и кисти делались всё ближе талантливому другу...

Чем старше становишься, тем щемительнее расставание с друзьями. Не выдержало доброе сердце Олега Воронова тягот, нагрузок в его жизни. Звонок рыдающей Наташи известил об ужасной трагедии: нашего друга больше нет. Сообщила, где будем прощаться, где хоронить. Смерть внезапная ошеломила, не верилось, что не стало нашего близкого человека. Утешало меня разве одно: часть собственной жизни была рядом с ним и скрашивалась дружбой, взаимной приязнью. А ведь это чувство радования неистребимо, оно навсегда с тобой. Друг остается в живых, куда сам буду жив.

Незабываемая Куприна

Когда собирал факты к биографии Евгения Замятина, писателя, запрещенного у нас и в 1960-е годы, приходилось довольствоваться малым. Главное, чтоб и это малое было услышано из уст самовидца, знакомого ему человека и как-то понимающего его; считал такого человека для себя счастливой находкой. Как говорили когда-то: клади по ягодке, наберешь кузовок. И набирал, где придется. Только вот беда: нужных самовидцев тех яростных лет в литературе почти не оставалось. И когда прослышал в Комарове от Михаила Слонимского, что там же, в Доме творчества писателей, отдыхает дочь Александра Ивановича Куприна, смекнул, что надо бы повидаться непременно и поговорить с нею. Пошел разыскивать: говорят, пока нету ее, на прогулку ушла. Любит сюда ездить из Москвы, где и живет не то чтобы скрытно, но скромно и замкнуто. Об отце своем рассказывает живо, с достоинством. Во Франции оставалась до победы, тогда же и вернулась в Россию, уже новую, красную. Но другого выбора не было. А здесь, на родной земле, популярность Александра Ивановича всё возрастала. Стали издавать его задушевные повести и рассказы. На всех уровнях интеллекта проснулся интерес к прозе Куприна. Кое-кому попадались редкие публикации и даже зарубежные вещи. Сама Ксения Александровна по возвращении домой, в Москву, пробовала

поначалу заняться сценой, а вскоре целиком погрузилась в рукописи своего отца, осваивала обширное его наследие, переписку. При этом круг упоминаемых лиц становился все охватнее, разыскания углублялись. Требовалась исследовательская работа, а она велась пока, по существу, одним человеком, Павлом Петровичем Ширмаковым, сотрудником Института русской литературы (Пушкинский Дом), защитившим кандидатскую диссертацию по творчеству Куприна. Отцовское прозвание дочери «Киса», приближенное по созвучию к имени Ксения, так и закрепилось за нею, было как бы семейным и дружеским. На французский манер звучало похоже: «Кисса Куприн». Иван Алексеевич Бунин только так и называл ее, да и сама она в шутку тем же именем подписывалась. С тем и жила в парижской среде. Жених у нее там был, да в войну пропал.

А читательская любовь к Куприну на Родине с переездом его к своему народу и вовсе окрепла. Становился он поистине народным классиком. То, что создано им в эмиграции, оставалось недоступным рядовому человеку, да и спецам далеко не всем удавалось прочесть. Потребуется несколько десятилетий, чтобы как-то приоткрылся здесь неизвестный Куприн. И приоткрывал его настойчивый филолог Ширмаков. Обо всем этом наскоро передумав, наконец дождался Ксении Александровны. На порядочном подъеме из-под горы показались две женщины, обе устали. «Валидол-стрит – так называем мы эту горбатую дорогу». Мило перекинулись фразами для знакомства. Предлагаю перевести дух в кафе, за столиком уселись вдвоем. Пока тянули красное вино, разговорились. Весело поглядывает Кисса Куприн; вроде как в «бистро», а тут еще и французская тема подвернулась. Называет имена французских знакомых: Жана Габена, Эдит Пиаф, а с ними и Евгения Замятина – ставили кинофильмы по его сценариям. Общительная, находчивая собеседница, но тронутая усталостью лет, с остатками следов былой красоты. Упоминаем произведения Куприна и Замятина, схожие по сюжету: «Юнкера» и «На куличках». Армейские будни, мужские характеры выписаны в них тщательно, и тема казарменного быта подана мастерски, исчерпывающе, до дна; традиция и модерн сочетаются. Да об этом не время, «бистро» настраивает на разговор полегче, скажем, об интересных встречах в творческом доме, о нелепых случаях. Подошла пора прощаться. Проводив

подруг до корпуса отдыхающих, направился, не торопясь, к городской остановке.

Спустя лет пять снова встретился с Ксенией Александровной, но уже не на бегу, а у нее дома. Пришел вместе с Павлом Петровичем – приглашали. Не успели перешагнуть порог квартиры, слышу: «Из космоса прилетел», – это к Ширмакову. С Кисой он в друзьях издавна. Пробурчал что-то в ответ. И тут-то отвлек крупный, упитанный рыжий кот: ходит по столу, так и норовит запустить лапу в глубокую жестянку, чтоб подцепить толику молотого кофе, потом лакомится, слизывает его. Довольный прошелся по скатерти, озирается. «Ю-ю», – послышался голос Куприной, и доволенный кот мягко спрыгнул к ней на колени и важно улегся. Мы поговорили с час-полтора за столом, и Павел Петрович бесцеремонно улегся прямо в кровать, в ортопедических ботинках, на чистое одеяло. Ему это прощалось, ведь хромой он, в войну ногу серьезно изувечило.

А было так. Под Питером насмерть дрались мы и они. Клочок земли под прицельным огнем, не подступись. Кинжальный огонь сутками. И попить воды невозможно как хотелось, пересохло нутро. А ручей прохладной влаги рядом. Но до него не доползти ни Ивану, ни Гансу – свинцовый ураган шевельнуться не даст. И вот, перегорев в ненависти, бойцы заметили: один наш солдат, прижимая котелок, вроде бы как напропалую пополз к ручью. Враги смекнули: пусть рискует жизнью, только огонь чуть придержали. И дополз Иван до воды, зачерпнул котелок – и в окоп. Через какое-то время пополз Ганс, наши чутко умерили огонь в эту живую точку. Зачерпнул влаги, и в свое укрытие – уцелел. Солдатская смекалка подсказала: совсем без воды не выдержат неделями. И молча наметили враги уговор: раз в сутки по знаку наш боец может доползти до воды и принести полный котелок товарищам. Через какое-то время и противник также поможет своим, изнемогшим от жажды.

Под Питером рядовой Ширмаков был тяжело ранен в ногу. Боевые положены, да еще по дороге с Павлом Петровичем чуть приняли. Вот и расслабился, а причечь негде, завалился на кровать...

Теперь у нас вдвоем разговор. Удивляюсь внушительному дубовому сундуку старинной ручной работы – прислонен к стенке. «Тут храню рукописи отца», – упреждает вопрос.

Подошла к широкому окну, выходящему на большой асфальтовый двор. Сухонькая, с просветленным лицом и как бы уменьшенная; говорит сутулясь, но жаловаться не стала, а доверительно сказала о своих недомоганиях и дурных предчувствиях. Вот еще беда: дети со двора криком донимают, – заметно раздражается, когда говорит, как они выводят ее из себя – одинокую, переполненную тяжелыми размышлениями. Ну что тут сказать? Конечно, жалко безмерно. Пожелал крепости духа.

А вот и Ширмаков «вернулся из космоса». Ю-ю вышагивает, глазки таращит, будто присматривается к 13 томам Куприна, о них велась речь. Что из того, что Павел Петрович переписывал от руки из газет русского рассеяния тексты рассказов и очерков, свертывал трубочкой страницы и складывал у себя. Помнится, у него на полу питерской каморы ворох этих страниц. Так и лежали в трубочках без движения. Говорю: надо бы перестукать на машинке и потихоньку публиковать. «Пока не время». Подошло ли оно, или всё еще не время сполна печатать безусловного классика? Только история покажет, который час и русский ли он.

Главное, как обычно в разговорах Павла Ширмакова, – наш общий герой – Куприн. Затронули нашу с ним поездку в Гатчину в начале 70-х. Было то, помнится, 21 мая. Погода тогда сильно поменялась – дождь со снегом, и холод пробирает заправский. Цель для меня заветная – подняться на Дудорову гору и попробовать разглядеть оттуда купол Исаакия Далматского, солдаты Юденича его оттуда однажды видели. Книжка Александра Ивановича «Купол собора Исаакия Далматского» издана была за рубежом и доступна из моих знакомых разве что одному Ширмакову, а он, возможно, ее получил из рук самой Ксении Александровны. Книжка эта меня захватила полностью, пробовал даже в дневник кое-что заметить. И всё же лучше всего в натуре поглядеть, глазами добровольцев.

Дудергофские горы не слишком высокие, но с крутыми склонами. Карабкаемся вдвоем, поглядывая с высоты вниз. Вон ползет личинкой электричка, а впереди пробиваются пока не густеющие травы. Наверху горы, отдышавшись, вглядываемся в центр

невской столицы Петра. Эх, как бы в бинокль окинуть Невский и купол золотой получше разглядеть, а так-то тридцать верст да пасмурная погода мешают, вид смазывают. Пока оглядывали макушку, наволочь с неба стала сползать, и сразу повиднело. Зорче всматриваемся в городские площади и проспекты. Ну как же, вот он, Исаакий! С его золотым «кумполом», с крестами, совсем близко. Как не храбриться было простодушным добровольцам? И они храбрились, по-своему примечая солнечные отличия святыни.

Разумеется, всё, что я так увлеченно рассказывал своим собеседникам, им ведомо доподлинно, а читательский восторг, мне показалось, задел дочь Куприна. Всё, где ее отец, там и она, внемлющая живо. Добавила лишь несколько слов касательно ругателей и ненавистников отца, во многом этой книжкой распаляемых. Да пес с ними, их не перетолкуешь, проще не замечать.

Прощались с дочерью Куприна тепло, как с человеком близким. До дверей нас провожал Ю-ю и его даровитая хозяйка, Ксения Александровна, «Кисса». И ее рыжий дружок Ю-ю на прощание поднял лапу. Спасибо!

А мы с Ширмаковым направились к нему ночевать, и там еще до полночи вникал в купринскую публицистику, мне дотоль неизвестную. А наутро Павел Петрович обещал сводить меня в древлехранилище Пушкинского Дома.

Древлехранилище Пушкинского Дома – собрание жемчужин этого академического института, драгоценных памятников словесности Древней Руси, обретенной в подлинниках давнего времени. Рассказывает нам хранитель этих сокровищ Владимир Бударагин. Он подводит нас к роскошно переплетенной рукописи Писания, и мы вглядываемся в тексты, трепетно и с величайшей тщательностью написанные от руки. Это, говорит, переписывала Царевна Софья для своего дружка Василия Голицына, в знак непритворных чувств. Сколько сладостного усердия, сколько благоговения в многодневном труде. И всё ради отважной любящей души. Разглядывая этот беспримерный памятник, я невольно вспомнил «Суламифь» Александра Куприна – вдохновенный пересказ книги Соломона «Песнь Песней», самой жгучей поэмы библейского канона. Она о высоких помыслах, приближенных к земле, – о любви и надежде. В мастерском переложении всё это сохранено вплоть до передачи аромата. Александр Иванович был поистине большой

художник слова и прекрасный стилист. Второй век живет его пересказ «Суламифь», а воспринимается в первоначальной свежести. Куприн – замыкающий классик великой нашей литературы, облагораживает и теперь народный характер.

Еще одно дивное диво древлехранилища – подлинник рукописи огнепального Аввакума. Она как святыня сберегалась старообрядчеством и вот сквозь лихие годы дошла до наших дней. А всё благодаря исследователям, ищущим и просвещенным, водимым Владимиром Ивановичем Малышевым, основателем этого отдела в Институте русской литературы. Автограф «Жития» протопопа Аввакума энергичен, будто он сам в неукротимой воле и стремлении к правде. Рукопись облечена в камус, сыромятную кожу с шерстью, словно только что снятую с ноги оленя.

В фондах древлехранилища представлено много славных имен, чьи деяния не забыты в нашей истории. И конечно, здесь представлено богатейшее собрание редкостных сборников для церковного и светского употребления, сказания о святых угодниках и богослужебные тексты. Всё, чем жила Родина от века, здесь хранят достойно и со знанием дела.

Попрощавшись любезно с тружеником исторической памяти, с благодарностью направился в гостиницу, чтоб осмыслить узнанное.

Публикацию подготовила М.А. Бирюкова

ЗАМЕТКИ КОТА УЧЕНОГО

ЧИТАЯ «ЖИВАГО»

Впервые я узнала о книге «Доктор Живаго», будучи шестилетней девочкой. Это была аудиокнига, которую родители слушали в дороге, а вместе с ними и я. С первых строчек детское воображение и сердце были захвачены невероятной силой слова, однако, несмотря на сильное впечатление, в шесть лет понять весь смысл написанного почти невозможно. Долгое время из моей головы не выходил образ маленького Юры, плачущего на кладбище, ужасы революции и прекрасная Лара.

Прошло десять лет, и вот недавно, найдя ту самую книгу, которая взволновала маленькую девочку, я решила ее прочитать.

Это книга о трудных взаимоотношениях человека и эпохи. Когда в один миг всё начинает меняться с бешеной скоростью, удары судьбы летят в людей словно из пушки, а им надо с ними справляться, пытаясь сохранить верность себе.

Образ Живаго – автобиографичен; Пастернак наделяет его своими взглядами и, главное, – стихами. Благодаря стихам мы понимаем глубину Юриной души, видим его человеком, оторванным от реальности, равнодушным к «вершению истории».

Он видит красоту и душу в пламени свечи, которая стояла на окне, и в падающем снеге. Будучи человеком, выбравшим самую гуманную профессию – врача, он сталкивается с миром, полным жестокости.

Юрий Андреевич верит в революцию, сравнивает ее с хирургической операцией, испытывает душевный подъем при мысли, в какое время он живет.

Смерть Живаго – кульминация романа. Врач попадает в трамвай, где у него случается сердечный приступ. «Юрию Анд-

реевичу не повезло. Он попал в неисправный вагон, на который все время сыпались несчастья...» Мы сталкиваемся с примером задохнувшейся жизни, которую задушило военное время.

Образ свечи присутствует во всем романе, начиная с тех свечек, которые покупал для возлюбленной Паша, зная, что Лара любит разговаривать при свечах. «Свеча горела на столе, свеча горела...»

Отношение Живаго к Ларе подобно отношению человека к Богу, музе, существу высшему и неуловимому. Впервые он видит ее совсем мельком, однако этот образ навечно сохраняется в его памяти и сердце. Часто он сравнивает свою возлюбленную с Россией, ведь она такая же многогранная, разная, противоречивая. Через отношения Живаго и Лары показана сила судьбы и Бога. Ведь жизнь столько раз сталкивала их вместе даже там, где, казалось бы, это было невозможно. Они будто были рождены друг для друга. Пастернак изображает ту самую сильную любовь, которая случается однажды.

Софья Новожилова

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бирюкова *Маргарита Анатольевна* – писатель, библиограф, краевед. В Интернете ведет страницу «Библио-Бюро Стрижева-Бирюковой», адресованную широкой аудитории филологов и педагогов-словесников и посвященную позабытым отечественным писателям. E-mail: rittabiruikova@mail.ru

Дмитренко *Сергей Федорович* (р. 1953) – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. А.М. Горького; историк русской литературы и культуры, журналист, прозаик. Автор работ о Н.С. Лескове, М.Е. Салтыкове (Щедрине), современной литературе. E-mail: sergdmitrenko@yandex.ru

Иващенко *Елена Геннадьевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского государственного университета. Автор научных статей по проблеме взаимодействия стиха и прозы в русской литературе XX в. E-mail: eivaschenko@mail.ru

Красавченко *Татьяна Николаевна* – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН. Сфера научных интересов: английская литература и литературная критика, литература русского зарубежья, имагология, сравнительное литературоведение. Автор книги «Английская литературная критика XX в.» (1994); составитель, автор послесловия и комментариев в двухтомнике Т.С. Элиота «Избранное: Религия, культура, литература» (2004); составитель, автор предисловия

в Собрании сочинений Г. Газданова в 5 т. (2009); составитель и ответственный редактор двухтомника В.Б. Земскова: «О литературе и культуре Нового Света» (2014), «Образ России в современном мире и другие сюжеты» (2015); составитель, автор предисловия в кн.: *Варшавский В.* Ожидание: проза, эссе, литературная критика (2016). E-mail: tatianakras@mail.ru

Логвинова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного института музыки им. А.Г. Шнитке. Автор работ по истории йенского романтизма, русской литературе. E-mail: logrina@gmail.com

Николюкин Александр Николаевич (р. 1928) – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН. Автор 12 монографий по американистике и истории русской литературы. E-mail: anikolyukin1928@yandex.ru

Ранчин Андрей Михайлович (р. 1964) – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, специалист по древнерусской литературе и русской литературе Нового времени. Автор монографий: «На пиру Мнемозины: Интертексты Иосифа Бродского» (2001), «Вертоград Златословный» (2007), «Борис и Глеб» (2012) и др. E-mail: aranchin@mail.ru

Стрижёв Александр Николаевич (р. 1934) – писатель, библиограф. Сфера научных интересов – библиография русских писателей, в том числе Е.И. Замятина, Л.Ф. Зурова, В.К. Тредиаковского, М.М. Хераскова, А.С. Шишкова, А.Ф. Лабзина и мн. других. Научно-исследовательские работы собраны в кн.: Собрание сочинений: в 5 т. (2007). E-mail: astrizhev.mbiriukova@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (50)

Научный журнал

**Корректор А.В. Маньковский
Компьютерная верстка Н.М. Власова**

Свидетельство о регистрации журнала как СМИ
в Роскомнадзоре – ПИ № ФС 77–36086 от 28.04.2009
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения
liter@inion.ru

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 10/ХП-2020 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,2 Уч.-изд. л. 11,2
Тираж 400 экз. (1–150 экз. – 1-й завод)
Заказ № 130

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У